

9(05)
В63
Ж 8860

ВР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Военно- исторический журнал

№ 1-3

1941
— ВОЕНИЗДАТ НК О СССР —

Военно- исторический журнал

ЖУРНАЛ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИИ

№ 1

ЯНВАРЬ

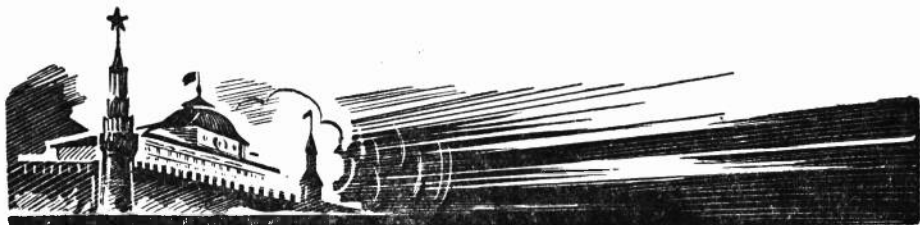

УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1941

В. И. Ульянов (Ленин).

(1870—1924)

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

К СЕМНАДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА

Семнадцать лет назад умер гений пролетарской революции Владимир Ильич Ленин. Проходят годы. Под водительством великого вождя народов товарища Сталина растет и крепнет социалистическое государство, созданное Лениным. Новые народы входят в советскую семью. Новые исторические задачи приходится разрешать нашей партии. Но единственно верным компасом, указывающим направление к коммунизму, остается великое учение Ленина. Не угасает безграничная любовь миллионов к тому, кто отдал всего себя без остатка делу трудящегося человечества. Вечной, немеркнувшей славой окружают народы дорогое имя — Ленин. Это имя — знамя, под которым сражались трудящиеся нашей страны и победили капиталистов, помещиков, иностранных интервентов. Это имя — знамя, под которым рабочий класс всего мира ведет борьбу за освобождение от гнета капиталистической эксплуатации.

Вот уже семнадцать лет идет страна Советов без Ленина по ленинскому пути, руководимая великим продолжателем дела Ленина товарищем Сталиным. За эти годы наша страна прошла славный путь борьбы и побед, построила социализм и вступила в новую полосу развития — постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В делах социализма, во всем величественном облике нашей страны, в героических подвигах наших людей живет бессмертие ленинских идей.

Ленин оставил советскому народу и трудящимся всего мира всепобеждающее боевое оружие — ленинизм. Учение Ленина — это теоретическое обобщение богатейшего опыта революционной борьбы в период империализма и развертывающейся пролетарской революции, когда рабочий класс уже победил на одной шестой части мира.

Опираясь на основные положения марксизма, великий мыслитель и революционер дал анализ империализма, доказал, что империализм есть последняя стадия капитализма, канун социалистической революции. На основе изучения законов развития империализма Ленин сделал величайшее научное открытие о возможности победы социализма первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой стране. Ленинская теория социалистической революции полностью осуществилась в жизни, она подтверждена всем опытом построения социализма в СССР.

Ленин оставил рабочему классу и трудящимся всего мира не только

неоценимое теоретическое наследство; он оставил созданную им, закаленную в жестоких боях большевистскую партию.

Большевистская партия, построенная на ленинско-сталинских организационных и идеологических основах, представляет могучую армию, умеющую сплачивать вокруг своих рядов народ и победоносно вести его на любые революционные бои. Под руководством Центрального Комитета во главе с товарищем Сталиным она отстояла чистоту ленинизма в бесчисленных боях с врагами социализма. Разгромив сонмище внутренних и внешних врагов, большевистская партия превратила возможность построения социализма в одной стране в действительность.

Корифей науки, величайший мастер революции, Ленин открыл новый этап развития во всех областях теории и практики марксизма. Он беспощадно боролся против всех догматиков и рутинеров, выхолащивающих из марксизма его живую душу, его революционный метод. Ленин всегда помнил, что марксизм — не догма, а руководство к действию. Он смело прокладывал новые пути победы рабочего класса, ломая всякие препятствия и устаревшие традиции. Источник ленинской смелости — его гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разглядывать внутренний смысл надвигающихся событий.

Ленин — творец первого в мире Советского социалистического государства. Учение марксизма о диктатуре пролетариата Ленин развил дальше, открыв советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата. Он развил учение о том, что диктатура пролетариата есть наивысшая форма демократии, выражающая интересы большинства населения.

Но Ленин не только создал Советское государство. Он отдал всю силу своей гениальности, всю страсть великого революционного борца делу защиты молодой республики, организации ее вооруженных сил.

Ленин блестяще разработал на основе учения основоположников марксизма проблемы войны (в частности, гражданской) и был замечательным стратегом, гениальным руководителем классовой борьбы за диктатуру пролетариата. «...Бери эти оружия смерти и разрушения, — писал Ленин, — не слушай сантиментальных нытиков, боящихся войны; на свете еще слишком много осталось такого, что должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса...»¹.

Ленин раскрыл «тайну рождения войны», механизм возникновения войн в эпоху империализма. Он показал, почему война 1914—1918 гг. стала мировой войной, и дал боевую программу борьбы пролетариата за революционный выход из нее.

После Великой Октябрьской социалистической революции проблема обороны Советского государства при наличии капиталистического окружения была главной и неустанной заботой Владимира Ильича. Отстаивая политику мира, Ленин указывал, что Советское государство должно вести самостоятельную внешнюю политику, преследующую интересы своего народа, не считаясь с тем, нравится ли она капиталистическим державам или нет. При этом, учил он, «...надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами. Если бы мы этого

¹ Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 276

правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах»².

Борьба за мир не исключает активных военно-наступательных действий для обеспечения безопасности социалистического государства. Ленин писал: «Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками»³.

Начиная с организации отрядов Красной гвардии, Владимир Ильич с исключительным вниманием, проникновенной заботой относился ко всему, что касалось создания вооруженных сил пролетарской диктатуры. Старая армия, доказывал он, являясь по своей природе классовым оружием буржуазии, не может выполнить исторической роли — защиты нового, социалистического государства, а поэтому она должна быть сломана, как и вся буржуазная, помещичья государственная машина. Не могла выполнить этой роли и слабая в военном отношении Красная гвардия. И Ленин поставил задачу — создать новую армию, армию социалистического государства, способную отразить любые нападения на страну Советов.

28 (15) января 1918 г. Ленин подписал исторический декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Старая армия, гласил декрет, служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом советской власти и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе. «Мы решили иметь армию в 1.000.000 человек к весне, — писал Ленин в октябре 1918 г., — нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь»⁴.

Ленин возглавил созданный в ноябре 1918 г. Совет Рабоче-крестьянской Обороны и сосредоточил в своих руках все практические вопросы, связанные с войной: формирование армии, мобилизацию промышленности, организацию снабжения, работу транспорта. Строя вместе с товарищем Сталиным армию, он призывал не останавливаться ни перед какими жертвами, чтобы создать боеспособную, дисциплинированную армию. «Усиленная военная подготовка для серьезной войны, — учил Ленин, — требует не порыва, не клича, не боевого лозунга, а длительной, напряженной, упорнейшей и дисциплинированной работы в массовом масштабе»⁵. Ленин не выносил расхлябанности, недисциплинированности, партизанщины в армии. Выступая на VIII съезде партии, Ленин и Сталин беспощадно бичевали «военную оппозицию», которая пыталась защищать пережитки партизанщины, отрицала необходимость железной воинской дисциплины и была против создания регулярной Красной Армии. Дисциплина, централизация, героическое самопожертвование — вот что, подчеркивал неоднократно Ленин, обусловило победы Красной Армии.

² Ленин. Соч., т. XXV, стр. 498.

³ Там же, т. XXVI, стр. 49—50.

⁴ Там же, т. XXIII, стр. 217.

⁵ Там же, т. XXX, стр. 385.

Стратегический гений Ленина и Сталина всегда прозорливо определял решающий фронт, где надо сосредоточить все внимание, все людские резервы и технические ресурсы. Организация победы в каждый период гражданской войны шла под определенным боевым лозунгом. В марте и апреле 1919 г. на всю страну прозвучал лозунг: «Все на борьбу с Колчаком!». В мае этого же года, после ряда серьезных ударов по Колчаку, Ленин выдвигает лозунг: «Все на защиту Петрограда!». После того как был разбит Юденич, выдвигается новый решающий лозунг: «Все на борьбу с Деникиным!». Затем, в 1920 г., последовательно прозвучали лозунги: «Все на борьбу с панской Польшей!», «Добить Врангеля!».

В ответ на мобилизующие лозунги «Социалистическое отечество в опасности», «Все для фронта!» сотни тысяч рабочих и крестьян шли добровольцами на фронт; не было такой жертвы, на которую не пошел бы народ во имя защиты своей социалистической республики.

По окончании войны Советская страна переходит на рельсы мирного хозяйственного строительства. Необходимо было восстановить разрушенное народное хозяйство, наладить работу промышленности, транспорта, поднять сельское хозяйство, укрепить оборону страны.

Ленин теоретически обосновал и наметил конкретные пути экономической политики переходного периода от капитализма к коммунизму. Основная задача новой экономической политики заключалась в том, чтобы создать мощную социалистическую индустрию, сделать нашу страну независимой от капиталистических стран, обеспечить реконструкцию всего народного хозяйства и техническое перевооружение сельского хозяйства. Важнейшей целью индустриализации страны, по учению Ленина, являлось создание могучей обороны, вооружения Красной Армии, чтобы она могла нанести удар по любому врагу, посягнувшему на нашу родину.

Ленин разработал гениальный кооперативный план постепенного перехода мелкого крестьянства на путь социалистического ведения хозяйства. Этот план был в дальнейшем развит товарищем Сталиным. Под его руководством, при прямой поддержке со стороны миллионов масс крестьян был произведен глубочайший революционный переворот. Самый многочисленный трудящийся класс в нашей стране, класс крестьян, был переведен с пути единоличного хозяйства на путь общественного, колхозного, социалистического хозяйства. При этом был ликвидирован последний эксплуататорский класс в нашей стране — класс кулаков.

Семнадцать лет, проведенных после смерти Ленина, — это период напряженной созидательной работы по осуществлению великого ленинско-сталинского плана построения первого в истории человечества социалистического общества.

Без Ленина, по ленинскому пути с гениальным мастерством ведет советский корабль товарищ Сталин. Под его руководством осуществляются великие ленинские заветы. Социализм победил в нашей стране. В результате выполнения сталинских пятилеток созданы первоклассная промышленность и самое крупное в мире социалистическое хозяйство.

По технике производства, по темпам роста социалистической промышленности мы догнали и перегнали все передовые капиталистические страны. XVIII съезд партии поставил грандиозную политическую задачу — догнать и перегнать в ближайшие десять-пятнадцать лет передовые капиталистические страны также и в экономическом отношении. Эта задача успешно выполняется. Народное хозяйство СССР быстрыми темпами идет вперед. В социалистическом соревновании и его высшей форме — стахановском движении — воплотились ленинско-сталинские идеи о самоотверженной творческой работе масс при социализме.

Ленин завещал хранить и укреплять Советское государство, расширять Союз Советских Республик. Этот ленинский завет выполняется с честью. За семнадцать лет после смерти Ленина наше государство превратилось в непобедимую силу социализма. Развитие Советского государства идет по пути, намеченному Лениным и Сталиным. Учение Ленина о Советском государстве и его задачах в переходный период от капитализма к социализму Сталин развил в учении о социалистическом государстве и его задачах в переходный период от социализма к коммунизму. Сталин показал, что социалистическое государство при наличии капиталистического окружения может выполнить свою историческую задачу только при условии, если государство, все его органы будут всемерно укреплены. Враги социализма пытались любой ценой ослабить социалистическое государство. Советский народ под руководством партии разгромил их осиное гнездо.

Годы, пройденные без Ленина, — это годы большого подъема государственной, экономической и оборонной мощи Советской страны, годы крупных успехов в нашей политике, роста международного авторитета СССР, годы нового подъема политической и производственной активности советского народа, яркого расцвета социалистического демократизма.

Впервые в истории по ленинско-сталинскому плану строилось и построено могучее многонациональное социалистическое государство без национального гнета, без национальной вражды. СССР расширился и является сейчас союзом шестнадцати равноправных республик. Вслед за Западной Украиной и Западной Белоруссией под знамя Советов встали новые советские республики — Латвийская ССР, Эстонская ССР, Литовская ССР. В образовавшуюся Молдавскую ССР вошла освобожденная из-под гнета румынских бояр Бессарабия. В семью народов СССР вошла Северная Буковина. Население Советского Союза только за один год увеличилось на 23 миллиона и достигло 193 миллионов человек.

За годы, прошедшие после смерти Ленина, Красная Армия выросла в самую сильную в мире армию. Созданная и воспитанная Лениным и Сталиным, Красная Армия является армией героев. Чудеса героизма и подлинно советского патриотизма показала наша армия в боях на озере Хасан, на реке Халхин-Гол, на фронте борьбы с белофиннами.

Неустанны заботы партии, товарища Сталина о создании армии, которая была бы сильнее армии любого буржуазного государства и возможной группировки сил буржуазных государств. Неустанны заботы товарища Сталина о дальнейшем усилении боевой техники Красной Армии, о том, чтобы военное искусство — стратегия, оперативное искус-

ство, тактика, конкретное знание своего дела военными кадрами—стояло на большой высоте. И непрерывный рост вооруженных сил социалистического государства — это выполнение одного из основных заветов Ленина нашей партии.

Центральный Комитет ВКП(б) и советское правительство поставили перед Красной Армией ответственные задачи, потребовали перестройки форм и методов боевой подготовки и воспитания войск с учетом опыта современных войн. Наша славная армия под руководством Народного Комиссара Обороны СССР Героя и Маршала Советского Союза товарища С. К. Тимошенко с успехом решает поставленные перед ней задачи и готова в любой момент нанести сокрушающие удары по врагу.

Прошло семнадцать лет после смерти великого основателя большевизма. Как далеко ушел в своем развитии Советский Союз! Как выросли его силы, морально-политическая сплоченность народа вокруг партии Ленина—Сталина! Какие большие испытания выдержало за эти годы Советское государство! Из каждого испытания оно выходило еще более окрепшим, потому что на всех серьезных поворотах партия под руководством товарища Сталина шла по ленинскому пути, соединяя в решении важных вопросов ленинскую смелость и мудрость. Наша страна росла и оставалась неприступной для многих врагов, потому что одной из могучих движущих сил развития нашего общества является советский патриотизм. Нет такой области работы в нашей стране, где бы не было советских патриотов, простых советских людей, готовых на любые подвиги во имя любимой родины, во имя процветания ленинского дела.

В каждом советском человеке наша партия воспитывает ленинские черты. Ленин был величайшим советским патриотом. Его действенная любовь к народу, любовь к обретенному человечеством социалистическому отечеству заряжала миллионные массы готовностью идти на любые жертвы, рождала героев. Так же вдохновляет сейчас миллионы людей беззаветная преданность делу коммунизма великого Сталина, сменившего Ленина на посту рулевого советского корабля.

Ленин и Сталин, величайшие патриоты социалистического отечества, воспитали в нашем народе чувство глубокого советского патриотизма. И нет выше счастья для советского человека, чем совершать героические дела во имя своей родины, во имя Ленина и Сталина, ибо советские люди полны ленинской веры в светлое будущее человечества, ибо они знают, что дело Ленина, победившее на одной шестой земного шара, победит всюду.

ПОЛКОВНИК И. РАТНЕР

БРУНЕТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

(1937 г.)

Потерпев жестокое поражение в районе Гвадалахары (8—22 марта 1937 г.) командование мятежных войск вынуждено было отказаться от наступления непосредственно на столицу Испании — Мадрид. Генерал Франко решил направить усилия своих войск на другие направления и поставил целью в течение лета 1937 г. ликвидировать республиканский фронт на севере страны, отрезанный от остальной территории республиканской Испании.

Поэтому сразу же после Гвадалахарской операции он перебросил на север почти всю свою авиацию, основную массу артиллерии, танков и наваррские бригады — наиболее боеспособные и надежные части франкистов. Сюда же были переброшены и остатки итальянского экспедиционного корпуса, разгромленного под Гвадалахарой.

В начале апреля франкисты начали наступление на Бильбао и в середине июня оккупировали этот город. Вслед за этим Франко начинает готовить операцию по захвату Сантандера — последнего из крупных центров республиканского севера. Республиканское командование не могло оказать непосредственной помощи Северному фронту. Однако, чтобы облегчить положение войск, находившихся на севере страны, республиканское командование решило предпринять ряд операций на Центральном фронте с тем, чтобы оттянуть с севера хотя бы часть сил противника. Но эти частные операции не оттянули сил из главной северной группировки противника. Франкисты продолжали хотя и медленный, но решительный захват территорий республиканского севера. Тем временем республиканцы усиленно формировали резервы, обучали их, создавали артиллерийские и танковые части. С огромными трудностями к концу июня было закончено формирование, укомплектование и обучение 5-го корпуса республиканской армии. Этот корпус был создан на базе наиболее боеспособных бригад: Листера, Компесино и 11-й Интернациональной. Корпус формировался в районе Мадрида, главным образом из мадридских рабочих. Одновременно из разрозненных бригад, отозванных с линии фронта, был создан 18-й резервный корпус. Таким образом, к концу июня 1937 г. командование республиканской Испании имело в своем распоряжении два резервных корпуса. Намечалось путем перегруппировок оттянуть с линии фронта еще несколько бригад. Но положение севера становилось с каждым днем все более опасным, и республиканское командование решило провести в начале июля наступательную операцию силами 5-го и 18-го корпусов на правом фланге мадридского участка Центрального фронта в районе Вальдеморильо.

После январских боев под Мадридом и февральских на р. Харамы фронт на мадридском участке окончательно стабилизировался. Обе стороны перешли к длительной обороне. Наступило затишье, лишь изредка прерываемое артиллерийской перестрелкой. Пехота зарылась в землю и перешла к позиционным формам борьбы.

Мадридский участок фронта простирался примерно от южных отрогов Гвадаррамских гор на юго-восток к западным и южным окраинам Мадрида, оттуда вдоль р. Харама до ее впадения в р. Тахо.

На этом участке франкисты имели отдельный «Мадридский корпус» в составе четырех дивизий (50 000—55 000 бойцов, до 300 орудий и 100 танков), общее протяжение фронта корпуса — 100—110 км. В среднем на 1 км фронта франкисты имели около одного пехотного батальона с батареей. Глубина обороны была небольшая. Наиболее сильные укрепления имелись лишь на переднем крае и отдельные опорные пункты —

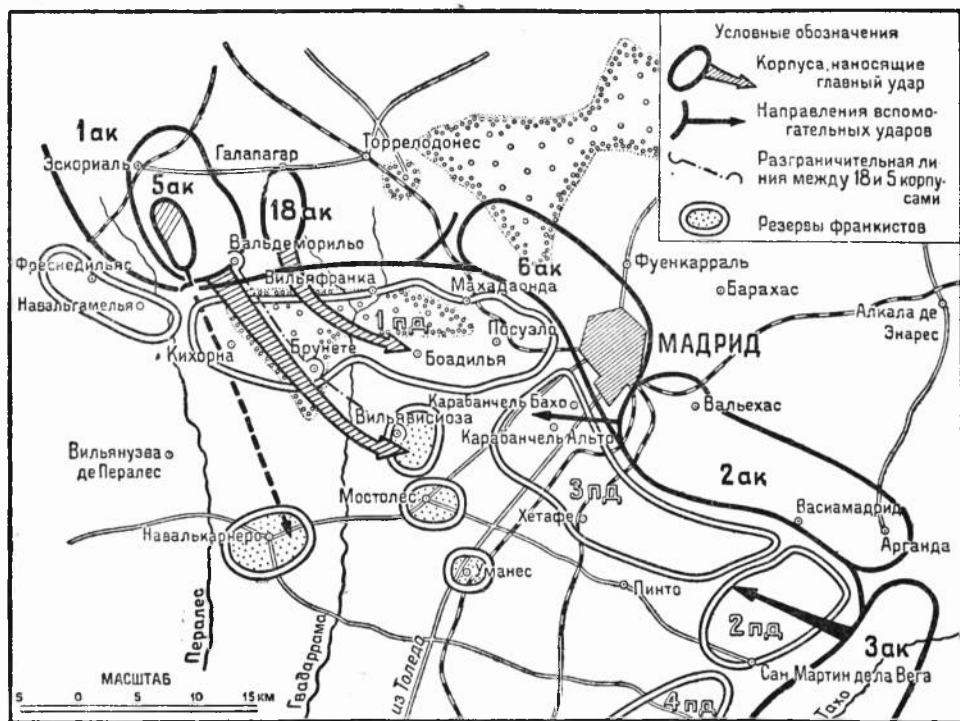

Схема 1. Брунетская операция.

в ближайшей тактической глубине. Ни крупных резервов, ни сильных оборонительных рубежей франкисты в тылу Мадридского корпуса не имели. Их ближайшие оперативные резервы (8 000—10 000 человек) располагались в районах Толедо и Талавера. Наиболее плотную группировку франкисты имели на восточном берегу р. Харама и на окраинах Мадрида. В центре фронт был сплошным: непрерывные окопы в рост, проволочные заграждения, отсечные позиции. Все населенные пункты и отдельные здания были хорошо подготовлены к обороне. На флангах мадридского участка фронт не был сплошным: франкисты занимали отдельные пункты с круговой обороной. Между опорными пунктами осуществлялось лишь огневое взаимодействие. Таков был характер обороны на левом фланге мадридского корпуса франкистов, там, где республиканцы наметили нанести главный удар.

На направлении главного удара республиканцев между реками Пералес и Ауленсия местность представляет собой спускающиеся в сторону противника отроги Гвадаррамских гор. На правом фланге участка прорыва на круглой голой горе Льянос находился опорный пункт франкистов с круговой обороной, имелись окопы в рост и проволочные заграждения в два ряда. Селения Кихорна и Вильянуэва-де-ля-Каньяда, находящиеся у подножья спускающихся на юг горных отрогов, пред-

ставляли собою также опорные пункты с круговой обороной. В районе Кихорна местность пересеченная, овражистая, севернее этого пункта находится густой лес. Вильянуэва де ля Каньяда расположена на ровной открытой местности, лишь слегка всхолмленной.

В глубине расположения противника, в 5 км южнее Вильянуэва де ля Каньяда, находится селение Брунете, которое было приспособлено для обороны. Оно расположено на открытой слегка всхолмленной местности с редкими оливковыми рощами. На участок прорыва из республиканского тыла подходило лишь одно шоссе в селение Вальдеморильо. Оттуда оно спускалось в Вильянуэва де ля Каньяда и дальше — в Брунете; из Вальдеморильо в Кихорна ведет асфальтовая дорога, из Кихорна в Брунете — полевая дорога. Таким образом, из Вальдеморильо в Брунете дороги нет, сообщение только через Кихорна или Вильянуэва де ля Каньяда.

Местность между двумя последними пунктами перерезана несколькими оврагами с крутыми песчаными стенками. Следовательно, перед республиканцами на участке прорыва находились четыре изолированных опорных пункта противника: Льянос, Кихорна, Вильянуэва де ля Каньяда и в глубине — Брунете. Дальше никаких укреплений не было. В ближайших районах не было также и резервов. Овладение этими четырьмя опорными пунктами означало прорыв фронта противника на всю его глубину. Дальше открывался свободный путь, как на переправы через р. Гвадаррама, на юго-восток, в тактический тыл основной группировки франкистов, или же прямо на юг, на Навалькарnero (основная тыловая база Мадридского корпуса и узел шоссейных дорог).

При наступлении на Брунете и повороте фронта на юго-восток республиканцам следовало очень серьезно считаться с угрозой удара франкистов в правый фланг и тыл наступающей группировки со стороны Навальгамелья. Правый берег р. Пералес у Навальгамелья командовал над левым, кроме того, к Навальгамелья шли скрытые подступы из тыла, по которым франкисты могли быстро и незаметно сосредоточить ударную группировку на фланге республиканцев.

Таким образом, местность для нанесения главного удара была выбрана республиканцами чрезвычайно удачно. Быстрое овладение четырьмя упомянутыми выше опорными пунктами и наличие сильного и подвижного эшелона развития успеха, сильное обеспечение правого фланга могли бы привести к блестящему успеху республиканцев.

К началу наступления республиканцев франкисты имели в полосе, ограниченной с запада р. Пералес и с востока р. Гвадаррама, четыре основных опорных пункта: Льянос с гарнизоном в составе двух рот с одним орудием ПТО, Кихорна с гарнизоном в составе двух неполных батальонов и тремя орудиями ПТО (в процессе боев за Кихорна гарнизон ее усилился еще одним батальоном), Вильянуэва де ля Каньяда с гарнизоном, состоявшим из одного батальона с двумя орудиями ПТО, Брунете с гарнизоном в один батальон и двумя орудиями ПТО — всего пять батальонов с восемью орудиями ПТО на фронте в 10 км. На участке прорыва могли дать огонь три артиллерийских дивизиона франкистов из соседних участков. Ближайшие резервы франкистов, которые могли быть немедленно подброшены из соседних участков, составляли три-четыре батальона.

Республиканцы имели на мадридском участке от Вальдеморильо (исключительно) до Аранхуэс (включительно) три корпуса в составе десяти пехотных дивизий, а также 5-й и 18-й резервные корпуса. Всего в распоряжении республиканского командования на мадридском участке находилось до 105 000 бойцов, 250 орудий и около 130 танков.

Ударная группа республиканцев состояла из 5-го и 18-го армейских корпусов. В состав 5-го корпуса входили три дивизии (46-я, 11-я, 35-я),

три артиллерийских дивизиона (дивизии артиллерии не имели, за исключением 46-й, в составе которой была одна батарея сопровождения), батальон танков (30 танков, 10 бронемашин), кавполк из четырех эскадронов. 46-я дивизия состояла из двух бригад (101-й и 10-й), 11-я дивизия — из трех бригад (1-я, 100-я, 9-я), 35-я дивизия — из трех бригад (11-я Интернациональная, 32-я и 108-я, причем последняя была расформирована в первый же день операции вследствие ее небоеспособности). 18-й корпус состоял из трех дивизий (10-й, 15-й, 34-й), трех артдивизионов, батальона танков (40 танков и 10 бронемашин). В 10-ю дивизию входили: 3-я и 68-я бригады, в 15-ю — 16-я, 15-я и 13-я бригады и в 34-ю — 2-я и 111-я бригады. В распоряжении командования группы имелось, кроме того, четыре артиллерийских дивизиона. Таким образом, вся ударная группа состояла из 15 бригад или 60 батальонов пехоты, двух батальонов танков, 10 дивизионов артиллерии и одного кавполка. Каждая республиканская бригада состояла из четырех батальонов, численностью каждый 400—600 человек. Батальоны франкистов были лучше укомплектованы и насчитывали до 700—900 человек каждый.

ПЛАН РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

Республиканское командование решило прорвать фронт противника у Вальдеморильо силами 5-го и 18-го корпусов на участке примерно в 10—12 км между реками Пералес и Ауленсия. Направление удара — на юго-запад, на Брунете и дальше на рубеж Боадилья дель Монте—Вильявисиоза де Одон, угрожая, таким образом, основной коммуникации Мадридского корпуса франкистов — Эстремадурскому шоссе. Одновременно вспомогательные удары должны были нанести 3-й и 2-й корпуса. В случае успеха предполагалось перерезать Эстремадурское шоссе у Мостолес или у Навалькарnero, окружить и уничтожить части франкистов, занимающих позиции северо-западнее Мадрида, или в крайнем случае вынудить их к отходу.

Республиканцы на мадридском участке обладали двойным превосходством в живой силе, но втянуть дополнительные силы с линии фронта республиканское командование не решалось: фронт проходил по окраинам Мадрида и первый же успешный прорыв на любом участке выводил франкистов внутрь города; слишком велико было значение Мадрида для Испанской республики, чтобы идти на риск. Как следствие этого республиканцы имели на позициях мадридского участка, игравшего пассивно-оборонительную роль, излишек сил. Поэтому в ударную группу были выделены всего два корпуса, а в резерве главного командования оставалось всего две дивизии, которые к началу операции еще не были сосредоточены. Отсюда ясно, что силы республиканцев не соответствовали задаче освобождения Мадрида, которую поставило перед собой командование республиканцев. Если же учесть, что республиканцы рассчитывали этой операцией привлечь на Центральный фронт главные силы франкистов с Северного фронта, то еще более очевидным становится, что операция, предпринятая республиканцами, не могла рассчитывать на большой и решительный успех. Однако ждать дальше было невозможно — нужно было спасти республиканский север.

Утром 3 июля командиры 5-го и 18-го корпусов, вызванные в штаб фронта, получили приказание скрытно сосредоточиться в районе Эскориаль, Кольменар Вьехо, Вальдеморильо и быть готовыми на рассвете 5 июля начать атаку в направлении Брунете. Одновременно командирам корпусов было устно сообщено содержание проекта приказа командующего фронтом на наступление.

Немедленно по получении этих данных командир 5-го корпуса отдал устные распоряжения дивизиям на сосредоточение. К концу того же

дня он собрал командиров дивизий и технических частей в передовом окопе в 1,5 км восточнее высоты Льянос, сообщил им свое решение и отдал устный приказ о наступлении. Из этого окопа, расположенного на высоте и выдвинутого в сторону противника, была прекрасно видна вся местность впереди и на флангах, как на ладони. Сбор группы командного состава в передовом окопе был проведен с соблюдением мер маскировки.

В приказе командующего фронтом ставились следующие задачи корпусам:

5-му корпусу ближайшая задача — овладеть Льянос и Кихорна, последующая — Брунете, в дальнейшем иметь в виду наступление на юго-восток для захвата переправ через р. Гвадаррама по шоссе Брунете — Вильявисиоза де Одон;

18-му корпусу: ближайшая задача — овладеть Вильянуэва де ля Каньяда, последующая — захватить переправы через Гвадаррама на дороге Брунете — Боадилья дель Монте, в дальнейшем иметь в виду выход на рубеж Романильос — Москито.

5-му корпусу была поставлена дополнительная задача на протяжении всей операции обеспечивать правый фланг ударной группы от контратак с запада, со стороны Навальгамелья, а после взятия Брунете и с юга, со стороны Навалькарнеро.

Идея решения командира 5-го корпуса сводилась к следующему: пользуясь тем, что промежутки между опорными пунктами противником не занимались, окружить ночью опорные пункты Льянос, Кихорна и Брунете и на рассвете одновременно атаковать все три опорных пункта; в дальнейшем, обеспечив себя со стороны Навальгамелья и со стороны Навалькарнеро, продолжать наступление на переправы через Гвадаррама. Таким образом, командир 5-го корпуса решил одним ударом, в течение дня, выполнить все три поставленные перед ним задачи. В развитие этого решения он поставил следующие задачи дивизиям и приданным частям:

46-й дивизии — в ночь перед атакой одной бригадой окружить Льянос и выйти на р. Пералес фронтом на запад, где закрепиться, обеспечивая правый фланг корпуса, другой бригадой ночью же выйти к Кихорна, захватить ее на рассвете, выйти на перекресток дорог в 4 км южнее Кихорна, где закрепиться.

11-й дивизии — ночью пройти между укрепленными пунктами Вильянуэва де ля Каньяда и Кихорна, на рассвете выйти к Брунете и атаковать Брунете в 6 часов после артиллерийской и авиационной подготовки.

35-я дивизия (во втором эшелоне) — к утру сосредотачивается в 3—4 км южнее Вальдеморильо для действий ими по отражению возможных контратак противника с запада, со стороны Навальгамелья или для развития успеха южнее или юго-западнее Брунете.

Три артиллерийских дивизиона, имевшиеся в распоряжении командира корпуса, были распределены так: по одному дивизиону 75-мм орудий для поддержки 46-й и 11-й дивизий, а третий дивизион (105-мм) — в распоряжении командира корпуса.

Кавполк был сосредоточен в рощах севернее Вальдеморильо, с задачей быть готовым, после захвата Брунете 11-й дивизией, к движению на Навалькарнеро.

Две танковые роты получили приказ с рассветом выдвинуться из Вальдеморильо по аробной дороге к Кихорна, содействовать 46-й дивизии во взятии Кихорна, если последняя к тому времени еще не будет занята, после чего одна рота остается с 46-й дивизией, другая же из Кихорна по проселочной дороге движется к Брунете для соединения с 11-й дивизией, в чьем распоряжении она и остается. 3-я танковая рота и рота бронемашин были оставлены в резерве в районе севернее Вальдеморильо.

Исключительное внимание было обращено на скрытность сосредоточения и ночного движения в обход и в тыл опорных пунктов. Суть операции состояла в том, чтобы на рассвете неожиданно появиться сразу перед всеми опорными пунктами противника и одновременно атаковать их. Поэтому и танки должны были начинать движение с выжидательной позиции лишь после рассвета, когда бой уже будет в самом разгаре, чтобы преждевременно не привлечь внимания противника.

4 июля командиры дивизий поставили задачи командирам бригад также по местности, начальник артиллерии — командирам батарей, танкисты проводили рекогносцировку местности и провешивание маршрутов, была организована связь, командные и наблюдательные пункты.

В тот же день корпуса получили письменный приказ на наступление. Ввиду неготовности 18-го корпуса наступление было отложено на 6 июля. 5 июля была произведена атака на участке 3-го корпуса для отвлечения внимания противника от направления главного удара. Вечером того же дня было замечено выдвижение до одного батальона противника из Брунете в Кихорна и усиление гарнизона Льянос. Повидимому, республиканцам не удалось полностью скрыть сосредоточение войск и передвижения у себя в тылу и противник решил усилить передовые опорные пункты за счет резервов из Брунете.

ХОД ОПЕРАЦИИ

5 июля, в 22 часа части 5-го корпуса выступили из районов сосредоточения для выполнения поставленных задач. 101-я бригада 46-й дивизии, в течение ночи отбросив около двух взводов противника с высот северо-западнее Льянос, к рассвету вышла двумя батальонами на восточный берег р. Пералес и закрепилась фронтом на запад от отметки 630 до отметки 540 на участке шириной в 5—6 км, одним батальоном окружила Льянос, один батальон остался в резерве за правым флангом бригады. 10-я бригада по тропинкам спустилась к Кихорна, без выстрела заняла рощу на северной окраине деревни и выслала один батальон в обход Кихорна с юга. Обходящий батальон наткнулся на сплошную линию окопов и проволочных заграждений между кладбищем (500 м юго-восточнее деревни) и самой деревней. Кладбище оказалось также сильно укрепленным и обнесенным проволокой. Затем была выслана дополнительная разведка с целью определения промежутков и проходов в заграждениях западнее кладбища и деревни, но их не удалось обнаружить.

На рассвете, когда противник уже заметил движение республиканских войск перед Кихорна, части 10-й бригады попытались внезапной атакой захватить деревню, но атака была отбита. Во второй половине дня после 40-минутной артподготовки двумя дивизионами атака была повторена. Но вследствие сильного и организованного огня противника она захлебнулась в самом начале. Таким образом, в течение 6 июля 46-я дивизия ни Льянос, ни Кихорна не взяла.

11-я дивизия двигалась по целине, пересекая сыпучие овраги, в ночь на 6 июля вошла в 3-километровый промежуток между Вильянуэва де ля Каньяда и Кихорна, держа направление на опорный пункт Брунете. В первом эшелоне двигались 1-я и 100-я бригады, уступом влево — 9-я бригада. Бригады шли в колоннах, имея впереди головные батальоны на дистанции 300—400 м. Впереди себя на дистанцию 100—200 м головные батальоны выделили по одному отделению из отборных бойцов, хорошо ориентирующихся ночью на местности, вооруженных кинжалами и револьверами. В этих отделениях у некоторых бойцов имелись пакеты с мелом, которым они обозначали маршрут для сзади идущих.

Без единого выстрела 1-я и 100-я бригады к 4 часам утра сосредоточились в роще в 2 км севернее Брунете. Через час бригады, приведя себя в порядок, начали окружать Брунете: 100-я бригада наступала на северную и западную окраины, а 1-я бригада охватила Брунете с юга и востока. С 5 час. 30 мин. до 6 часов происходила артподготовка по Брунете.

По окончании артподготовки республиканская авиация бомбардировала Брунете и к 7 час. 30 мин., сжимая кольцо окружения, 11-я дивизи-

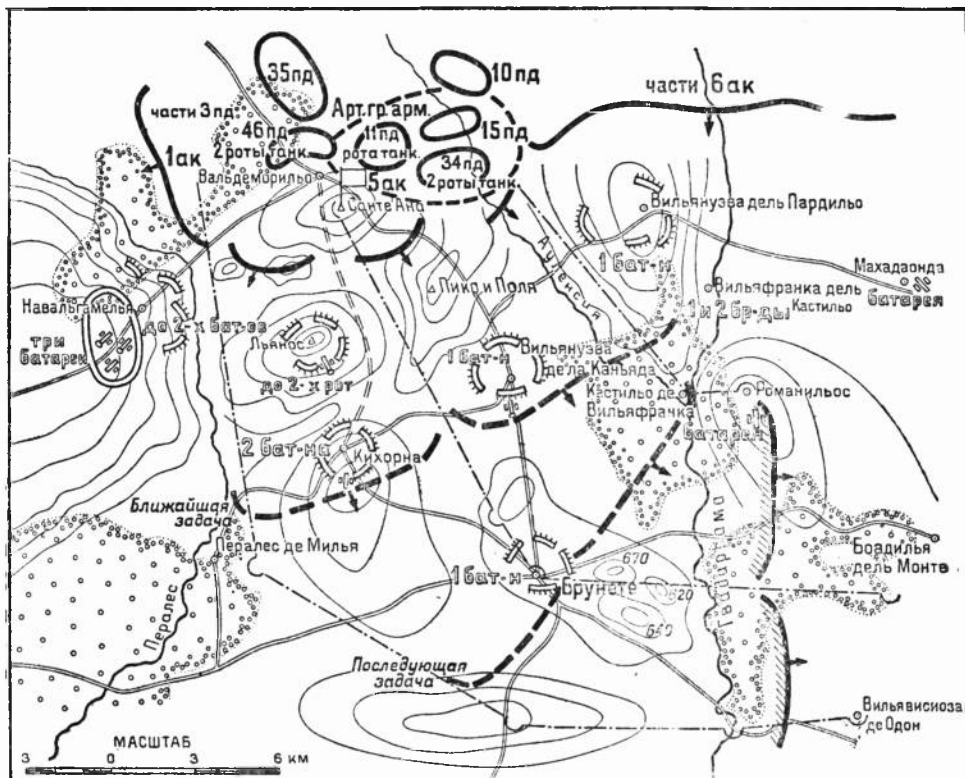

Схема 2. Обстановка на участке ударной группы к исходу дня 6.7 1937 г. и задачи корпусов.

зия овладела этим пунктом. Брунете оборонялся одним батальоном, который целиком был пленен. Слабое сопротивление гарнизона Брунете объяснялось тем, что накануне вечером на усиление гарнизонов Кихорна и Льянос из Брунете были отправлены четыре роты марокканцев.

Захватив Брунете, 11-я дивизия немедленно начала закрепляться на близлежащих высотах западнее, южнее и восточнее деревни, поспешно организуя круговую оборону. До 12 часов 6 июля противника нигде не было видно, и лишь после полудня Брунете подвергся артиллерийскому обстрелу двух батарей франкистов, два-три батальона противника неорганизованно пытались контратаковать Брунете со стороны Боадилья дель Монте и Вильявисиоза де Одон. Следует здесь же отметить, что 18-й корпус в течение 6 июля, несмотря на ряд повторных атак, не смог овладеть селением Вильянуэва де ля Каньяда.

11-я дивизия, захватив Брунете, оказалась в тылу противника, в то время как его опорные пункты на фронте: Льянос, Кихорна и Вильянуэва де ля Каньяда, еще держались. Пока не были взяты Кихорна или Вильянуэва де ля Каньяда, нельзя было осуществить никакого под-

воза для 11-й дивизии, ибо дороги проходили только через эти пункты. Приходилось довольствоваться только подносом людьми и подвозом на выючных мулах. 11-я дивизия осталась также без артиллерийской поддержки, так как без дорог артиллерию нельзя было подвести (11-я дивизия оставила в тылу даже свою малокалиберную артиллерию), а с огневых позиций перед фронтом артиллерия могла обстреливать только Брунете. Артиллерия противника уже с полудня 6 июля обрушилась на Брунете и взяла под перекрестный огонь с востока и запада промежуток между Кихорна и Вильянуэва де ля Каньяда.

В целях предупреждения контрудара противника с запада командование фронтом приказало 5-му корпусу держать 32-ю и 11-ю бригады 35-й дивизии в резерве южнее Эскориаль и не разрешило втягивать части дивизии в бой. Лишь два батальона расформированной накануне 108-й бригады были сосредоточены у промежутка Кихорна—Вильянуэва де ля Каньяда (остальные два батальона этой бригады были приданы по одному 46-й и 11-й дивизиям).

Командование 18-го корпуса возложило задачу овладения Вильянуэва де ля Каньяда на 34-ю дивизию с батальоном танков. 10-я и 15-я дивизии остались во втором эшелоне для развития успеха на Боадилья дель Монте после взятия Вильянуэва де ля Каньяда. Командование 18-го корпуса не использовало ночь перед атакой для тесного сближения с противником.

В 6 часов утра, после получасовой артподготовки и бомбового удара авиации, части 34-й дивизии на виду у противника начали спускаться по склонам возвышенностей для сближения. Получасовая артподготовка также не была использована для накопления в минимальном удалении от противника. Противник встретил густые построения атакующих организованным ружейно-пулеметным огнем с дальних и средних дистанций. Танки же с расстояния 500—600 м неожиданно были обстреляны огнем двух хорошо замаскированных противотанковых орудий и понесли большие потери.

Атакующая пехота залегла в 700—800 м от противника и дальше не продвигалась. Четыре раза до конца дня повторялась короткая артподготовка, завершаемая бомбовым ударом авиации. Четыре раза пехота подымалась, но, встречаемая организованным огнем, опять залегала. Танки пытались повторить атаку, но опять, как и в первый раз, встречались огнем двух орудий ПТО и несли большие потери.

Наступила ночь, а Вильянуэва де ля Каньяда не была еще взята. Причина столь длительной борьбы за Вильянуэва де ля Каньяда заключалась в неорганизованности республиканцев, в слабом оперативном руководстве. Как потом выяснилось, командование 18-го корпуса даже не уточнило расположения противника, его окопов и проволочки. Никто не знал, где проходит передний край противника: выдвинут ли он вперед деревни и насколько, или же он проходит по окраине. Артиллерии и авиации ставилась общая задача «бить по деревне», которая к концу дня была превращена в развалины, но оборона противника не была нарушена, ибо она проходила в 250—300 м впереди деревни в огородах, кустарниках, применившись к складкам местности. Противотанковые орудия франкистов были хорошо замаскированы и меняли позиции. Их так и не удалось обнаружить ни танкам, ни артиллерии.

К вечеру Вильянуэва де ля Каньяда хотя и держалась, но была уже почти окружена пехотой 34-й дивизии и одним батальоном 11-й дивизии, который по инициативе командира дивизии был направлен в тыл деревни. В ночь на 7 июля командир 18-го корпуса выбросил 15-ю дивизию в обход Вильянуэва де ля Каньяда с юго-запада для движения на Боадилья дель Монте. Это решило судьбу Вильянуэва де ля Каньяда. Ночью часть гарнизона пробилась на запад, часть ушла на юг к Бру-

нете и там была пленена, а около 200 человек оставшихся сдалось на рассвете непосредственно в окопах.

После занятия республиканцами Вильянуэва де ля Каньяда путь на Брунете для 11-й дивизии был открыт.

Узнав о взятии этого пункта, командир 5-го корпуса немедленно перебросил два батальона 11-й Интернациональной бригады на грузовиках из района Эскориаль по шоссе через Вильянуэва де ля Каньяда и через Брунете к перекрестку дорог, что в 4 км южнее Кихорна, с задачей овладеть перекрестком и закрепиться. Противник через этот перекресток просачивался небольшими группами в промежуток между 46-й и 11-й дивизиями. Миновав Брунете, около 11 часов утра батальоны с хода ввязались в бой с одним-двумя батальонами противника, занявшими перекресток и наступающими оттуда на Брунете с запада. Выгрузившись с машин под огнем противника, батальоны 11-й бригады атаковали и оттеснили его на запад от Брунете, но перекрестка занять не сумели, ибо противник успел здесь закрепиться, построив за ночь окопы.

С утра 7 июля командир 5-го корпуса перебросил в район Брунете артиллерийский дивизион для поддержки 11-й дивизии и приказал последней, обеспечив себя с юга, немедленно атаковать на юго-восток вдоль шоссе на Вильявисоза де Одон и захватить переправы через р. Гвадаррама. Командир 11-й дивизии не мог выделить больше одной бригады для выполнения этой задачи, ибо с утра 7 июля с востока, с юга и запада противник небольшими группами атаковывал части 11-й дивизии и не дал им возможности собраться в кулак. 9-я бригада с ротой танков перешла в атаку вдоль шоссе на юго-восток, захватила высоту 670 в 3 км юго-восточнее Брунете и дальше продвинуться не смогла: сопротивление противника ежечасно усиливалось, за ночь на высотах 640 и 620 противник построил окопы и проволочные заграждения. Таким образом, благоприятная обстановка, сложившаяся в течение 6 июля, была упущена 11-й дивизией.

Весь этот день дивизия, находясь в глубине расположения противника, не имела перед собой почти никаких его частей. Республиканцы могли не только захватить переправы через Гвадарраму, но и обрушиться на ближайшие тылы Мадридского корпуса франкистов.

Положение 11-й дивизии 6 июля было сложным, но отнюдь не тяжелым. И нужно было, не ожидая, пока соседи и вторые эшелоны пробьются вперед, активными действиями в тыл обороняющегося противника громить его, способствуя продвижению остальных соединений и частей.

Вследствие неиспользования благоприятного момента и пассивности успех 11-й дивизии ограничился только взятием Брунете. В течение всей операции ей не удалось выдвинуться дальше высот 640 и 620. Переправу через Гвадарраму она так и не захватила. Командир 5-го корпуса не имел второго эшелона для развития успеха, ибо 11-ю бригаду 35-й дивизии пришлось спешно выбросить через Брунете на юг от Кихорна для заполнения широкого разрыва, образовавшегося между 46-й и 11-й дивизиями, куда противник направлял свои контрудары, а 32-ю бригаду 35-й дивизии командование фронта все еще не разрешало использовать, боясь за правый фланг.

Кавполк утром 7 июля под артиллерийским огнем противника был выброшен командиром корпуса из района севернее Вальдеморильо, где он до того находился, в рощи, находившиеся в 1,5 км северо-восточнее Кихорна, с задачей организовать оттуда наблюдение за р. Пералес на юг до Пералес де Милья. Первоначальная идея — выбросить кавполк в направлении на Навалькарnero — была отставлена ввиду того, что за время, прошедшее после взятия Брунете, элемент неожиданности уже

утратил свое значение и противник успел организовать оборону на подступах к Навалькарnero. Это соображение было совершенно правильным, но командование допустило ошибку, не выбросив кавполк утром 6 июля, немедленно после взятия Брунете. Учитывая, что Льянос, Кихорна и Вильянуэва де ля Каньяда с утра 6 июля были осаждены республиканцами, кавполк мог и при дневном свете на виду у противника прорваться между этими пунктами к захваченной республиканцами Брунете и оттуда действовать или на Навалькарnero или на Виллависиоза де Одон, не встретив серьезного сопротивления.

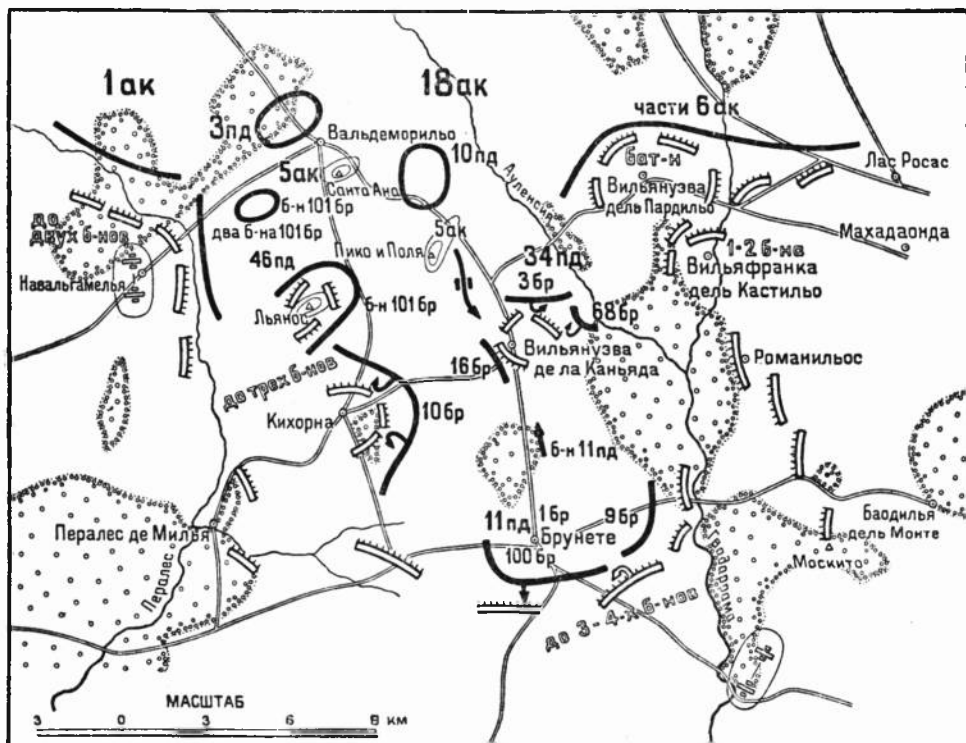

Схема 3. Обстановка к исходу дня 6 июля 1937 г.

18-й корпус после взятия Вильянуэва де ля Каньяда весь день 7 июля протоптался на месте. Части 34-й дивизии вследствие крайне слабого управления сильно перемешались и в течение всего дня не могли даже выйти к слиянию рек Гвадаррама и Ауленсия, несмотря на то, что здесь были лишь отдельные разрозненные группы противника.

15-я дивизия, выдвинувшись в ночь с 6 на 7 июля в обход Вильянуэва де ля Каньяда с юго-запада, за день 7 июля дошла только до леса, что в 3 км северо-восточнее Брунете, где и сосредоточилась, выслав только один батальон на восточный берег р. Гвадаррама, несмотря на то, что и перед ней противника не было. 10-я дивизия 18-го корпуса была во втором эшелоне и в бой не вводилась. Противник использовал медлительность движения и пассивность 18-го корпуса для организации сильной обороны по высотам Романильос, Москито и в районе северо-западнее Баодилья дель Монте. В течение всей операции части 18-го корпуса в ряде упорнейших боев не могли овладеть этим наспех созданным рубежом. Командир 34-й дивизии, а через несколько дней и командир 18-го корпуса за нераспорядительность и неумение управлять войсками были сняты с должностей и заменены другими.

БОИ ЗА ОПОРНЫЕ ПУНКТЫ

Опорный пункт на горе Льянос, окруженный в ночь с 6 на 7 июля батальоном 46-й дивизии, не сдавался. Около двух рот марокканцев, сидевших на вершине горы в окопах, за проволокой встречали республиканцев организованным ружейно-пулеметным огнем. Днем 7 июля командир 46-й дивизии решил атаковать Льянос ротой танков. Когда танки, медленно поднимаясь, достигли середины горы, они неожиданно были встречены огнем единственной, до сих пор молчавшей, противотанковой пушки. В течение нескольких минут 7 из наступавших 10 танков были в той или иной мере повреждены огнем этой пушки.

В ночь с 7 на 8 июля, т. е. через двое суток после окружения, марокканцы, оборонявшие Льянос, сделали отчаянную попытку пробиться. В результате ночного боя Льянос была взята республиканцами: 40 марокканцев было взято в плен, в окопах обнаружено 87 трупов. Однако несколько групп марокканцев пробились из окружения и оказывали упорное сопротивление. Одной из таких групп был обстрелян командный пункт командира 5-го корпуса.

Бои за овладение Кихорна тем временем продолжались. 7 июля 10-я бригада 46-й дивизии два раза переходила в атаку на Кихорна с ротой танков после артиллерийской и авиационной подготовки. На следующий день артиллерийская и авиационная подготовка дважды повторялась, но атаки опять не увенчались успехом, и лишь 9 июля в полдень Кихорна была взята. Причина столь длительного сопротивления изолированного опорного пункта противника заключалась в неправильной организации осады и атак Кихорна.

Этот небольшой населенный пункт с церковью и каменными домами, расположенный на холмисто-овражистой местности, способствовал организации обороны. В 500 м южнее Кихорна на холме, господствующем над селом, находится кладбище, окруженное толстой каменной стеной. Селение вместе с кладбищем представляло собой единый оборонительный узел. Окопы полной профили с проволочной сетью в 2—3 кола окружали деревню и кладбище. Окопы были применены к местности. Некоторые участки окопов проходили у самой окраины деревни, другие были выдвинуты на 200—300 м. Отдельные высоты впереди деревни имели кольцевые окопы. Несколько хорошо оборудованных отсечных позиций придавали обороне еще большую надежность. Ходы сообщения, блиндажи и убежища, вырытые на обратных скатах, давали возможность обороняющимся маневрировать живой силой и огневыми средствами и укрываться в период артиллерийской и авиационной подготовки. Внешнее кольцо укреплений Кихорна имело протяжение около 4 км. Кихорна оборонялась одним батальоном франкистов.

Вечером 5 июля в предвидении атаки республиканцев Кихорна была усилена двумя ротами марокканцев из Брунете, а в ночь с 7 на 8 июля в Кихорна был введен свежий батальон франкистов. Три батальона франкистов, оборонявших Кихорна, имели три противотанковых орудия и несколько минометов. Наступающие (одна бригада 4-батальонного состава) не имели достаточных сил для быстрого овладения Кихорна. Это одна из существенных причин затянувшихся боев. Командование корпуса и дивизии плохо рассчитало соотношение сил и недооценило численность противника и силу обороны. Вследствие этого Кихорна не была полностью окружена.

6 и 7 июля батальоны 10-й бригады атаковали деревню только с двух сторон: с севера и востока. 8 июля в атаке на Кихорна с юга принял участие батальон 11-й Интернациональной бригады, а на следующий день, кроме четырех батальонов 10-й бригады, в атаке приняли участие: с севера батальон 101-й бригады, освободившийся после взятия Льянос, и 2 батальона 11-й Интернациональной бригады с юга

и юго-запада. Когда республиканцы занимали Кихорна, все же западная и северо-западная окраины деревни были открыты и часть сил противника сумела уйти. Вследствие неполного окружения в ночь с 7 на 8 июля франкисты сумели незаметно ввести в Кихорна целый батальон. Их органы снабжения и эвакуации работали по ночам.

Однако отсутствие у наступающего подавляющего превосходства в силах не явилось основной причиной затянувшихся боев. И наличных сил было бы достаточно для более быстрого овладения Кихорна. Ошибки наступающего, непонимание природы современного боя, неумение организовать тесное взаимодействие пехоты, артиллерии, танков и авиации в атаке привели к затяжке борьбы. При всех атаках, проводимых республиканцами, наблюдалось следующее явление: малообученная республиканская пехота в период артподготовки занимала исходное положение для атаки слишком далеко (400—500 м) от линии разрывов своих снарядов. Обороняющиеся в период артподготовки оставляли окопы и по ходам сообщения уходили в блиндажи и за обратные скаты примерно на 150—200 м от окопов, а деревни, укрепленные населенные пункты и вовсе очищали, опасаясь бомбового удара авиации. С появлением авиации, что являлось сигналом для перехода республиканской пехоты в атаку, оба противника с противоположных сторон устремлялись к окопам. Начиналось своеобразное соревнование: кто скорее займет окопы. Но слишком большое удаление республиканской пехоты от окопов противника, отсутствие порывистого броска в атаку, неумение использовать дым и пыль от последних снарядов и бомб для быстрого и скрытого броска к окопам противника приводили к тому, что, как правило, при каждом движении в атаку республиканцы встречались ручными гранатами и пулеметным огнем успевших занять окопы франкистов.

Атаку республиканцы проводили по установившемуся шаблону: 30—40 минут артподготовки, неожиданное прекращение артогня и появление авиации над атакуемым объектом, 20—30 секунд мертвой тишины, затем бомбовый удар авиации и движение пехоты в атаку. Противник изучил эту последовательность. Для франкистов бомбовый удар был сигналом для стремительного броска обратно в свои окопы и встречи атакующих. Если атака намечалась республиканцами без бомбового удара авиации, то и франкисты об этом знали, так как по требованию авиации республиканская пехота обязана была выложить на высоте севернее Кихорна авиасигнальное полотнище для ориентирования авиации. Отсутствие этого полотнища указывало франкистам, что на этот раз атака республиканцев произойдет без предварительного удара авиации.

Наблюдая за полем боя и видя, что после бомбового удара не последовало дружного одновременного броска пехоты, командование корпуса, дивизии и бригад решало, что атака не удалась. А в этот момент отдельные роты и даже взводы, использовав ослабление огневого сопротивления противника на каком-либо участке после артиллерийской и авиационной подготовки, врываются в расположение противника, но не поддержанные или слабо и неорганизованно поддержанные соседями и из глубины, вынуждены были с большими потерями отходить.

Так было и 8 июля, когда рота 11-й Интернациональной бригады, непосредственно после захлебнувшейся общей атаки на Кихорна, использовав ослабление огня противника, быстро и неожиданно в сопровождении двух танков ворвалась на кладбище, прошла его и устремилась к Кихорна. Ни ближайшие, ни высшие начальники, ни соседи своевременно не использовали образовавшийся прорыв. В результате рота, встреченная кинжальным огнем пулеметов и контратаками во фланг, с большими потерями отхлынула назад.

Если бы, используя продвижение этой роты, в образовавшуюся брешь быстро устремились бы по своей собственной инициативе соседние подразделения, отдельные пулеметы и подразделения из глубины, безусловно кладбище было бы взято. Этой инициативы и навыков продвигаться вперед, используя малейшую возможность, малейшую брешь и щель в расположении противника, не было у слабо обученных республиканских войск.

Республиканское командование всех степеней, не понимая характера современного боя, считало, что раз не последовало одновременного броска в атаку всего боевого порядка в целом, следовательно атака сорвалась. Республиканцы не учитывали того, что действия отдельных подразделений иногда оказывают решающее влияние на весь ход боя, тогда как их успех немедленно используется.

Командование 46-й дивизии и 10-й бригады, слабо изучив расположение противника, не учло того, что кладбище является ключом всей обороны, овладение которым давало возможность фланкировать окопы и Кихорна и простреливать все улицы деревни. В данном случае нужно было вместо равномерного распределения атакующих батальонов по всем направлениям сковать гарнизон деревни и все усилия направить на овладение кладбищем. Танки в боях за Кихорна останавливались слишком далеко от окопов противника и вели огонь с места. Они подолгу оставались на одном месте.

Обороняющийся имел в Кихорна всего 3 противотанковых орудия 37-мм калибра. Эта батарея ПТО маневрировала своими орудиями, быстро перебрасывая их на то направление, где обнаруживалось присутствие танков наступающего. Тогда танки уходили на другое направление, но и там, ведя огонь с места, быстро привлекали на себя огонь маневрирующих орудий ПТО. Лишь в двух-трех случаях отдельные танки, тесно взаимодействуя со своей пехотой, вместе с ней врываются на линию обороны, но не поддержанные другими танками и крупными силами пехоты, ни своей артиллерией, вынуждены были возвращаться или гибли от огня ПТО и бутылок с горючей жидкостью. Вся танковая рота в целом ни разу не подошла даже близко к окопам противника, ограничиваясь ведением огня с 500—300 м.

Республиканское командование, учтя опыт трехдневных боев за Кихорна и свои ошибки, с утра 9 июля предприняло новую, тщательно продуманную во всех деталях, атаку. Для этой цели было выделено семь батальонов, из них три для атаки кладбища. В период артподготовки были приняты все меры к тому, чтобы бойцов поближе подтянуть к линии разрывов своих снарядов.

Артиллерия несколько раз во время артподготовки неожиданно прекращала огонь, и когда франкисты бросались в окопы, артиллерия, заранее пристрелянная, беглым огнем осыпала окопы снарядами. Несколько групп республиканской пехоты было подготовлено для совместных действий с танками: они должны были следовать непосредственно за танками, прикрываясь их броней.

Тщательно продуманная и подготовленная атака дала свои результаты. В 11 часов кладбище было захвачено, но, используя отсечные позиции, противник продолжал оборонять деревню. Тем временем отдельные группы противника через свободную западную окраину начали отходить к р. Пералес. Заметив отход противника, командир 5-го корпуса приказал кавдивизиону, сосредоточенному в оливковых рощах северо-восточнее Кихорна, перехватить отходящего противника. Кавдивизион блестяще выполнил эту задачу: прикрываясь рощами, он устремился к р. Пералес и неожиданно атаковал противника из леса, что в долине р. Пералес.

К 12 часам сопротивление франкистов стало ослабевать, отдельные группы республиканской пехоты ворвались в окраинные дома Кихорна.

Рота бронемашин республиканцев ворвалась в деревню и распространилась по всем улицам. Через час деревня была окончательно занята. Только на колокольне оставался пулемет, который продолжал вести огонь. Наконец, и он был снят огнем из танков и бронемашин. 600 трупов франкистов было подобрано в Кихорна, 200 человек взято в плен.

После взятия Кихорна 10-я бригада немедленно закрепились на подступах к югу и к западу от Кихорна и в течение 10 июля отразила несколько сильных атак противника со стороны Пералес де Милья.

ПЕРЕХОД РЕСПУБЛИКАНЦЕВ К ОБОРОНЕ

К моменту взятия Кихорна обстановка на фронте прорыва сложилась следующая: 5-й корпус республиканцев, овладев опорными пунктами Льянос и Кихорна и высотами 640 и 620 юго-восточнее Брунете, растянул свой фронт дугой на 20—22 км. Двухбригадная 46-я дивизия не имела общего резерва. 35-я дивизия имела Интернациональную бригаду на фронте в промежутке между 46-й и 11-й дивизиями, а 32-я дивизия, которую главное командование, наконец, передало корпусу, располагалась в резерве командира корпуса в рощах севернее Брунете. 11-я дивизия, имея две бригады на фронте и одну в Брунете в резерве, продолжала свои попытки овладеть переправой через р. Гвадарраму, но безуспешно. Наоборот, противник с каждым днем заметно усиливался и все чаще переходил в контратаки, поддерживаемый артогнем возрастающей плотности.

18-й корпус к тому времени с боями выдвинулся правым флангом за р. Гвадарраму по шоссе на Боадилья дель Монте, а левым выдвинулся за р. Ауленсия. С целью расширить прорыв и обеспечить левый фланг ударной группы 10-я дивизия после двухдневной борьбы (11 июля) окружила и захватила опорный пункт противника Вильянуэва дель Пардильо, взяв 600 пленных. Через несколько часов противник в составе 4 батальонов перешел в контратаку из Вильяфранка дель Кастильо и передовыми частями уже ворвался в Вильянуэва дель Пардильо, когда неожиданно подвергся фланговому удару со стороны 12-й бригады 45-й дивизии, только что подброшенной для расширения прорыва на левом фланге. В результате франкисты отошли в исходное положение и опорный пункт Вильянуэва дель Пардильо остался за республиканцами.

В течение нескольких дней после этого 18-й корпус, усиленный 45-й дивизией, вел упорные бои, пытаясь овладеть Вильяфранка дель Кастильо, чтобы выпрямить фронт по линии р. Гвадаррама. Противник, ежедневно подбрасывая свежие подкрепления, удерживал этот пункт, сохранив плацдарм на западном берегу р. Гвадаррама, вклинившийся в левый фланг республиканцев у самого основания «мешка», образованного прорывом последних. Фронт прорыва достигал 12 км, глубина — 12—15 км. Франкисты успели создать вокруг всего «мешка» довольно плотную оборону и готовили две ударные группы на флангах прорыва: у Навальгамелья и у Вильяфранка дель Кастильо, намереваясь срезать «мешок», окружить и уничтожить расположенные здесь части республиканцев.

Республиканское командование учло опасность создавшегося положения. 13 июля оно отдало приказ перейти к обороне на занимаемых позициях и боевые действия продолжать только против Вильяфранка дель Кастильо. 18-му корпусу было приказано взять этот пункт во что бы то ни стало. Одновременно республиканское командование сосредоточило на своем правом фланге резервную группу из четырех бригад против Навальгамелья и другую резервную группу из трех бригад в Торелодонес на случай глубокого удара противника через Эскориаль.

Перейдя к обороне, республиканцы днем отражали контратаки противника с разных направлений, иногда очень сильные, а ночью укрепляли свои позиции. По всей дуге фронта были созданы окопы полной профили с проволочной сетью в два-три кола, на важнейших направлениях были созданы две и три линии окопов с проволокой.

С 13 по 17 июля фронт 5-го и 18-го корпусов не претерпел никаких изменений: все атаки противника были отбиты. В районе Вильяфранка дель Кастильо продолжались ожесточенные атаки и контратаки с обеих сторон, которые окончились безрезультатно.

НАСТУПЛЕНИЕ ФРАНКИСТОВ

Широкий размах наступления республиканцев, участие в нем большого количества танков и авиации (на направлении главного удара — 70 танков и 20 бронемашин и на вспомогательных — 50 танков, 140 самолетов), удачно выбранное направление главного удара, выводящее на основную коммуникацию противника, вызвали у франкистов сильное беспокойство. В их тылу начала распространяться паника.

Смелое продвижение республиканских войск в прорыв и их активные действия по тылам противника могли бы развалить весь фронт франкистов под Мадридом. Но этого не случилось, 11-я дивизия, захватив Брунете, перешла к пассивному выжиданию дальнейших событий на соседних участках. Франкисты начали пачками бросать в контратаку свои местные резервы. Падение укрепленных пунктов Льянос, Кихорна, Вильянуэва де ля Каньяда и Вильянуэва дель Пардилльо заставило Франко прервать свое наступление на севере и перебросить оттуда значительную часть сил под Мадрид. Уже с 8 июля авиация франкистов, переброшенная с севера, появляется над районом Брунете. К 16—17 июля с севера была переброшена вся авиация, около 20 батарей, 30 наваррских и 10—15 других батальонов. Франко решает использовать крайне невыгодное положение Брунетской группировки республиканцев, срезать образовавшийся «мешок», окружить и уничтожить всю наступающую группировку республиканцев.

18 июля, в день годовщины мятежа, франкисты предпринимают решительное наступление из района Навальгамелья на восток и из Вильяфранка дель Кастильо на запад. Накануне, в 20 часов вечера, после короткого огневого шквала артиллерии, бомбардировки авиации и штурмовых действий истребителей восемь батальонов противника безуспешно перешли в атаку из Вильяфранка дель Кастильо на запад, повидимому с целью углубить клин у основания «мешка» и привлечь резервы республиканцев к их левому флангу. Тем временем в долине р. Пералес, в 2½ км западнее высоты Льянос, франкисты сосредоточили 4-ю сводную Наваррскую бригаду в составе 14 батальонов.

Перед рассветом один марокканский батальон неожиданно и бесшумно ворвался в окопы 101-й бригады, расположенной западнее высоты Льянос, и после ожесточенного боя холодным оружием и ручными гранатами захватил первую линию окопов на протяжении 1 км, углубившись на 1—1,5 км в расположение республиканцев и захватив единственную в бригаде батарею 45-мм противотанковых пушек. На рассвете 4-я наваррская бригада бросилась в образовавшийся прорыв, но успеха не имела: республиканцы, подтянув резервный батальон и отойдя на вторую линию окопов, с большими для противника потерями отразили все его атаки. 18 и 19 июля противник делал ожесточенные попытки пробиться на высоту Льянос. Его артиллерия в составе 6—8 батарей непрерывно вела огонь по высоте Льянос, бомбардировочная авиация в количестве 20—30 самолетов по несколько раз в день сбрасывала бомбы на высоту Льянос, истребители обстреливали ее из пулеметов. Между тем на этой высоте не было ни одного республиканца:

их окопы проходили западнее высоты среди холмов и кустарников. Там же, в оврагах, на обратных скатах, сосредоточились вторые эшелоны и резервы республиканцев, не понесшие почти никаких потерь. Артиллерия республиканцев фланговым огнем наносила огромный урон наваррским батальонам, сосредоточившимся на «пяточке» в долине р. Пералес. В ночь на 20 июля 4-я наваррская бригада с огромными потерями отошла на западный берег р. Пералес, оставив перед окопами республикан-

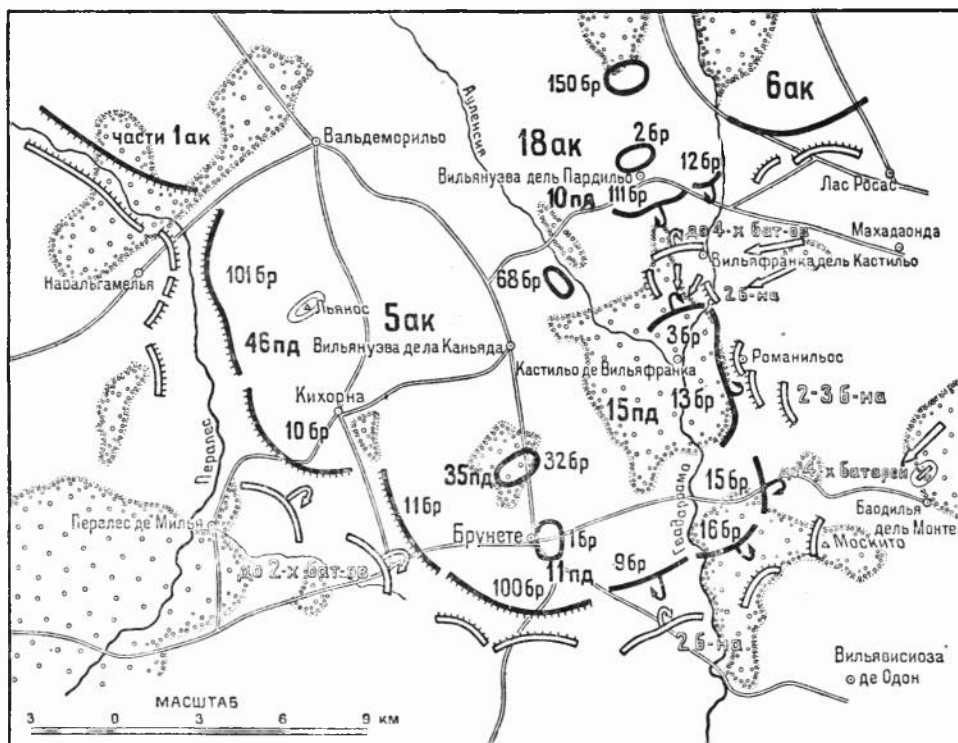

Схема 4. Обстановка к исходу дня 13 июля 1937 г.

цев у западных склонов горы Льянос больше сотни трупов. Во время этих боев 101-я бригада республиканцев была усилена всего лишь двумя батальонами 32-й бригады 35-й дивизии, бывшей в корпусном резерве.

На рассвете 19 июля 10-я бригада подверглась неожиданной атаке 5-й сводной наваррской бригады, насчитывавшей 15 батальонов, со стороны Пералес де Милья. Наученная горьким опытом 101-й бригады, 10-я бригада бдительно несла службу охранения, и атаки противника были отбиты с большими потерями. Вечером 5-я наваррская бригада после 4-часовой артподготовки, в которой приняло участие 6—7 батарей, в том числе одна зенитная, перешла в атаку на узком фронте в 1—1,5 км. Понеся огромные потери, части бригады в 23 часа захватили один участок окопа в 250—300 м, но к утру были выбиты контратакой республиканцев. Положение было восстановлено полностью и на этом участке.

На участке 11-й дивизии перед рассветом 18 июля батальон марокканцев, вооруженный кинжалами и ручными гранатами, бесшумно ворвался в окопы 4-го батальона 9-й бригады и после ожесточенной рукопашной схватки овладел выс. 670, захватив батарею 45-мм пушек. На рассвете в прорыв было двинуто 5—6 батальонов франкистов, захвативших высоты 640 и 620. Дальнейшее продвижение противника было

приостановлено резервной бригадой республиканцев. Атака пяти-шести батальонов противника со стороны Севилья ля Нуэве на Брунете не имела никаких результатов.

На участке 18-го корпуса в тот же день двумя-тремя батальонами противника была атакована правофланговая 16-я бригада 18-го корпуса, находившаяся на восточном берегу р. Гвадаррама. Вследствие нераспорядительности командного состава бригада, застигнутая врасплох, почти не оказав сопротивления, разбежалась, открыв левый фланг 11-й дивизии, которой пришлось спешно выслать на восточный берег Гвадаррамы два батальона только что сменившейся после боев 9-й бригады, чтобы закрыть образовавшийся прорыв.

В течение последующих трех дней до 21 июля бои то вспыхивали, то снова прекращались. В результате их положение 11-й дивизии стало весьма неблагоприятным: все командующие высоты к юго-востоку и востоку от Брунете остались в руках противника, левый фланг дивизии, выдвинутый на восточный берег р. Гвадаррама, непрерывно подвергался атакам мелких частей противника.

Оба республиканских корпуса были чрезвычайно измотаны. Начиная с 6 июля, они без смены находились в боях. Это было самое жаркое время года, температура днем повышалась до 40—50°. Реки и ручьи высохли, воду частям приходилось подвозить на осликах и автомашинах.

Весь выступ фронта, образованный прорывом республиканцев, находился в котловине. С запада и юга противник господствовал над расположением республиканцев, имея скрытые подступы с тыла. Большая часть района расположения республиканцев была наблюдаема противником, так же как и подступы к республиканскому тылу, проходившие по голым склонам возвышенностей. Уже с первого дня наступления республиканцев (6—7 июля) артиллерия франкистов взяла под перекрестный огонь всю площадь прорыва, имевшую в ширину всего 10—12 км. С каждым днем мощь перекрестного огня противника все усиливалась.

С 7 июля над полем боя появилась авиация франкистов, численность ее все возрастала, налеты становились чаще. 18 июля она окончательно завоевала господство в воздухе. С этого времени над полем боя почти непрерывно находились самолеты франкистов: одна группа бомбардировщиков сменяла другую, истребители кружились в воздухе, высматривая цели и обрушиваясь на них с пикирования. На всем участке боя и в районе ближайших тылов не могла показаться на дорогах ни одна машина. Особое предпочтение отдавалось командирским легковым машинам. Резервы артиллерии, командные пункты республиканцев должны были тщательно маскироваться. Командные и наблюдательные пункты ушли с резко обозначенных высот в седловинки, на бугристые площади со многими не выделяющимися друг от друга буграми, на скаты высот и т. д., резервы закопались в землю, используя каждый овраг. Особое внимание авиации противника привлекали населенные пункты и резко обозначенные роши и сады. Специальным приказом республиканское командование запретило войскам останавливаться или задерживаться надолго в населенных пунктах или рошах.

На ночь резервы, штабы и командные пункты рассредотачивались. Республиканские войска имели большой опыт в использовании пассивных мер противовоздушной обороны и их потери от авиации противника были весьма незначительными.

С 10 июля, каждый вечер, с наступлением темноты над районом боевых действий появлялись трехмоторные бомбардировщики франкистов, которые сбрасывали фугасные, осколочные и зажигательные бомбы. Люди, измотанные боями, бомбардировками, беспощадным солнцепеком, и ночью лишены были отдыха.

Необходимо было произвести смену частей. Республиканское командование решило сменить в первую очередь части 5-го корпуса снятыми с других направлений дивизиями. Бригады 18-го корпуса также постепенно сменялись и отводились на отдых. В процессе этих оборонительных боев большую роль в усилении стойкости и упорства обороны сыграли инженерные укрепления. Хорошо оборудованные окопы с проводочными заграждениями впереди них давали возможность усталым республиканским войскам отражать свежие и во много раз превосходившие силы противника. В случае прорыва франкистов, вторая полоса окопов с проволокой задерживала противника и не позволяла ему углублять прорыва. Окопы строили специальные военизированные саперные батальоны, сформированные профсоюзами землекопов. Сама же республиканская пехота не умела окапываться и не имела даже носимых лопат.

Для усиления стойкости пехоты республиканцы вводили танки в первую линию обороны. На наиболее важных направлениях взвод танков (3 танка) располагался в 50—100 м сзади первой линии окопов, а иногда и ближе за обратным скатом, маскируясь и применяясь к местности. Иногда даже делались специальные выемки для каждого танка с таким расчетом, чтобы он мог немедленно и без поворотов быстро выскочить вперед. В случае атаки противника и прорыва его к окопам танки немедленно выдвигались вперед, давили противника гусеницами и расстреливали из пулеметов, отбрасывая его назад, пока республиканская пехота не приводила себя в порядок или не подоспевали резервы. Иногда эти скрытые танки, не дожидаясь атаки противника, неожиданно обрушивались на него впереди переднего края в исходном положении для атаки, наносили ему большие потери и срывали готовящуюся атаку. Этим способом и благодаря самоотверженной работе танкистов удалось отразить атаку на многих важных направлениях, несмотря на большую усталость пехоты, доходившую иногда до полной небоеспособности.

После неудачных попыток срезать выступ республиканского фронта и огромных потерь, понесенных при этом, генерал Франко вынужден был отказаться от решительной цели окружения и уничтожения прорвавшихся частей республиканцев. Франкисты начали сосредотачивать основные силы в направлении Брунете, с тем чтобы вытолкнуть республиканцев с восточного берега р. Гвадаррама, занять Брунете и этим ликвидировать угрозу своему тылу. Франко решил, не ввязываясь в дальнейшие бои, перебросить войска и технику обратно на север, чтобы продолжать прерванную операцию.

24 июля с утра франкисты, сосредоточив 4-ю и 5-ю наваррские бригады в направлении Брунете, перешли в атаку. Последняя была поддержана примерно 15 батареями и всей авиацией. Части 11-й республиканской дивизии не выдержали сосредоточенного удара и начали отходить на север. Для прикрытия разрыва, образовавшегося между 100-й и 1-й бригадами 11-й дивизии, командир корпуса выбросил последний свой резерв — два батальона 32-й бригады 35-й дивизии. Одновременно свежей 14-й дивизии было приказано с батальоном танков перейти в контратаку восточнее Брунете. 14-я дивизия (анархистская) в течение всего дня не могла сосредоточиться для удара. Этому помешала и авиация франкистов, весь день бомбардировавшая и обстреливавшая подступы к Брунете с севера. Части 11-й дивизии продолжали стойко сопротивляться, отстаивая буквально каждый метр территории. Однако к вечеру противник ворвался в Брунете. Части 11-й и 35-й дивизий всю ночь удерживали северную окраину Брунете и кладбище.

Утром 25 июля 14-я дивизия с батальоном танков сосредоточилась, наконец, для контрудара. После артиллерийской и авиационной подготовки батальон танков ворвался в расположение противника, но пехота в атаку не поднялась. Противник в свою очередь перешел в контратаку,

отбросил 14-ю дивизию на север и выбил республиканцев с северной окраины Брунете и с территории кладбища. 11-я и 14-я дивизии заняли для обороны южную опушку леса, что севернее Брунете. 18-й корпус, в связи с отходом этих дивизий, отвел все свои части на западный берег р. Гвадаррама и примкнул свой правый фланг к левому флангу 14-й дивизии.

Заняв Брунете, франкисты прекратили наступление, но продолжали обстреливать интенсивным артогнем 11-ю и 14-ю дивизии, бомбить и обстреливать их, используя свою авиацию. Во второй половине дня 14-я дивизия, без нажима со стороны противника, начала беспорядочный отход на север, увлекая за собой соседей справа и слева. Весь фронт дрогнул и покатился на север. Одной из причин этого являлось слишком долгое пребывание частей на фронте без смены, усталость физическая и нервная достигла предела; даже лучшие боеспособнейшие части 11-й и 35-й дивизий поддались панике и были увлечены неорганизованным отходом.

Части 11-й и 35-й дивизий твердыми и решительными мерами командиров были задержаны на рубеже южнее Вильянуэва де ля Каньяда, а 14-я дивизия, с трудом собранная севернее Вильянуэва, совершенно потерявшая боеспособность, была выведена в глубокий тыл.

Противник, заметив отход республиканцев, перешел к преследованию их из Брунете, но спешно сосредоточенная восточнее Кихорна 11-я Интернациональная бригада с одним взводом танков атаковала во фланг выдвинувшегося из Брунете противника и нанесла ему жестокое поражение. Положение было спасено. Отход республиканцев не превратился в катастрофу.

26 июля франкисты, сосредоточившись в лесу севернее Брунете, предприняли наступление на Вильянуэва де ля Каньяда и на запад от леса. Все атаки были отбиты, а на последнем направлении 11-я бригада с несколькими танками отбросила противника и выбила его из леса. На этом бои закончились. Ни та, ни другая сторона не имели больше сил продолжать операцию.

* * *

Первую часть задачи — своим наступлением оттянуть силы франкистов с севера — республиканцы выполнили лишь частично: немедленно после прорыва республиканцев 6—7 июля Франко приостановил наступление на Сантандер. В район Мадрида было переброшено с севера около 40 батальонов, вся авиация франкистов была перебазирована на Центральный фронт. С Северного фронта франкистам пришлось снять не менее 20 батарей. Республиканский север получил лишь короткую передышку. После окончания Брунетской операции Франко перебросил войска с этого участка на север и продолжал наступление. 24 августа он захватил Сантандер, а в октябре и всю Астурию, ликвидировав, таким образом, весь республиканский север.

Вторую часть задачи — отодвинуть фронт от Мадрида — республиканцы не выполнили. В итоге двадцатидневных боев фронт под Мадридом почти не претерпел изменений. Только северо-западнее Мадрида за республиканцами остались три населенных пункта: Вильянуэва де ля Каньяда, Вильянуэва дель Пардильо и Кихорна. В этом секторе расположение республиканцев тактически несколько улучшилось, но одновременно фронт растянулся и потребовал дополнительных сил.

Тем не менее Брунетская операция была первой большой операцией, предпринятой по инициативе республиканцев. Республиканцам удалось хотя и временно, но вырвать инициативу из рук противника. Организовать такую операцию, сосредоточить войска, технику, боеприпасы, ти-

тать эту операцию в течение 22 дней, организовать подвоз и эвакуацию — было очень трудным делом для республиканской армии того периода.

Опыт этой операции показал, что республиканская армия и ее штабы достаточно выросли для проведения операций вполне современного характера. Сосредоточение двух корпусов по одной дороге прошло незамеченным для противника, за всю операцию не было перебоев в снабжении войск боеприпасами, пищей, горючим, санитарная эвакуация и санучреждения работали безукоризненно.

Операция также вскрыла и недочеты в работе штабов всех степеней, в подготовке войск, в подготовке командного состава и недочеты в руководстве войсками. Она дала огромный опыт войскам, участвовавшим в ней. Однако в результате саботажа и вредительства со стороны военного министра Прието и его приспешников, сепаратизма командующих фронтами, соединениями, отсутствия твердого централизованного руководства опыт Брунетской операции не стал достоянием всей армии. В дальнейших операциях повторялись те же ошибки.

Что касается действий республиканского командования в организации и проведении этой операции, то здесь напрашиваются следующие выводы: место прорыва было выбрано республиканцами чрезвычайно удачно — на наименее укрепленном участке противника и на направлении, выводящем кратчайшим путем на основные тыловые коммуникации противника.

Сосредоточение войск производилось скрытно. Вся подготовка операции прошла незамеченной для противника. Крупный удар республиканцев явился совершенно неожиданным для франкистов.

Смелое и инициативное решение командования 5-го корпуса о движении ночью в промежутке между опорными пунктами противника явилось результатом правильной оценки обстановки: использование крупной ошибки противника — отсутствие обороны промежутков между опорными пунктами и использование ночной темноты. Тщательно организованное ночное движение дало возможность целой дивизии без дорог углубиться на 8—10 км без выстрела в расположение противника, окружить его опорные пункты, сковать и атаковать оборонительную полосу противника сразу по всей ее глубине.

Чрезвычайно удачно начатая операция захлебнулась с первого же дня вследствие того, что атакующие войска втянулись в затяжные бои с обойденными и окруженными опорными пунктами противника, не использовали имевшихся возможностей быстро выйти на тылы противника, что привело бы к его разгрому.

Фронтное командование, начиная операцию, не имело никаких резервов для того, чтобы питать операцию, не имело эшелона развития прорыва. Не было в распоряжении командования сил и для того, чтобы обеспечить угрожаемый правый фланг ударной группы. Это задержало на правом фланге резервы 5-го корпуса, наносившего главный удар, и ослабило его ударную силу и прорыв.

Твердое обеспечение правого фланга и отсутствие боязни за него, наличие эшелона развития успеха, специального эшелона для борьбы с оставшимися в тылу опорными пунктами противника, частная инициатива начальников в использовании всех представляющихся возможностей для движения вперед — могло привести к крупному успеху республиканцев.

Фронт прорыва был слишком узок (10—12 км) и простреливался перекрестным артогнем с обоих флангов. Наличие у франкистов большего количества артиллерии сделало бы совершенно невозможным передвижения войск республиканцев и работу тыла на участке прорыва.

Отсутствие смены частей в течение 20 суток напряженных боев

привело к перенапряжению, изматыванию и потере боеспособности лучших республиканских войск.

Основа успеха при прорыве оборонительной полосы заключается в правильном и согласованном взаимодействии всех родов войск и средств борьбы наступающего. Результат работы всех родов войск должен совпадать по времени и месту, результат действий одного рода войск должен немедленно использоваться другими. Малейший разрыв во времени и в пространстве сводит на-нет блестящую работу отдельных родов войск.

Пехота не должна отрываться от поддерживающих ее танков, следуя вплотную за ними, и оба рода войск вместе — и пехота и танки — должны вплотную следовать за своими артиллерийскими снарядами, «прижимаясь» к линии своего артиллерийского огня, чтобы между артиллерийским огнем и движением пехоты с танками в атаку разрыв по времени был бы минимальным. Только такой метод взаимодействия обеспечивает одновременное приложение всех сил наступающего и приведет к успеху. Отсутствие навыков взаимодействия у республиканских войск привело к затяжной борьбе за отдельные пункты и сорвало возможность быстрого развития успеха первого дня.

Эта операция выявила огромную роль инженерного оборудования местности в обороне. Хорошо оборудованные глубокие окопы, удачно примененные к местности, с проволочными заграждениями во много раз усиливают мощностъ обороны, предохраняя обороняющегося от излишних потерь.

Удачный опыт по использованию танков непосредственно у первой линии окопов обороняющегося для немедленных коротких контратак на переднем крае или впереди него заслуживает внимания.

Мощное оружие современного боя — авиация — по-новому ставит вопрос о порядке и формах сосредоточения войск, о способах управления и связи, о месте и оборудовании командных и наблюдательных пунктов. Войска должны тщательно учитывать особенности местности, избегать всех пунктов, могущих почему-либо привлечь внимание авиации и артиллерии противника, проявлять инициативу и изобретательность в маскировке.

ПОЛКОВНИК Ф. ХРАМОВ

БОРЬБА ЗА ХАНЬКОУ

(Июль — октябрь 1938 г.)

Группировка войск, создавшаяся после захвата Сюйчжоу (19 мая 1938 г.)¹, позволила японскому командованию начать новую операцию — овладение районом Ханькоу.

Основная масса японских войск, действовавших в операции под Сюйчжоу, во второй половине мая оказалась собранной в районе этого пункта и к западу от него, вдоль Лунхайской железной дороги. Это обстоятельство позволило японцам без промедления начать наступление в западном направлении. Ближайшей своей целью японское командование ставило захват Чженчжоу, важнейшего узла Лунхайской и Бейпин-ханькоуской железных дорог. Овладение этим узлом создавало японцам чрезвычайно выгодное оперативное положение. Из района Чженчжоу они могли развернуть наступательные действия по двум важнейшим операционным направлениям: на запад — по южному берегу р. Хуанхэ (Желтая) вдоль Лунхайской железной дороги, что при благоприятном исходе позволило бы японским войскам, оперирующим в Северном Китае, перенести свои действия к югу от р. Хуанхэ; на юг — вдоль Бейпин-ханькоуской железной дороги в направлении важнейшего в стратегическом отношении района Ханькоу. Разорвав Лунхайскую и Бейпин-ханькоускую железные дороги, японцы лишили бы китайские войска важнейшей для них коммуникации.

Район Чженчжоу с севера прикрывается р. Хуанхэ, которая является весьма серьезным препятствием на пути из Северного в Центральный Китай. О серьезности этой преграды говорит уже то обстоятельство, что все попытки японцев на протяжении более чем двухгодичного периода войны преодолеть это водное препятствие оказались безрезультатными. Характерной особенностью р. Хуанхэ является то, что ее русло лежит на 5—6 м выше уровня окружающей местности и протекает в искусственно сооруженных берегах. Это явилось результатом сильного отложения ила, который воды реки несут из западных провинций. И там, где река протекает по равнинной местности, в частности в провинциях Хэнань и Шаньдун, выходя из берегов, она затопляет окружающие районы. Стремясь обуздать воды этой реки, крестьяне на протяжении многих десятилетий ограждали ее, постоянно наращивая оба берега.

Начав наступление вдоль Лунхайской железной дороги, выбросив вперед танки, японцы преследовали китайские войска, отходившие от Сюйчжоу на запад. Местность к западу от Сюйчжоу, преимущественно равнинная, благоприятствовала использованию боевых технических средств японских войск. Отходя от Сюйчжоу, китайские войска избегали сражений в невыгодных условиях и умышленно не создавали особых препятствий к продвижению японцев в западном направлении, стремясь заманить их в ловушку, готовившуюся в районе Чженчжоу. Чтобы не до-

¹ См. «Военно-исторический журнал» № 9 за 1940 г.

пустить соединения японских войск, действовавших на Бейпин-ханькоуском и Тяньцзин-пукоуском направлениях, китайские войска ставили своей задачей удержать район Чженчжоу. К 5 июня китайские войска отошли в район Ланфын, восточнее Кайфына. В этом районе они в течение 5 и 6 июня почти полностью разгромили японскую пехотную дивизию ген. Доихара, наступавшую сюда с северо-востока. После этого китайские войска оставили Кайфын и к 9 июня отошли в горный район южнее Чженчжоу.

Силы сторон, действовавшие на этом направлении, были не равные. Наступавшие на Чженчжоу три японские дивизии насчитывали в своем составе около 50 000 человек и были усилены 50—60 танками. Китайские войска имели в этом районе до 16 пехотных дивизий общей численностью около 110 000 человек с несколькими десятками орудий. Таким образом, китайские войска имели двойное превосходство в людском составе, значительно уступая японцам в технике.

Преследуя отходящие китайские войска, японцы без особых усилий 7 июня заняли Кайфын, а на следующий день подошли к окрестностям Чженчжоу. Не зная о планах китайского командования, японцы готовились к овладению этим пунктом. Понеся поражение в районе Чженчжоу, японское командование в целях овладения Ханькоу основные усилия своих войск перенесло в долину р. Янцзы.

Такова была обстановка, предшествовавшая Ханькоуской операции, которая по своей продолжительности и по количеству сил, участвовавших в ней, является одной из крупнейших операций японо-китайской войны.

ПЛАНЫ СТОРОН

Пятимесячная борьба японских войск в районе Сюйчжоу, имевшая целью уничтожение крупных китайских сил, которые действовали в этом районе, не дала ожидаемых результатов. Продолжая настойчиво добиваться решительной победы над китайской армией, японское командование после овладения Сюйчжоу намечает объектом дальнейшей борьбы важнейший в стратегическом отношении район Ханькоу.

С этой целью японское командование собрало на фронте Центрального Китая большую часть своих войск, из коих до 11 пехотных дивизий, сведенных в 2 армейские группы, было брошено непосредственно на овладение Ханькоу. Одна армейская группа в составе 6 пехотных дивизий, усиленных техническими средствами, сосредоточенная после ряда перегруппировок в долине р. Янцзы, должна была нанести основной удар во взаимодействии с морским флотом, наступавшим по р. Янцзы (схема 1). Другая группа в составе до 5 пехотных дивизий собиралась севернее р. Янцзы на Синьянском направлении. Эта группа должна была перехватить Бейпин-ханькоускую железную дорогу и ударом с севера на Ханькоу завершить окружение китайских войск в районе этого пункта.

Избранное японским командованием операционное направление вдоль р. Янцзы позволяло широко использовать военно-морской флот; кроме того, эта река являлась единственной мощной артерией, ведущей внутрь страны, и могла служить основной коммуникацией действовавшей здесь армейской группы. Но наступление по этому направлению сталкивалось и со значительными трудностями. На территории, прилегающей к р. Янцзы, отсутствовали дороги. По обеим сторонам реки большие пространства занимали заболоченные рисовые поля, которые пересекались лишь пешеходными тропами. Кроме того, юго-восточный берег р. Янцзы упи-

Синьянское направление, на котором собиралась северная армейская группа, пролегало по сравнительно ровной местности, благоприятствовавшей применению боевых технических средств. Помимо того, это направление являлось наиболее выгодным и в дорожном отношении. Дороги исходили из района Нанкина, где находилась главная материальная база японских войск центрального фронта.

Таким образом, замысел японского командования сводился к двойному охвату, при выполнении которого огромную роль должен был сыграть военно-морской флот.

Китайское командование считало, что японцы после захвата Суючжоу бросят свои войска против района Ханькоу. Поэтому после оставления Суючжоу основное внимание и силы китайское командование сосредотачивает для обороны этого района. Для того чтобы воспрепятствовать действиям японского военного флота по р. Янцзы, китайцы укрепили некоторые прибрежные пункты и в ряде районов преградили русло реки. На подступах к Ханькоу с востока были созданы оборонительные рубежи: по линии р. Шахэ, Люаньчжоу, Хошань, Цзяньшань, Хуанмэй, упираясь флангом в р. Янцзы, и на линии Иншань, Цицжоу, Унин, Жуйчжоу, преграждая долину и направление южнее р. Янцзы. С севера и северо-востока Ханькоу прикрывается горным хребтом Дабешань, который был подготовлен для обороны лишь частично. Считая маловероятным наступление японцев с этого направления, китайское командование создало оборонительные позиции лишь на некоторых перевалах и проходах этого горного хребта. Кроме того, был подготовлен оборонительный рубеж непосредственно вокруг Ханькоу, в радиусе 20—25 км от города. Все оборонительные позиции китайских войск были полевого типа с весьма ограниченным количеством искусственных проволочных препятствий, установленных главным образом в долине р. Янцзы, которую китайское командование считало основным направлением наступления японских войск.

Силы китайских войск, оборонявших район Ханькоу, в июле составляли в общей сложности до 500 000 человек.

Военные действия, развернувшиеся в борьбе за Ханькоу, можно разделить на два периода: а) период подготовки основной операции; б) непосредственная борьба за Ханькоу.

Период подготовки (вторая половина июня—июль) характеризуется крупными перегруппировками, которые проводились обеими сторонами. Японские войска, кроме того, вели борьбу за плацдарм западнее оз. Поянху для развертывания войск южной армейской группы. Период непосредственной борьбы за Ханькоу обнимает по времени около трех месяцев (август—октябрь) и насыщен почти непрерывными боями многотысячных армий обеих сторон.

ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ОПЕРАЦИИ

Развивая наступление на отдельных направлениях между реками Хуанхэ и Янцзы, японские войска к 1 июня вышли на линию Каочен, Бочжоу, Шоучжоу, Лучжоу, Уху, имея основную группировку на направлении Лунхайской железной дороги. Одновременно японское командование готовилось к наступлению в долине р. Янцзы, собирая группу кораблей и десантные части в районе Уху.

В первых числах июня японское командование сосредоточило в районе Уху оперативную группу, предназначенную для действий по р. Янцзы. В состав ее вошло до 60 кораблей различных типов, формоз-

ская пехотная бригада и полк морской пехоты. Для поддержки этой оперативной группы была выделена авиагруппа в составе 150 самолетов, располагавшаяся в районах Нанкина и Уху.

Войска этой оперативной группы имели ближайшей задачей овладение укрепленным пунктом Аньцин, являвшимся форпостом первой линии обороны Ханькоуского района в долине р. Янцзы. Операция по овладению Аньцином является первой из ряда последовательных операций на пути к Ханькоу.

Аньцин, расположенный на северном берегу р. Янцзы, имел в качестве оборонительных сооружений один форт, и, кроме того, вокруг города были открыты окопы полевого типа. Группа китайских войск, оборонявшая район Аньцина, насчитывала около 19 000 человек и 40 орудий.

Операции по овладению Аньцином предшествовала довольно тщательная подготовка. Японцы провели специальное учение по высадке десанта, обращая особое внимание на светомаскировку и внезапность атаки десантных частей. Кроме того, планом японского командования предусматривалось содействие этой группе со стороны пехотной дивизии ударом с севера, которая действовала вдоль северного берега р. Янцзы.

Продвигаясь из района Уху, группа японских военных кораблей с десантными войсками 12 июня достигла района восточнее Аньцина. Одновременно одна бригада из состава дивизии, наступавшей из района Лучжоу, 11 июня достигла района Тунчэн (60 км севернее Аньцина) и вела бой за овладение этим пунктом, создавая угрозу с севера китайским войскам в этом районе. Ночью 12 июня японцы высадили десант в трех пунктах в районе Аньцина, а утром 13 июня при поддержке корабельной артиллерии атаковали китайские войска и вынудили их оставить Аньцин. Превосходство боевых технических средств японских войск решило исход операции в их пользу. Десантная группа, насчитывавшая 12 000 человек, имела 82 орудия и корабельную артиллерию. Кроме того, ее подерживала авиация.

Захватив Аньцин, японцы образовали здесь базу для наступления против следующей оборонительной позиции китайцев. По мере продвижения японских кораблей вверх по реке сопротивление китайских войск возрастало. Японцы медленно продвигались под сильным перекрестным пулеметным огнем с обоих берегов реки. Дальнейший путь на Ханькоу преграждался крепостью Матан, расположенной на южном берегу, в 80 км от Аньцина, и заграждениями, созданными китайцами в этом районе. Для продвижения на Ханькоу необходимо было устранить это препятствие, что и явилось целью второй операции японских войск в долине р. Янцзы. Крепость Матан имела пять фортов, которые достаточно прочно запирали долину р. Янцзы. Речные заграждения в этом районе были созданы китайцами при помощи потопленных джонок, нагруженных камнями, лесом и бетоном. Помимо этого, крепость Матан перехватывала шоссеиную дорогу, протекающую по южному берегу р. Янцзы.

Японская авиация, начиная со второго дня после захвата Аньцина, подвергала ежедневной бомбардировке заграждения в районе Матана, однако разрушить их ей не удалось. Группа японских кораблей, конвоируемая минными тральщиками, вынуждена была остановиться перед заграждениями. 24 июня японские корабли сделали попытку прорваться дальше, но этому решительно воспрепятствовали китайцы артиллерийским огнем из фортов Матана. Тогда японское командование высадило ниже Матана на оба берега десант в составе 3 полков пехоты и 44 орудий с целью обхода обоих флангов китайской обороны.

Группа китайских войск в составе 3 пехотных дивизий оказала упорное сопротивление японскому десанту. В течение восьми дней происходили ожесточенные бои, в которых обе стороны понесли крупные потери. Однако китайские войска в то же время причинили большой ущерб японским кораблям, находившимся ниже речного заграждения. Обе стороны широко применяли свои воздушные силы. Китайская авиация совершила несколько бомбардировочных налетов на японскую флотилию на р. Янцзы, в процессе которых китайские летчики проявили исключительный героизм. Так, во время одного из налетов китайский самолет был подбит и воспламенился. Тогда летчик направил свой пылающий и нагруженный бомбами самолет на палубу эсминца и погиб вместе с разрушенным им японским кораблем.

Потери, понесенные китайскими войсками, ослабили их обороноспособность. Возросший нажим японских войск и усиленная воздушная бомбардировка сломили сопротивление китайских войск, которые принуждены были отойти на новые позиции непосредственно у Матана. Состояние погоды, не благоприятствовавшее до сих пор действиям японских кораблей, резко изменилось в их пользу. Сильные дожди в конце июня затруднили действия японцев на суше, но в то же время улучшили обстановку для их флотилии. Дожди значительно подняли уровень реки, что позволило японским кораблям пройти над затопленными китайскими заграждениями, и 2 июля японцам удалось под прикрытием огня корабельной артиллерии и пулеметов высадить десант в тылу китайской обороны, что и решило исход операции в их пользу. Угроза с тыла заставила китайские войска оставить Матан и отойти на юго-запад.

Продолжая дальнейшее наступление, авангардные силы японских войск 5 июля заняли г. Хукоу, являющийся ключом к оз. Поянху, второму по величине в Китае. Дальнейшей целью наступления японцев стал район Цзюцзяна. Овладение этим районом обеспечивало полный контроль за выходами из озера и развертывание наступления главных сил армейской группы в южном и западном направлениях с целью обхода района Ханькоу с юга. Боевые действия, развернувшиеся в районе Цзюцзяна, составили третью операцию японских войск в долине р. Янцзы, в результате которой они открыли путь к плацдарму западнее оз. Поянху.

Цзюцзян являлся весьма серьезным препятствием как по условиям местности, так и по заграждениям, созданным здесь китайцами. По берегам тянулись болотистые рисовые поля или горные районы, представлявшие хорошую защиту против японских фланговых обходов. Русло р. Янцзы было забаррикадировано потопленными лодками и минировано пловучими минами. Эти заграждения находились под охраной китайской тяжелой артиллерии, расположенной в развалинах монастыря на острове р. Янцзы. Японские войска, участвовавшие в операции под Цзюцзяном, состояли из 1½ пехотных дивизий и около 50 военных кораблей различных типов, поддерживаемых авиагруппой (150 самолетов). Части этой группы к началу операции были собраны в районе Хукоу, а главные силы южной армейской группы (до 3 пехотных дивизий) в это время находились в районе Аньцина.

Район Цзюцзяна оборонялся группой китайских войск общей численностью около 50 000 человек. Основные силы китайских войск, действовавших южнее р. Янцзы, были сосредоточены южнее района Цзюцзяна, прикрывая Наньчанское направление.

Начавшееся в первой половине июня наступление японских войск встретило упорное сопротивление китайской обороны. Бои за Цзюцзян приняли затяжной характер и продолжались три недели, с короткими пе-

рерывами. Жаркая погода причиняла огромнейшие лишения японским войскам, среди которых вспыхнули эпидемии холеры, малярии и дизентерии, уносившие больше жертв, чем пулеметный огонь китайцев. Несмотря на возрастающие усилия японцев и почти ежедневные бомбардировочные налеты их авиации на район Цзюцзяна, японская пехота не могла преодолеть китайской обороны. Лишь слабость огня китайской артиллерии, позволившая бронированным канонеркам подойти на близкое расстояние, привела к потере китайскими войсками своих позиций. 26 июля японские канонерки своим огнем заставили окончательно замолчать форты Цзюцзяна. Одновременно японская дивизия, наступавшая вдоль северного берега р. Янцзы, прорвала китайскую оборону и создала фланговую угрозу китайским войскам в районе Цзюцзяна. Это обстоятельство позволило японскому командованию высадить ряд десантов на южном берегу р. Янцзы, в тылу и на фланге китайской обороны. Все это вместе взятое вынудило китайское командование оставить Цзюцзян и отвести свои войска на новые оборонительные позиции юго-западнее этого пункта. Захватив 26 июля Цзюцзян, японцы завершили борьбу в долине р. Янцзы, явившуюся по существу подготовкой к операции по овладению Ханькоу.

Боевые действия севернее Ханькоу носили иной характер, чем в долине р. Янцзы. В первой половине июня между реками Хуанхэ и Янцзы японцы продвинулись на запад примерно на 80 км, выйдя на фронт Кайфын, Сихуа, Инчжоу, Люаньчжоу, Тунчэн. После этого здесь установилось относительное затишье, продолжавшееся около двух с половиной месяцев. В этот период японское командование после неудавшейся попытки захватить железнодорожный узел Чженчжоу провело перегруппировку войск в Центральном Китае, собрав основные силы в двух армейских группах: в долине р. Янцзы и на направлении Люаньчжоу, Синьян. Первая группа (южная) состояла из пяти японских дивизий, а вторая (северная) включала четыре дивизии. Кроме того, японское командование сосредоточило 2 пехотные дивизии в районе Тайпин и Уху. Таким образом, перегруппировка японских войск на северном участке во второй половине августа в основном была закончена. К этому времени японцы расширили плацдарм западнее и южнее Цзюцзяна, последовательно вводя в действие главные силы южной армейской группы.

В свою очередь китайское командование, готовясь к обороне района Ханькоу, также провело довольно крупную перегруппировку своих войск. Создавая оперативную группировку, китайское командование считало, что укрепления по обоим берегам р. Янцзы являются почти непреодолимым препятствием для японцев и что противник, вероятнее всего, предпримет наступление основными силами в направлении Наньчан, Чанша для глубокого обхода района Ханькоу с юга. Исходя из этого, китайское командование сосредоточило южнее Сингочжоу около 34 пехотных дивизий, перехватывая Наньчанское направление. В районе Наньчана и южнее была собрана маневренная группа в составе шести армий, являвшаяся резервом главного командования. Севернее р. Янцзы китайское командование сосредоточило до 40 пехотных дивизий, из коих в непосредственном соприкосновении с японскими войсками к началу сентября находилось до 15 пехотных дивизий, действовавших на фронте Инчжоу, Хошань, Хуанмэй. Основные же силы китайских войск (около 26 пехотных дивизий) были собраны в горах Дабешань и обороняли важнейшие проходы и перевалы через этот горный хребет и направление по северному берегу р. Янцзы, располагаясь по линии Синьян, Иншань, Хуанмэй. Кроме того, 5—6 пехотных дивизий были расположены в качестве резерва непосредственно к северу от Ханькоу.

В результате перегруппировок силы сторон в первой половине сентября характеризовались следующими данными:

Направления	Японцы				Китайцы			
	людей (в тыс.)	орудий	танков	самолетов	людей (в тыс.)	орудий	танков	самолетов
Северный участок (Иньчжоу, северный берег р. Янцзы)	100	368	262	—	460	129	33	—
Южный участок (Наньчан, южный берег р. Янцзы)	120	256	—	—	500	215	—	—
Всего . . .	220	624	262	730	960	344	33	67

Относительное затишье в действиях японских войск на северном участке было вызвано не только необходимостью перегруппировки и подготовки к новой операции, но оно соответствовало замыслу японского командования. Японцы предполагали двойным ударом по сходящимся направлениям—с юга вдоль долины р. Янцзы и с севера—не только захватить район Ханькоу, но и нанести здесь решительное поражение китайским войскам. Соответственно этому японское командование стремилось одновременно соединить войска южной и северной армейских групп в районе Ханькоу. Южная армейская группа должна была преодолеть расстояние от Уху до Ханькоу (около 500 км) и действовать в значительно более трудных условиях, чем северная группа. Эта группа, как указывалось выше, могла развернуть решительные действия лишь после овладения соответствующим плацдармом западнее оз. Поянху. Поэтому начало наступления северной группы японское командование, повидимому, ставило в зависимость от того, когда южная группа своими главными силами достигнет плацдарма западнее оз. Поянху. Во второй половине августа японцы создали условия для развертывания наступления южнее р. Янцзы. Одновременно с этим началось наступление и северной группы на Синьянском направлении, которая должна была преодолеть расстояние до района Ханькоу (около 280 км). С этого момента начался второй период операции — непосредственная борьба за Ханькоу.

ХАНЬКОУСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Захватив 26 июля Цзюцзян, японские войска имели ближайшей задачей расширение плацдарма для развертывания главных сил южной армейской группы западнее оз. Поянху. С этой целью они предприняли наступление по трем направлениям (схема 2) общими силами до 4 пехотных дивизий. Основные усилия этих войск были направлены на Жуйчан, овладев которым, японцы выходили на ханькоуское шоссе. Корабли с десантными частями (полк морской пехоты), продвигаясь вверх по реке, содействовали своим огнем и высадкой десантов действиям центральной группы, наступавшей на Жуйчан. Третья группа в составе пехотной дивизии вела наступление вдоль железной дороги Цзюцзян—Наньчан.

Оставив Цзюцзян, китайское командование сосредоточило южнее этого пункта до 15 свежих пехотных дивизий, перехватывая Наньчанское направление. Заняв выгодные оборонительные позиции в густой массе холмов, рисовых полей и болот, китайские войска западнее и южнее Цзюцзяна оказали упорное сопротивление наступлению японцев. Бои приняли затяжной характер. Японское командование усилило группу на

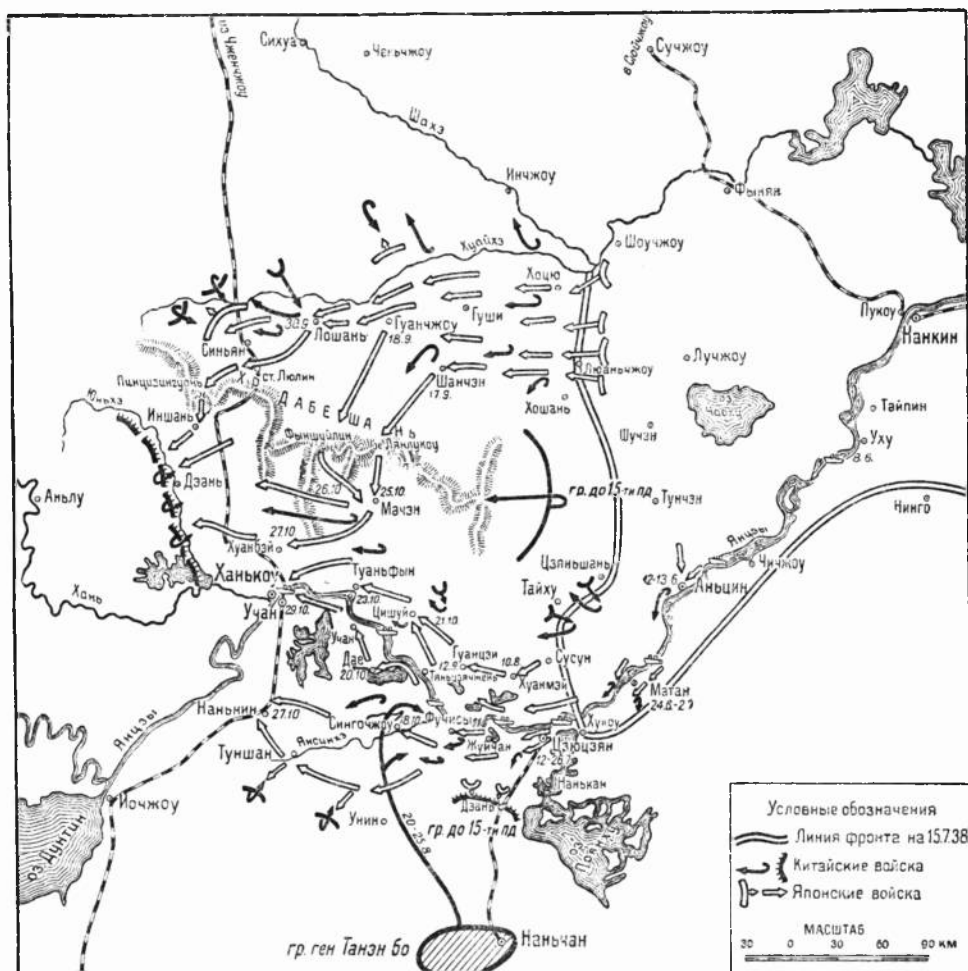

Схема 2. Общий ход боевых действий в Ханькоуской операции.

Наньчанском направлении вновь прибывшими частями, но, несмотря на это, наступление японцев развивалось чрезвычайно медленно. В результате почти непрерывных боев в течение августа японцы продвинулись вдоль железной дороги всего лишь на 15—20 км, и в конце этого месяца их наступление было остановлено усилившимся сопротивлением китайцев севернее Нанькана. После этого японское командование высадило десант силой до полка пехоты на западном берегу оз. Поянху, севернее Нанькана, с целью охвата правого фланга китайской обороны. Однако и этот маневр японского командования оказался безрезультатным. Китайское командование ударом резервных частей прижало японский десант к берегу озера. Последний при поддержке корабельной артиллерии удерживался здесь некоторое время, а затем вынужден был отойти.

Наступление японских войск на Жуйчан развивалось успешнее. Рассчитывая на прочность оборонительных позиций, китайское командование оставило здесь лишь 8-ю армию в составе 3—4 пехотных дивизий, а основную массу своих войск группировало значительно южнее. В результате на этом направлении создавалось превосходство японских сил, которые хотя и медленно, но при поддержке авиации преодолевали сопротивление китайских войск, тесня их к Жуйчану.

По мере выявления замысла японцев китайское командование во второй половине августа спешно перегруппировывает свои войска. Маневренная группа ген. Танэн-бо из района Наньчан, Жуйчжоу походным порядком перебрасывается в район Сингочжоу и далее к р. Янцзы. При этом китайское командование использовало эту группу не вполне рационально. Вместо того чтобы собрать ее в один кулак и нанести удар с юга в северном направлении по японским колоннам, наступавшим с востока на Жуйчан, и прижать их к р. Янцзы, эта группа войск была расплынена, и перегруппировка приняла характер затыкания дыр. Некоторые армии этой группы были брошены к Жуйчан, а остальные ее войска собраны восточнее Сингочжоу. Тем временем японские войска приближались к Жуйчану. Перегруппировка китайских войск осуществлялась недостаточно энергично, вследствие чего китайское командование вводило в действие свои войска разрозненно, по мере подхода их в назначенные районы. Так, командование одной из армий, имея задачей задержать наступление японцев на Жуйчан, бросило в бой сначала одну, а затем вторую дивизию, которые, как и следовало ожидать, были разбиты по частям, не выполнив поставленной задачи. В результате японские войска вынудили китайцев отойти и 24 августа захватили Жуйчан. Подошедшая сюда еще одна армия усилила оборону китайцев западнее этого пункта, и наступление японских войск было остановлено. Попытка японцев развить наступление в течение 28 и 29 августа южнее Жуйчана успеха не имела. Здесь они встретили упорное сопротивление китайских войск, которые отбили все атаки японских войск, нанеся им большие потери.

Таким образом, несмотря на напряженные бои, японцы в течение августа не добились больших результатов. Продвигаясь в среднем 1—2 км в сутки, им удалось несколько расширить плацдарм южнее и западнее Цзюцзяна (радиусом около 30 км). Однако все же условия для введения в действие всех сил южной армейской группы, действовавшей в долине р. Янцзы, были созданы.

Боевые действия японских войск на северном берегу р. Янцзы также развивались медленно. Наступавшая здесь правофланговая пехотная дивизия лишь после усиления ее одной бригадой преодолела сопротивление китайской обороны и в первой половине августа захватила Сусун и Хуанмэй, углубившись в оперативный мешок. Китайское командование весьма успешно применило здесь затопление, создав барьер для японцев. В момент, когда японские войска достигли района Хуанмэй, китайцы разобрали плотину горной реки и приостановили наступление. В связи с этим для китайцев создавалась весьма выгодная оперативная обстановка, позволявшая окружить японские войска в этом районе. Китайское командование не замедлило использовать эту возможность.

Решив окружить японцев в районе Сусун, Хуанмэй, китайское командование с этой целью собрало до 4 пехотных дивизий в районе западнее Тайху и 2—3 пехотные дивизии — к западу от Цзяньшаня, которые должны были ударом в юго-восточном направлении достичь р. Янцзы, чем и было бы завершено окружение. Однако этот замысел не был осуществлен. Приступив к выполнению этого маневра во второй половине августа, китайские войска вначале имели успех: захватили Сусун, Тайху, Цзяньшань, а затем были остановлены довольно серьезной обороной

японцев, созданной в заболоченных рисовых полях. Кроме того, японцы здесь применили слезоточивые газы, что придавало еще большую устойчивость их обороне. В результате китайские войска не могли развить первоначальный успех и вынуждены были отказаться от своего замысла, не достигнув цели.

После устранения наводнения в районе Хуанмэй японское наступление здесь возобновилось в направлении Гуанцзи, овладение которым давало в руки японцев хорошую шоссеиную дорогу на Ханькоу. К этому времени японские войска на северном берегу р. Янцзы были усилены батальоном танков, и здесь, таким образом, образовалось явное превосходство боевой техники японцев. После ряда боев с переменным успехом (западнее Хуанмэй) японские войска 12 сентября захватили Гуанцзи, в результате чего они подошли к последнему оборонительному рубежу перед Ханькоу. К этому времени на южном берегу р. Янцзы японское командование полностью развернуло главные силы южной армейской группы в следующей оперативной группировке. Основные усилия войск этой группы были направлены по кратчайшему направлению на охват и овладение Ханькоу с юга. Две японские пехотные дивизии, наступая в общем направлении Жуйчан, Сингочжоу, Наньнин, должны были перехватить железную дорогу южнее Ханькоу, преграждая пути отхода китайцам на юг. Около 2 пехотных дивизий наступали по южному берегу р. Янцзы во взаимодействии с группой кораблей. На вспомогательном Наньчанском направлении были собраны 2 дивизии, которые наступлением на Наньчан должны были сковать здесь китайские войска и обеспечить операцию основной группировки с юга.

Китайское командование, перебросив маневренную группу ген. Тан-эн-бо из района Наньчан к Сингочжоу, создало на линии р. Янсинхэ оборонительный рубеж, который являлся по существу последним серьезным препятствием на пути к Ханькоу. Поэтому китайские войска упорно защищали каждый метр территории между Жуйчаном и Сингочжоу. Наступавшая здесь основная группировка японских войск встретила сильное сопротивление, преодоление которого потребовало больших усилий. В результате темп продвижения японцев к западу от Жуйчана в первой половине сентября составлял в среднем не более 1 км в сутки.

В этот период японское командование усилило свои войска южнее р. Янцзы значительным количеством бронемашин и во второй половине сентября продолжало развивать наступление на Сингочжоу, овладение которым предreshало падение Ханькоу. В результате темп наступления японских войск южнее р. Янцзы возрос в среднем до 3 км в сутки, и в последних числах сентября они достигли китайских оборонительных позиций в районе Сингочжоу. Попытка японцев преодолеть здесь сопротивление китайских войск не увенчалась успехом.

В дальнейших действиях южной армейской группы огромную роль сыграли военные корабли и авиация. Японская флотилия тактически взаимодействовала с войсками, наступавшими непосредственно по обоим берегам р. Янцзы. Огнем корабельной артиллерии она содействовала овладению прибрежными укреплениями. Благодаря этому японские части 25 сентября сравнительно легко захватили форт Фучисы, что предопределило падение последнего перед Ханькоу прибрежного укрепленного пункта — Тяньцзячжень. Для овладения им японское командование применило комбинированный удар сухопутных, воздушных и морских сил. Удар с суши наносили пехотная бригада и десант силой до полка, которые при поддержке танков-амфибий, корабельной артиллерии и 70 самолетов захватили форт Тяньцзячжень и нанесли крупное поражение китайским войскам, оборонявшим этот район. После захвата фортов Фучисы и Тяньцзячжень японский морской флот получил полную свободу дей-

ствий. Путь на Ханькоу был открыт, и он имел возможность высаживать десанты на флангах и в тылу китайских войск.

На северном берегу р. Янцзы после потери Гуанцзи китайское командование контрнаступлением, предпринятым в этом районе 23 сентября, поставило японские войска под угрозу окружения. Последние вновь прибегли к применению слезоточивых газов. В результате натиск китайских войск, не имевших средств противохимической защиты, был отражен. Японское командование усилило свои войска на северном берегу р. Янцзы одним пехотным полком и продолжало развивать наступление в направлении на Цишуй. Китайское командование спешным порядком сосредоточило на рубеже в 10—15 км восточнее Цишуй группу в 6 пехотных дивизий, которой удалось задержать продвижение японских войск. Однако к этому времени (первая половина октября) общее положение китайских войск южнее и севернее Ханькоу складывалось весьма неблагоприятно, что не могло не отразиться и на ходе боевых действий на северном берегу р. Янцзы.

В середине октября сопротивление китайских войск южнее р. Янцзы было сломлено, и события начали развиваться значительно быстрее. Японские войска, наступавшие на Сингочжоу, после продолжительной воздушной бомбардировки преодолели китайскую оборону в этом районе и 18 октября овладели этим пунктом. Оставив Сингочжоу, китайские войска с большими потерями отошли в западном направлении. Группа японских войск, наступавшая по южному берегу р. Янцзы, при содействии десантных частей 20 октября захватила Дае, отбросив китайскую пехотную дивизию. К этому времени севернее Ханькоу японцы перехватили Бейпин-ханькоускую железную дорогу, создав угрозу окружения района Ханькоу с севера. В связи с этим китайское командование решило отвести свои войска, действовавшие на северном берегу р. Янцзы. Поэтому наступление японцев на этом направлении с 20 октября проходило почти беспрепятственно. Наличие у них механизированных частей и отсутствие у китайцев противотанковых средств значительно облегчало продвижение наступающих. Захватив 21 октября Цишуй, части дивизии, имея впереди танки, 27 октября ворвались с севера в Ханькоу. Эта группа японских войск за последние шесть дней операции имела наиболее высокий темп продвижения, составлявший в среднем около 15 км в сутки. В тот же день корабли морского флота высадили десантные части в районе Ханькоу.

Наступление основных сил южной армейской группы японских войск после овладения Сингочжоу также шло сравнительно быстрым темпом. Выбросив вперед механизированные части, две японские дивизии преодолели ослабленное сопротивление китайских войск и 27 октября достигли района Наньнина, перехватив железную дорогу южнее Ханькоу. Эта группа за последние девять дней операции имела темп продвижения в среднем 8—9 км в сутки. Части, наступавшие по южному берегу р. Янцзы, лишь 29 октября достигли района Ханькоу, продвигаясь в среднем по 7—8 км в сутки.

Наступление японцев на Наньчанском направлении, проходившее при поддержке морского флота, в конце сентября было остановлено китайскими войсками севернее Дэань и дальнейшего развития до конца операции не получило. Группа китайских войск, действовавшая на этом направлении, насчитывала около 20 пехотных дивизий. Японское командование в середине октября попыталось обойти китайскую оборону севернее Дэань с запада. Обходная группа японцев 15 октября была контратакована китайскими войсками. В результате были окружены две бригады японских войск. Но эта операция не была доведена до полного разгрома японцев. Японское командование подтянуло резервы и разомкнуло кольцо окружения, однако их обходный маневр был сорван.

Так закончились боевые действия в долине р. Янцзы, длившиеся около трех месяцев, которые потребовали огромного напряжения войск и больших потерь обеих сторон.

С точки зрения общего хода операции боевые действия к северу от Ханькоу носили вспомогательный характер. Японское наступление в этом направлении имело целью завершить охват района Ханькоу с севера и воспрепятствовать отходу на запад китайских войск, действовавших севернее р. Янцзы. С этой целью во второй половине августа японцы сосредоточили на направлении Люаньчжоу, Синьян армейскую группу в составе до 4 пехотных дивизий, усиленных механизированными частями. Ось наступления этой группы японских войск пролегла по линии Люаньчжоу, Гуанчжоу, Синьян. Китайские войска, действовавшие севернее р. Янцзы, оборонявшие район Ханькоу с востока и севера, насчитывали в своем составе свыше 40 пехотных дивизий общей численностью около 400 000 человек. Таким образом, китайцы располагали здесь более чем тройным превосходством живой силы, но по насыщенности боевой техникой они значительно уступали японцам.

Наблюдавшееся в период подготовки операции затишье боевых действий севернее Ханькоу сменилось в первых числах сентября ожесточенными боями. Одновременно с введением в действие основных сил южной армейской группы японское командование развернуло наступление и севернее Ханькоу. Северная армейская группа ген. Наруико была сосредоточена на фронте Хоцзю, Люаньчжоу и южнее, общим протяжением до 80 км, имея группировку войск справа в составе четырех пехотных дивизий. Войска этой группы в первых числах сентября с помощью танков преодолели сопротивление китайских войск и вынудили их к отходу. К середине сентября японцы достигли района Гуанчжоу, продвигаясь в среднем по 8—10 км в сутки.

Дальнейшее наступление северной армейской группы было расчленено по двум направлениям: две левофланговые дивизии были повернуты на юг для преодоления горного хребта Дабешань через перевалы Лянлукоу и Фыншуйлин, в общем направлении на Мачэн; остальные войска продолжали наступление в прежнем направлении — на Лошань, Синьян. Две японские пехотные дивизии, наступавшие в южном направлении, встретили довольно упорное сопротивление китайской обороны в горах Дабешань. Несмотря на сравнительно слабо подготовленные здесь оборонительные сооружения, китайские войска весьма дорого уступали каждую пядь земли. Начав наступление 19 сентября из района Шанчэн, японская дивизия лишь 25 октября вышла с большими потерями на южные склоны гор в районе Мачэна, продвигаясь в среднем около 3 км в сутки. Другая дивизия этой группы наступала из района Гуанчжоу через перевал Фыншуйлин и лишь 26 октября достигла района Мачэна, продвигаясь также не более 3 км в сутки.

Японское наступление на Синьянском направлении встретило не менее упорное сопротивление китайских войск. Наступавшие здесь 11½ пехотные дивизии, усиленные механизированными частями, во второй половине сентября были остановлены в районе Лошань переброшенными сюда свежими китайскими войсками. Наступлению мешали также очень сильные дожди. В течение почти двух недель бои происходили в засыпающей трясине. Однако превосходство японских войск в боевой технике решило исход боя за Лошань в их пользу. Части японской пехоты при поддержке танков и авиации преодолели сопротивление китайских войск и 30 сентября захватили Лошань. Контратака, предпринятая китайскими войсками силою в 5 пехотных дивизий, оказалась безуспешной. После этого китайцы вынуждены были отойти в западном и северо-западном направлениях.

Дальнейшей целью японского наступления являлся г. Синьян, овладев которым, японцы перехватывали Бейпин-ханькоускую железную дорогу и изолировали район Ханькоу с севера. В районе Синьяна китайцы имели довольно сильные оборонительные позиции, удерживаемые группой китайских войск в составе 3 пехотных дивизий. Основные усилия японских войск, действовавших здесь, направлялись вдоль дороги Лошань, Синьян и вспомогательные действия (силами одной бригады) — к северу от нее. В первых числах октября одна пехотная дивизия пыталась фронтальным ударом прорвать позиции восточнее Синьяна, но безуспешно, несмотря на применение слезоточивых газов. После этого японское командование перегруппировало части этой дивизии и направило ее главный удар южнее Синьяна, в охват правого фланга китайских войск. 10 октября, заняв станцию Люлин, японцы перехватили железную дорогу. Одновременно бригада, наступавшая севернее дороги Лошань, Синьян, прорвала оборону китайской дивизии и вышла на железную дорогу севернее Синьяна. Таким образом, к 10 октября создавалась угроза охвата обоих флангов. Избегая окружения, китайцы вынуждены были отойти северо-западнее Синьяна. В связи с этим китайское командование пыталось предпринять контрнаступление в общем направлении на Лошань с целью сорвать наступление японцев. Контрнаступление китайских войск, назначенное на 14 октября, ввиду опоздания сосредоточения частей не было осуществлено. Японцы продолжали развивать наступление и 13 октября заняли Синьян.

В то время, когда японцы были близки к завершению охвата с севера района Ханькоу, китайские войска, действовавшие севернее р. Янцзы, закончили отход на запад из оперативного мешка, образовавшегося здесь в середине октября. Для японского командования, повидимому, стало очевидным, что китайские войска вышли из-под угрозы окружения, и потому оно форсировало продвижение северной армейской группы, пытаясь глубоким охватом захлестнуть отходящие китайские войска северо-западнее Ханькоу. Две японские пехотные дивизии, достигшие 25 и 26 октября района Мачэна, дальнейшее наступление вели по двум направлениям. Выбросив танки вперед, одна пехотная дивизия устремилась на Ханькоу и 27 октября почти беспрепятственно заняла Хуанбэй, а на следующий день ее передовые механизированные части вошли в Ханькоу, который к этому времени был оставлен китайскими войсками и в городе уже находились части южной армейской группы. Таким образом, «клещи» сомкнулись в районе Ханькоу, но японцы окружили по существу пустое пространство, ибо к этому времени китайские войска уже были отведены. Японская дивизия, совершавшая более глубокий охват в общем направлении Хуанань, Дэань, также не смогла захлестнуть отходящие китайские войска.

Результаты охватывающих действий других японских частей, наступавших из района Синьян, также не увенчались успехом. Оставив бригаду на Синьянском направлении в качестве заслона, японское командование 16 октября повернуло на юг через горный перевал Пинцизингуань одну пехотную дивизию, которая должна была совершить глубокий охват в общем направлении на Аньлу. Преодолев сравнительно небольшое сопротивление китайских войск западнее железной дороги, эта дивизия быстро пересекла через Дабешань и в последних числах октября достигла района Иншань. Однако ее дальнейшее наступление встретило возрастающее сопротивление китайских войск, и 1 ноября она, не достигнув цели, была остановлена на рубеже р. Юньхэ. К этому времени сюда подошли части двух других дивизий. Японцы вновь пытались сломить сопротивление китайской обороны, но успеха не имели. Китайское командование, отведя свои войска с северного берега р. Янцзы и подтянув свежие части на рубеж р. Юньхэ, создало здесь достаточно прочную оборону и остано-

вило дальнейшее продвижение японских войск, которые за время операции уже в значительной степени выдохлись.

Таким образом, японцы, захватив 27 октября район Ханькоу, основной цели операции — разгрома живой силы противника — не достигли. Китайские войска своевременно отошли. Помимо этого, китайцы эвакуировали из района Ханькоу все промышленные предприятия.

Одновременно с завершением операции под Ханькоу японское командование предприняло наступление на юге Китая против Кантона, имевшее целью блокировать южное побережье и отвлечь сюда китайские силы из района Ханькоу. Сосредоточив здесь свыше 3 пехотных дивизий, японцы 22 октября сравнительно легко захватили Кантон. Китайские войска, оборонявшие этот пункт, в силу их малочисленности (около 3 дивизий) не могли противостоять японскому наступлению. Лишь с подходом свежих сил китайские войска остановили продвижение японцев севернее Кантона.

* * *

Боевые действия японских войск под Ханькоу проходили в рамках фронтовой операции. Японское командование ввело в действие две армейские группы со значительным количеством боевых технических средств. В этой операции с достаточной полнотой проявились элементы японской оперативной доктрины, правда, преломленной соответственно особенностям войны в Китае.

Фланговый маневр является типичной для японской армии оперативной формой; при этом японцы стремятся превратить охват флангов в окружение с целью решительного разгрома живой силы противника. В Ханькоуской операции японское командование стремилось наступлением двух армейских групп по сходящимся направлениям не только лишить Китай важнейшего промышленного района, но и главным образом нанести здесь решительное поражение китайской армии. Однако замысел японского командования в части окружения и разгрома живой силы противника не был осуществлен: китайские войска вышли из-под удара, сохранив свои боевые силы. Это явилось следствием следующих двух обстоятельств: китайское командование с целью сохранения живой силы и боевой техники в соответствии со стратегией затяжной войны своевременно отвело свои войска из-под удара технически более сильного противника; японское командование сосредоточило слишком мало войск для такого сложного оперативного маневра, требующего большого искусства и превосходства или по крайней мере равенства сил. Соотношение живой силы сторон в этой операции было (5 : 1) в пользу китайских войск. В результате этого темп наступления японцев, несмотря на превосходство в боевой технике и выучке, был незначителен и составлял всего лишь 3—4 км в сутки, хотя операция и носила маневренный характер.

Огромнейшую роль в этой операции сыграл военно-морской флот. Группа военных кораблей с относительно небольшим составом десантных частей фактически выполняла роль тарана. С ее помощью японцы очищали от заграждений русло р. Янцзы, устранили оборонительные береговые сооружения и проталкивали пехоту вперед, содействуя ей корабельной артиллерией. Это техническое превосходство наступающей стороны по существу и решило судьбу Ханькоу. Японская авиация в этой операции использовалась как на поле боя в тактическом взаимодействии с наземными войсками, так и для выполнения задач в оперативном и глубоком тылу. На поле боя авиация, дополняя артиллерию, группами по 6—9 самолетов бомбардировала оборонительные позиции, колонны и коммуникации китайских войск. Район Ханькоу подвергался неоднократным бомбардировочным налетам крупных сил японской авиации. Китайцы из-

за малочисленности своей авиации не могли противодействовать налетам японских самолетов.

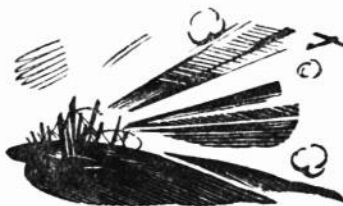
Оперативная плотность фронта в период непосредственной борьбы за Ханькоу характеризуется следующими данными:

	Участок севернее р. Янцзы (фронт около 200 км)		Участок южнее р. Янцзы (фронт около 80 км)	
	японцы	китайцы	японцы	китайцы
Дивизий	5	46	Около 6	51
Людей	100 000	460 000	120 000	500 000
Орудий	368	129	236	215
Танков	262	33	—	—
Самолетов (всего)	739	67	—	—
Плотность на 1 км фронта				
Людей	500	2 300	1 500	6 250
Орудий	2	1	3	3
Танков	3	—	—	—

Темп наступления японских войск и глубина операции на северном и южном участках видны из следующих данных:

Направления	Глубина операции (в км)	Продолжитель- ность (дней)	Темп (в км/сутки)
В долине р. Янцзы	480	140	Около 3
Севернее Ханькоу	280	60	" 5

Японское командование захватом двух важнейших промышленных районов — Ханькоу и Кантона — одновременно с окружением и разгромом крупных сил китайской армии намеревалось решительно подорвать экономику Китая, лишить его возможности подвоза извне средств вооружения. По мнению японского командования, это должно было ускорить окончание войны. Однако и на этот раз японцы жестоко просчитались. Они не достигли намеченной цели. Война приобрела глубоко затяжной характер.

КОМБРИГ Г. КАРАЕВ

ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА В ВОЙНЕ 1914—1918 гг.

Мировой характер войны 1914—1918 гг., разделивший почти весь земной шар на два враждебных лагеря, заставил генеральные штабы воюющих государств по-новому подойти к разрешению проблемы транспорта и путей сообщения.

Стратегическое развертывание и маневрирование миллионных армий и резкое увеличение объема артиллерийского, технического, вещевого, продфуражного и других видов снабжения войск предъявили огромные требования ко всем видам транспорта.

Транспорт — и в первую очередь железные дороги, автомобильный транспорт и морской флот — оказался выдвинутым в ряды важнейших факторов, обеспечивающих массовыми оперативными и снабженческими перевозками боевую деятельность армий воюющих коалиций. Протянувшиеся на тысячи километров в тыл коммуникационные линии фронтов, перегородивших «от моря и до моря» Западную и Восточную Европу, перекинулись через материки и океаны, связали между собой все части света и позволили империалистам поставить на службу войне не только промышленность их метрополий, но и сырьевые ресурсы самых отдаленных колоний.

Подготовленность транспорта к массовым воинским перевозкам военного времени как в материально-техническом, так и организационном отношении оказалась одной из важных составных частей подготовки к войне в целом. Густота железнодорожной сети, пропускная способность железнодорожных линий и узловых станций, путевое развитие станций выгрузки, исправность подвижного состава — все это оказывало самое непосредственное влияние на исход отдельных сражений и даже целых кампаний.

Выяснению роли транспортных средств в войне 1914—1918 гг. и посвящена настоящая статья.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ

На базе густой сети рельсовых путей Европы (особенно в ее западной и центральной частях) возможности массовых железнодорожных перевозок оказались к 1914 г. почти неограниченными. Понятие о густоте железнодорожной сети в Европе дают следующие цифры, взятые на 1 января 1914 г. Германия к этому времени довела общее количество своих железных дорог до 80 000 км, т. е. удвоила их по сравнению с 1890 г. Если исключить из этого числа более 5 000 км городских железных дорог и около 11 500 км дорог чисто местного значения, то железнодорожная сеть общего пользования исчислялась в 63 500 км. Это составляло на 100 кв. км территории 11,8 км железнодорожных путей, а на каждые 10 000 жителей 9,5 км. Соответственно во Франции железнодорожная сеть достигала 51 190 км, что составляло 9,6 км на

100 кв. км площади и 13 км на 10 000 жителей. Наиболее густой железнодорожная сеть была в западной Германии, Бельгии и восточной Франции (схема 1), где развернулись важнейшие сражения начального периода войны. Что касается Европейской России (без Финляндии), то протяжение ее железных дорог к этому времени составляло

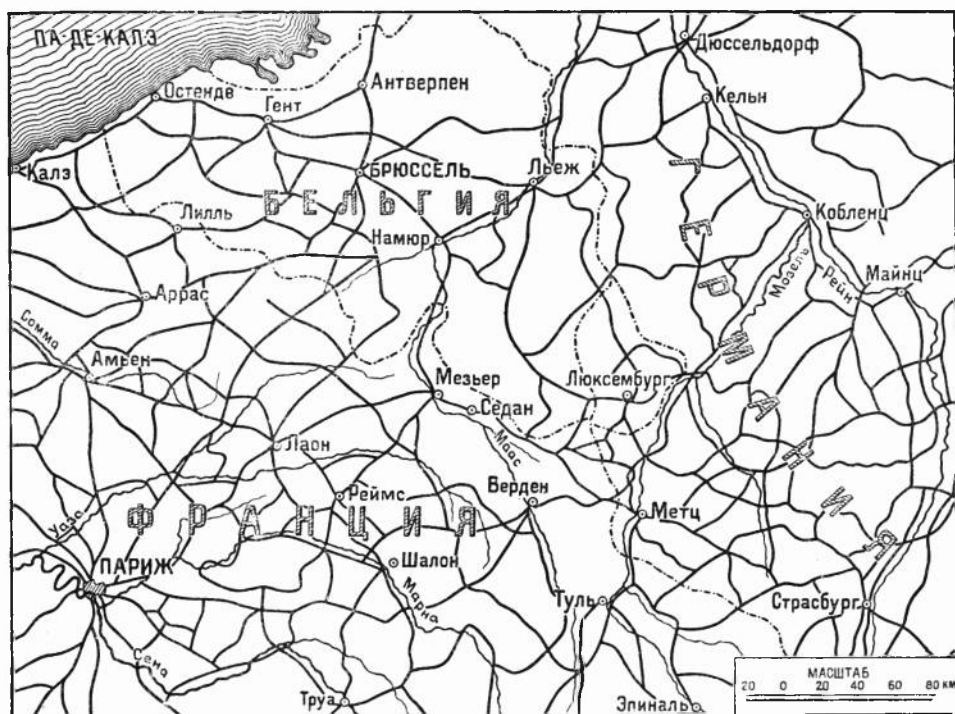

Схема 1. Железнодорожная сеть в районе западноевропейского театра военных действий.

около 58 500 км, что соответствовало в среднем 1,1 км железных дорог на 100 кв. км площади и 3,7 км на каждые 10 000 человек населения.

Густота железнодорожных путей в Западной и Средней Европе в соединении с их высокой пропускной способностью и большими скоростями перевозок позволяла сильно повысить срочность и массовость транспортировки войск и военных грузов. Она позволяла, пользуясь наличием системы рокадных линий, более гибко подходить к составлению планов перевозок, вплоть до сохранения глубоких оперативных резервов, могущих быть брошенными в нужный момент по любому выяснившемуся в новой обстановке направлению.

Все планы мобилизации и стратегического развертывания армий государств Европы были основаны на расчетах, опиравшихся на те возможности, которые открывала для передвижения мобилизуемых контингентов и отправляемых на театр военных действий войск работа железных дорог. Составляя до войны около 4 млн. человек, армии Германии, Франции, Англии, России и Австро-Венгрии развернулись в результате мобилизации более чем в четыре раза и тысячами воинских эшелонов устремились к районам своего стратегического развертывания. О размерах произведенных в этот период воинских перевозок можно судить по следующим данным, относящимся к Франции и Германии. Франция произвела перевозки по соседоточению, использовав 10 двухпутных магистралей, воинское расписание на которых предусматривало пропуск до 72 пар поездов в сутки (фактически 56 пар на каждой). За период

сосредоточения к франко-германской границе прошло 4 619 воинских поездов, перевезших 1 200 000 человек и 400 000 лошадей. Германия осуществила сосредоточение своих армий путем перевозки 3 120 000 человек и 860 000 лошадей одновременно по 13 отдельным двухпутным магистралям, пропускная способность которых была рассчитана в 560 поездов в сутки в одном направлении (фактически 50 пар по одной магистрали). Это заняло до 11 000 воинских поездов.

Как во Франции, так и в Германии воинским графиком предусматривался на каждой дороге ежесуточный перерыв в движении до 4 часов, что помогало ликвидировать возникавшие по различным причинам опоздания и укладываться в предусмотренные планом сроки.

Наиболее ясно выраженную наступательную идею заключал в себе план стратегического развертывания германской армии. Он предусматривал развертывание на восточноевропейском театре лишь слабого заслона в Восточной Пруссии против русских войск (при одновременном переходе в наступление австрийской армии на галицийском фронте) и сосредоточение сильной ударной группировки из 5 армий на правом крыле сил, предназначенных для действий на западе, для вторжения во Францию через Бельгию. Для успешного осуществления этого оперативного плана, опиравшегося на достижение внезапности и требовавшего, следовательно, быстроты сосредоточения предназначенных для его выполнения войсковых соединений, необходима была широкая подготовка района развертывания германских армий в железнодорожном отношении. До 1904 г. густота железнодорожной сети в районах западной Германии,

Схема 2. Подготовка района развертывания германских армий на германо-бельгийской границе в железнодорожном отношении.

железнодорожной сети района стратегического сосредоточения германских армий было приведено в соответствие с тем огромным количеством войсковых эшелонов, которые она должна была принять из внутренних областей страны.

Общее количество корпусов, сосредоточенных на узком фронте от Аахена до Метца (около 160 км), доходило до 27, т. е. 55 пехотных дивизий. Это давало плотность до одной пехотной дивизии на 2,5 —

прилегающих к германо-бельгийской границе, резко отставала от богатой железными дорогами Лотарингии (схема 2). На протяжении 10 лет, с 1904 по 1914 г., Германия развернула здесь широкое железнодорожное строительство. Весь район был пересечен с севера на юг сквозной железнодорожной магистралью Кельн — Карлсгауз и рядом железнодорожных линий, протянувшихся с востока на запад. Большинство однокольных линий было перебито на две колей. Этим достигалась достаточная мощность железнодорожной сети района, чтобы иметь возможность принимать подвижной состав с войсками, вливавшийся одновременно по 10 дорогам, идущим сюда из внутренних областей страны. Эти 10 железных дорог распределялись так: с востока на участке Кельн — Майнц — 4 сквозные линии (кроме того, одна — Франкфурт — Майнц, — местного значения), с севера — 4 сквозные линии и с юга — 2 линии. Таким образом, состояние

3 км. Для достижения быстроты выгрузки всей этой массы войск — 1 200 000 человек — подвоз был произведен одновременно с востока (12 корпусов), с севера (9 корпусов) и с юга (6 корпусов). Такое распределение корпусов давало среднюю нагрузку в 5 дивизий на каждую железнодорожную линию. Все это вместе взятое обеспечило германскому военному командованию достижение небывалой до того времени быстроты сосредоточения миллионной армии, имевшей на данном участке фронта подавляющее превосходство над почти равномерно растнутой вдоль франко-германской границы группировкой французских армий. Таким образом, с первых же дней войны железные дороги выступили в качестве стратегического фактора большой важности. Это свое значение они сохранили и в дальнейшем.

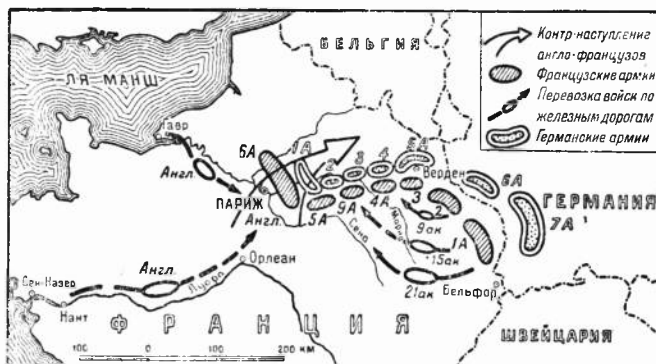

Схема 3. Перегруппировка англо-французских войск к началу Марнского сражения.

Наряду со значительно более широкими, чем раньше, возможностями стратегического развертывания в условиях наличия развитой железнодорожной сети устарело и известное положение Мольтке о том, что «ошибки в первоначальном сосредоточении принадлежат к числу тех, которые почти невозможно исправить». Первые же месяцы войны доказали обратное. Когда выяснились размеры германского наступления через Бельгию и англо-французские войска оказались вынужденными к отступлению, французское военное командование успешно произвело, опираясь на железнодорожную сеть, перегруппировку частей. В короткий срок, определяемый временем отхода французских армий за р. Марну (схема 3) — всего 10 дней, на левом фланге была сосредоточена очень сильная группировка в составе вновь сформированной 6-й французской и английской армий, а отступавшие к востоку от Парижа войска усилились 2½ армейскими и 1 кавалерийским корпусами, влившимися в состав 3-й и 4-й армий и отряда ген. Фоша, который был развернут в 9-ю армию. Эта перегруппировка определила исход Марнского сражения (6—12 сентября 1914 г.).

Одновременно на восточноевропейском фронте развернутое австрийской армией наступление вылилось в трехнедельную Галицийскую битву (с 23 августа по 13 сентября 1914 г.). В процессе этого сражения выяснилось несоответствие оперативной группировки русской армии, командование которой предполагало наличие главных австрийских сил значительно восточнее, чем они были фактически. Нажимая превосходными силами на правый фланг 4-й русской армии (схема 4), австрийцы принудили ее отступить. В образовавшийся между 4-й и 5-й армиями разрыв вклинились части 10-го австрийского корпуса. Создалась угроза Люблину и всей группировке 4-й и 5-й армий. Это тяжелое для русских положение было ликвидировано переброской по железной

Схема 4. Кризис Галицийского сражения (положение к моменту перехода русских армий в контрнаступление).

дороге в район правого фланга 4-й армии и правее его 18-го, 14-го, части гвардейского, пехотных и одного конного корпусов, из которых была образована 9-я армия. Переход в наступление 9-й армии 4 сентября придал полную устойчивость частям 4-й армии и положил начало перелому в ходе операции. Разрыв между 4-й и 5-й армиями был заполнен, кроме того, подвезенными по железной дороге подкреплениями, которые нанесли поражение 10-му австрийскому корпусу и пресекли этим попытку австрийцев прорвать фронт русских войск.

Таким образом, не только на западе с его богатой железнодорожной сетью, но и на востоке, где сеть железных дорог была более редкой, оказалось возможным в ходе развернувшихся уже боевых действий изменить первоначальную группировку армий и добиться благоприятного исхода операций.

Наличие мощной железнодорожной сети открыло, кроме того, широкие возможности маневрирования по внутренним операционным направлениям, перебрасывая войска с одного участка фронта на другой (по рокадам) и даже производя в короткие сроки их перегруппировку между фронтами (по сквозным железнодорожным магистралям).

Уже упомянутая выше перегруппировка французской армии перед Марнским сражением является типичным использованием железных дорог для переброски войск с одного участка фронта (в данном случае с эльзасского) на другой. Немалую роль сыграли железные дороги и в той борьбе за выигрыш фланга, которая развернулась на западноевропейском театре непосредственно после Марнского сражения и известна под названием «бег к морю». Как известно, эта операция продлилась больше месяца и потребовала от железных дорог обеих сторон напряженной работы по переброске войск на север, пока 20 октября правый фланг германских войск и левый фланг англо-французов не уперлись в море в районе Ньюпора. По германским железным дорогам из Эльзаса и Лотарингии и дорогам оккупированных германцами областей Бельгии и северной Франции за это время прошло 1 200 воинских поездов, перевезших 15 пехотных и 4 кавалерийских дивизии. В свою очередь французы перебросили в этот же район около 30 пехотных и 8 кавалерийских дивизий.

Не менее интересна перевозка частей 9-й германской армии во время боев на восточноевропейском театре военных действий. Когда австрийцы после неудачного для них исхода Галицийского сражения находились на Сане (середина сентября 1914 г.), для укрепления их левого фланга были переброшены с расстояния 800 км части 9-й германской армии — 750 воинских поездов в течение 12 суток. После неудачно предпринятого наступления, в процессе отхода, германские войска были вновь посажены в поезда и спешно переброшены на север, в район Торна, чтобы оттуда организовать удар по правому флангу русских войск. Во время этой перевозки в течение 10 дней было пропущено до 800 воинских поездов.

Все эти примеры, как и многие другие, показывают, что железные дороги широко использовались не только для воинских перевозок в период мобилизации и стратегического сосредоточения армий, но и в процессе развернувшихся уже боевых действий для осуществления смелых и в то же время быстрых фланговых движений вдоль фронта. Подобное маневрирование войсковыми массами характерно как для французского, так и для германского командования. Этого нельзя сказать о русском командовании, в распоряжении которого находилось лишь ограниченное количество железнодорожных линий. Последнее обстоятельство заставляло, между прочим, русское командование держать непроизводительно большие местные резервы, восполняя этим малую подвижность своих армейских групп.

Если для французского военного командования характерно широкое маневрирование войсками по рокадам, то немцы часто применяли,

кроме того, переброски частей по сквозным железнодорожным магистралям с западного фронта на восточный и наоборот (схема 5).

Общий технический прогресс позволил, в частности, более быстро производить восстановительные работы на разрушенных противником железнодорожных линиях. Это имело огромное значение для военного использования железнодорожного транспорта. При своем отступлении после пограничного сражения (1914 г.) французы и бельгийцы оставили после себя лишь слабо разрушенную железнодорожную сеть, что дало возможность германским армиям осуществить свое вторжение до р. Марны (свыше 200 км) за 10 дней. В дальнейшем разрушение путей сообщения получает, однако, все больший размах и выливается в 1918 г. в широко задуманные и методически выполненные мероприятия, охватывавшие целые группы армий. Таково было, например, опустошение, произведенное германскими армиями в марте 1917 г., при отходе к северу от р. Уазы на позиции Зигфрида. По этому поводу впоследствии Людендорф писал: «Главная квартира методически выбрала всю местность перед Зигфридовской позицией приблизительно на глубину 12 км. Эта мера имела результатом с тактической точки зрения затруднить противнику преследование, с точки же зрения стратегической — затруднить ему устроиться перед нашей позицией и, что особенно важно, воспрепятствовать ему надолго производить всяческую атаку на большом участке нашего фронта. Таким образом, главная квартира имела возможность оборонять этот участок в течение всего лета и большей части осени усталыми дивизиями, занимая широкие фронты и оставляя в своем распоряжении достаточные силы для других операций 1917 г.»¹. Нет никакого сомнения в том, что разрушение путей сообщения и в первую очередь железнодорожных выступает здесь как составная часть оперативного плана.

Однако это вызвало к жизни разработку способов скоростного восстановительного строительства. Железнодорожная сеть получает способность, преодолевая разрушения, ползти за продвигающейся вперед армией. Даже в условиях таких широко осуществленных методических разрушений, какие были произведены немцами при их отступлении 27 сентября — 11 ноября 1918 г., когда в оставленной ими полосе местности (схема 6) оказались разрушенными 5 600 км железнодорожных линий, 1 600 мостов и путепроводов, 13 тоннелей, 590 железнодорожных станций, 150 водоемных зданий, 9 000 км шоссе и т. д., уже в процессе наступления удалось возобновить движение по железнодорожным линиям на глубину половины оставленной немцами местности.

При всех своих огромных положительных качествах железнодорож-

Схема 5. Сквозные железнодорожные магистрали Германии в конце 1914 г.

¹ Людендорф. Ведение войны и политика.

ная сеть страдает одним трудно устранимым недостатком: в ней отсутствует необходимая в полевых условиях гибкость. Как бы ни была развита и густа сеть железнодорожных линий, она не в состоянии обеспечить, как показал опыт, возникающие в процессе военных действий потребности в транспорте, а строительство новых железных дорог —

Схема 6. Границы германских разрушений в 1918 г. и линия конечноразгрузочных станций армий Антанты к 11 ноября.

дело затяжное и далеко не всегда может быть осуществлено в требуемые жесткие сроки. Кроме того, восстановление разрушенных линий отставало, как мы видели выше, от темпов наступательной операции. Выход был найден в прокладке узкоколейных дорог, дополнявших нормальную железнодорожную сеть и возмещавших этим недостающую гибкость ее начертаний.

Первый опыт применения узкоколейных железных дорог относится к французскому походу в Тунис (1883 г.) и итальянской экспедиции в Массая (1885—1887 гг.). Широкое применение конная узкоколейная железная дорога впервые получила во время русско-японской войны

1904—1905 гг. За время этой войны было построено 571 км пути, из которых эксплуатировалось 405 км. Провозная способность линий была использована неодинаково. На линии Фушун—Гаолинцзы с 17 декабря 1904 г. по 23 февраля 1905 г. было перевезено 2740 т и 2536 пассажиров, что составляет в среднем около 104 т в сутки. На другой линии, соединявшей Гунчжулин с Херсу, за 11½ месяца было перевезено 16 528 т грузов, т. е. 360 т в сутки. Общий результат перевозок, произведенных за всю войну, составлял более 560 000 т груза, 25 000 пассажиров и 75 000 больных и раненых.

В войну 1914—1918 гг. как конные, так и паровые узкоколейные железные дороги получили широкое применение. Гибкость в отношении применения к местным условиям в соединении со скоростью прокладки позволили дотянуть линии этих дорог до самых позиций. Головные станции железных дорог нормальной колеи находились не ближе 15 км к линии фронта, узкоколейка с паровой тягой приближалась к линии фронта до 3,5 км, с тракторной — до 1,5 км, а с конной тягой и вручную — еще ближе. Вот почему сеть узкоколейных железных дорог на фронтах мировой войны достигла нескольких тысяч километров, а ежедневная перевозка грузов составляла сотни тысяч тонн. Об относительных размерах перевозок, которые выпадали на долю узкоколейных железных дорог, можно судить по метровой колее Маасской линии под Верденом в 1916 г. По этой линии было перевезено:

Месяцы	Снабжение (в т)	Боеприпасы (в т)	Разные грузы (в т)	Войска (чел.)	Раненные и больные (чел.)
Февраль	15 087	413	8 439	37 872	8 622
Март	41 833	1 039	2 393	5 887	8 388
Апрель	45 912	10 193	6 347	18 273	16 528
Май	50 902	13 175	5 351	29 842	23 390
Июнь	47 503	15 235	7 212	45 553	27 980
Итого . . .	201 237	40 055	29 742	137 427	84 906 ²

² Ле Энаф и Борнеск. Французские железные дороги и война. Пер. с французского. 1923 г., стр. 155.

Это составляет в общей сложности 271 034 т грузов и 222 335 человек. Считая на каждого человека в среднем по 100 кг (войска были с ранцами, винтовками и т. д.), мы получим общий итог в 293 267,5 т, т. е. в среднем около 2 000 т в сутки.

В строительстве узкоколейных железнодорожных линий выявились два основных направления. На Западе, где к узкой колее предъявлялось лишь требование подачи грузов на те участки, куда их не могла подать железная дорога нормальной колеи, где узкая колея должна была следовать за войсками при наступлении, пока не будут восстановлены разрушенные неприятелем железнодорожные пути, чтобы затем быть снятой и перенесенной в другое место, в ее конструкциях осуществлялось максимальное облегчение работ по прокладке и разборке путей (замена деревянных шпал металлическими, укладка целыми звеньями, облегченный тип мостов и т. д.). Что касается русского фронта, то здесь выявилась обратная тенденция, вытекавшая из других предъявляемых к узкоколейке требований. Редкая сеть железных дорог нормальной ширины в России потребовала, чтобы узкоколейные дороги заменяли ее на отдельных участках пути и принимали на себя двигавшиеся к фронту грузопотоки. Это требование означало увеличение грузоподъемности узкоколейных дорог и приближение их конструкции к типу нормальной колеи.

В практике подготовки транспортных средств к осуществлению больших наступательных операций выработалось тесное взаимодействие между строительством и эксплуатацией железных дорог нормальной колеи и прокладкой в дополнение к ним узкоколейных линий. Такова, например, подготовка англо-французами наступательной операции на Сомме (1 июля—27 сентября 1916 г.). Готовясь к этой операции, французы увеличили пропускную способность конечно-выгрузочной станции Лонгюо (к востоку от Амьена) и расширили распорядительные станции Ле-Бурже, Крейль, Бове и Мерю. Далее, к ранее имевшимся основным линиям железных дорог были добавлены в передовом районе ветки нормальной колеи общим протяжением в 273 км с одновременным доведением сети узкоколейных линий до 450 км.

Эксплуатация существовавших железных дорог, работы по их поддержанию, прокладка новых линий, разрушение и восстановление сети при наступательных операциях и отходах вызвали во всех армиях воюющих государств увеличение и дальнейшее организационно-техническое развитие железнодорожных войск. Наиболее интересной в этом отношении является организация германских железнодорожных частей.

До войны 1914—1918 гг. в германской армии имелось 31 железнодорожная строительная и 3 эксплуатационных роты. При этом все строительные роты были сведены в батальоны, полки и бригады. С началом войны было развернуто постепенно 30 полевых, 26 резервных, 11 крепостных и 7 ландверных строительных рот и 4 железнодорожных рабочих батальона по 4 роты каждый. Общее количество железнодорожных войск достигло при этом 26 000 человек, а к концу войны — 120 000 человек. Все строительные роты получили штатную организацию и материальное обеспечение отдельных рот. Это придавало железнодорожным войскам большую гибкость в выполнении ими тех строительных и эксплуатационных задач, которые на них возлагались в процессе войны. В соответствии с выявившейся в процессе войны необходимостью производить силами железнодорожных частей работы по восстановлению и строительству тоннелей, восстановлению связи, машинной обработке материалов и изысканий под водой в местах возведения мостов были сформированы дополнительно команды тоннельных рабочих, команды связи, железнодорожные машинные парки и водолазные отделения.

Общее руководство железнодорожными войсками было сосредоточено в руках начальника военно-железнодорожной службы, объеди-

павшего работу всего германского железнодорожного транспорта. Все военно-железнодорожные дирекции, линейные комендатуры и железнодорожные части, работавшие на западноевропейском театре военных действий, подчинялись непосредственно начальнику военно-железнодорожной службы; на восточноевропейском театре они подчинялись находившемуся там его заместителю.

Представление об огромных размерах произведенных железнодорожными частями работ может дать пример тех же германских железнодорожных войск на восточноевропейском театре. За первые 21 месяца войны в оккупированных областях царской России ими было построено 1 100 км новых железных дорог нормальной колеи, перешито и восстановлено свыше 7 500 км русских железных дорог, построено более 17 600 м новых мостов и восстановлено 17 070 м мостов, разрушенных русскими войсками при их отступлении.

Нагрузка железных дорог на протяжении войны не только не уменьшалась, но все возрастала. Непрерывные перевозки войсковых частей и следующих на фронт укомплектований, огромные, возраставшие с каждым годом потребности войск в боеприпасах, оружии, военной технике, эвакуация сотен тысяч раненых, подвоз продовольствия и т. д. требовали от железнодорожной сети исключительного напряжения. Так, если в 1914 г. подвоз для англо-французских армий составлял в среднем 80 поездов в сутки, то в следующем 1915 г. эта среднесуточная норма повысилась уже до 180 поездов, а с 1916 г. достигла 231 поезда. В 1918 г. во время операций с 21 марта по 11 ноября армии Антанты потребовали 17 000 поездов, перебрасывавших к месту сражения резервы, что составляло в среднем 74 поезда в сутки (при максимуме в 198 поездов в сутки), и около 50 000 поездов, доставлявших предметы снабжения и продовольствия, т. е. в среднем 217 поездов в сутки (при максимуме до 424 поездов). Вместе это составляло 67 000 поездов, т. е. 291 поезд ежедневно.

При быстром возрастании грузопотоков из питающих фронт внутренних областей воюющих государств большое значение приобретала организация подвоза по железным дорогам.

Вся территория Германии делилась на корпусные районы, в которых заготавливались продовольственные и другие запасы. В каждом районе была выбрана и заранее, еще до войны, соответствующим образом подготовлена «станция начального этапа», носившая номер того корпуса,

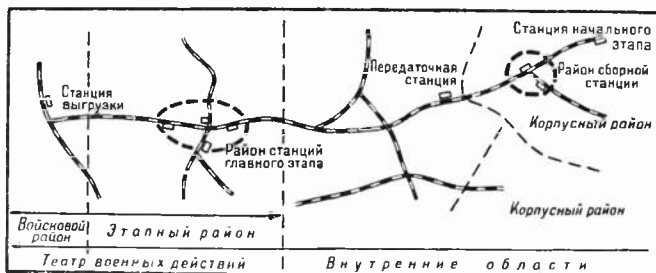

Схема 7. Организация подвоза по железным дорогам в Германии.

который развertyвался на территории этого района (схема 7). На станции начального этапа сосредотачивались все предназначенные к отправке грузы. Отсюда начиналась так называемая «этапная линия», по которой грузопотоки направлялись по железной дороге на «сборную станцию этапной линии». На сборной станции были развернуты базисные склады и магазины. Как правило, сборная станция этапной линии

включала в себя не одну станцию, а целый район с несколькими станциями. Часть грузов, подлежащих срочной переотправке, содержалась при этом на колесах. От сборной станции этапной линии начиналась этапная линия армии (армейская коммуникация). По армейской этапной линии грузы попадали через передаточные станции на театр военных действий.

Театр военных действий подразделялся на этапный и прилегающий непосредственно к линии фронта оперативный или войсковой районы. Этапный район представлял собой ближайший тыл войскового района армии, и в этом было его основное значение. В центре, на узловой железнодорожной станции, располагался «главный этап» армии. Так же как и сборная станция этапной линии, главный этап занимал, как правило, не одну, а несколько станций в районе центрального в этапном районе железнодорожного узла. Главный этап регулировал и направлял движение грузов «комплектами снабжения» к войсковому району для их поступления войскам. Наконец, там, где проходила тыловая граница войскового района, грузы поступали на выгрузочные станции, которыми заканчивалась армейская железнодорожная коммуникационная линия.

От «станций выгрузки» к войскам тянулись грунтовые и водные пути, узкоколейные железные дороги и т. д., получившие наименование «обыкновенных этапных линий». Подвоз грузов по этим путям осуществлялся с помощью автомобильного и гужевого транспорта, грузовых судов (если были водные пути) и узкоколейных железных дорог. Часть грузов содержалась в качестве подвижных армейских запасов на колесах в составе фурпарковых и мундационных колонн, обеспечивавших войскам их бесперебойное поступление в случае каких-либо задержек с доставкой по железной дороге.

Как это можно видеть из сказанного, германская система подвоза была очень проста и обеспечивала войскам быстрое продвижение грузов из внутренних районов страны.

Так же как и в Германии, вся территория Франции делилась на корпусные округа, в которых и была сосредоточена заготовка необходимых армии запасов. Корпусные округа составляли в общей своей сложности «внутреннюю зону» страны. Соответственно и железные дороги, входившие в них, получили наименование «внутренней сети железных дорог». В каждом корпусном округе имелась своя «сборная станция», носившая название своего округа. Так как система подвоза основывалась на принципе «именных грузов», т. е. отправки грузов корпусными округами в адрес своих корпусов, то сборная станция округа являлась начальным пунктом коммуникационной линии того корпуса, подвоз к которому она обслуживала. Непосредственно от сборных станций корпусных округов поезда поступали на театр военных действий, именовавшийся армейской зоной. Все железные дороги, входившие в состав театра военных действий, получали наименование «армейской сети железных дорог». Территория армейской зоны делилась на «тыловую зону» или «этапную зону» армии и «передовую зону» армии. Миновав «демаркационные станции», расположенные на тыловой границе армейской зоны, грузы попадали на «станции-магазины», откуда высылались дальше лишь по указаниям «распорядительных комиссий» (схема 8).

Распорядительные комиссии занимали, как правило, одну из центральных узловых железнодорожных станций тыловых зон обслуживаемых ими армий. Одним из основных, принятых с самого начала войны, принципов подвоза и снабжения частей была доставка в поездах следующих на распорядительные станции однородных грузов с последующей отправкой в части «комплектных поездов», включавших в себя разные виды снабжения. Это создало значительную сложность в работе распорядительных комиссий, которые вынуждены были развернуть спе-

циальные «сортировочные парки». Для работы распорядительных комиссий были позднее отведены целые районы с включением в них, кроме узловой, ряда других железнодорожных станций. Только в дальнейшей своей работе распорядительные комиссии нашли путь к ее упрощению созданием и отправкой ограниченного числа типовых комплектных поездов. По этому поводу французский офицер генерального штаба Фишер пишет в своих воспоминаниях: «Распорядительные станции и их сортировочные парки так часто бомбардировались авиацией противника, что необходимо было упростить их работу по формированию поездов. Кроме того, обстановка менялась быстро, с часу на час, вследствие чего заявки, сделанные на-

Схема 8. Организация подвоза по железным дорогам во Франции.

кануне, могли не соответствовать потребностям сегодняшнего дня. Поэтому было решено, что ежедневное снабжение впредь будет отправляться посредством комплектов двух неизменных типов: типа пехотной дивизии и типа частей, не входящих в состав дивизий. Первый должен был содержать 12 000 людских дач и 4 000 конских, а второй — 7 000 людских дач и 5 500 конских. Эти комплекты должны были отправляться в любом количестве, ежедневно, на наиболее удобные станции снабжения, по соглашению между армией и ее комиссаром-распорядителем»³.

В целях лучшего обеспечения работы распорядительных станций в тыловой зоне театра военных действий были организованы так называемые «станции-магазины» или «базы». Наличие этих баз позволяло осуществлять подвоз к войскам бесперебойно, независимо от могущих быть вызванными по тем или другим причинам временных задержек с доставкой грузов из корпусных округов. Через «передаточные станции» грузы поступали из распорядительных станций на конечные выгрузочные станции, получившие наименование «станций снабжения». Чаще всего станции снабжения открывались на территории передовой зоны армии, сокращая, таким образом, по возможности грунтовой участок военной дороги.

Грунтовые дороги от станции снабжения к войскам получили название «этапных линий». В отношении этих последних следует отметить целесообразность применявшейся во французской армии системы совмещения руководства транспортной, дорожной и этапной службами в одних руках — «дорожных распорядительных комиссий».

Как это видно из приведенной схемы подвоза, принятой во французской армии, она существенно отличалась от германской, отражая в своей организации особенности установившейся во Франции структуры органов военных сообщений в предвоенный период.

В отличие от обеих предыдущих систем подвоз в русской армии основывался на делении территории государства не на корпусные районы, а на военные округа. Деление это было чисто механическим, так как за исключением частей гвардейского корпуса связь окружных доводящих органов со своими частями была утеряна в первые же месяцы войны и не возобновлялась. Высшей инстанцией, ведавшей во-

³ Фишер. Как велась война. Изд. 1928 г., стр. 99.

просами снабжения, были штабы фронтов, и в соответствии с этим воинские грузы, следовавшие из военных округов, поступали прежде всего в «базисные магазины» фронта (схема 9), которые являлись распределительными пунктами между армиями.

Театр военных действий, на территории которого располагались базисные магазины фронта, делился на «фронтальной», «армейские» и «вой-

сковые» (корпусные) районы. Базисные магазины фронта располагались в пределах фронтального района на узловой железнодорожной станции или нескольких станциях. Из базисных магазинов фронта грузы направлялись в «расходные армейские магазины» и «склады», которые распо-

Схема 9. Организация подвоза по железным дорогам в царской России.

лагались, как правило, на границе армейского и войскового (корпусного) районов на конечно-выгрузочных станциях железных дорог, получивших название «станций снабжения». Здесь получила свое завершение железнодорожная коммуникация армии и начинался ее грунтовой участок. Для того чтобы не создавать в районе расходных армейских магазинов излишнего скопления грузов, а с другой стороны, обеспечить их от последствий перебоев с подвозом из базисных магазинов или военно-окружных довольствующих органов, на границе фронтального и армейских районов разворачивались «промежуточные армейские магазины» или «склады». Промежуточные магазины располагались, как базисные, преимущественно на узловых станциях или в районах с несколькими железнодорожными станциями.

Отсутствие на всем протяжении пути движения грузов по железной дороге объединенного распорядительного органа, каким был в германской армии «главный этап», а во французской «распорядительная комиссия», было одной из важных причин частых случаев перебоев с доставкой продовольствия и боеприпасов русским войскам даже тогда, когда на базисных складах фронта их было достаточное количество.

Транспортировка грузов от конечно-выгрузочных станций к войскам производилась на всем протяжении грунтового участка военной дороги с помощью гужевого транспорта, состоявшего из военных и обывательских повозок. Только на отдельных участках фронта, там, где боевые действия принимали позиционный характер, на помощь гужевому обозу приходила узкоколейная железная дорога.

Так выглядела организация транспорта для обеспечения боевой деятельности армий, развернувшихся на огромных, насчитывавших тысячи километров протяжения, фронтах. Всей этой системе грузопотоков и воинских перевозок приходилось, однако, переживать периоды острых кризисов. Яркую картину исключительного напряжения в работе представляли собой, например, железные дороги Франции в период отступления англо-французских армий на Марну. Расположение их тылов в период пограничного сражения видно на схеме 10. Здесь легко проследить, что основные звенья питающей войска сети тыловых органов состояли из 8 распорядительных станций, развернутых в городах Грей, Ис-сюр-Тилль, Труа, Шалон, Реймс, Лаон, Амьен и Руан, 17 станций-магазинов, способных ежедневно поставлять фронту 1 588 000 людских дач

и 508 000 конских, и 6 арсеналов с запасами вооружения и боеприпасов⁴. При первоначальном развертывании французских армий распорядительные станции находились каждая в тылу тех армий, которые они обеспечивали (за исключением станций в Труа и Лаоне), и располагали, таким образом, всеми условиями для успешного выполнения своей работы. Однако 24 августа эти условия резко изменились. Небольшая глубина расположения распорядительных станций, доставлявшая удобство работы в обычных условиях, сразу обнаружила свои отрицательные качества, как только фронт подался назад и стал надвигаться на свои питающие органы.

Согласно первоначальным распоряжениям распорядительные станции в Шалоне, Реймсе, Лаоне и Амьене были отнесены соответственно в Монтеро

(вспомогательная — в Лез Обре), Нуази (вспомогательная — в Шартр) и Соттевилль. Таким образом, распорядительные станции на этом участке фронта оказались оттянутыми на линию Труа, Париж, Руан, т. е. за

Схема 10. Организация тыла англо-французских армий в период пограничного сражения.

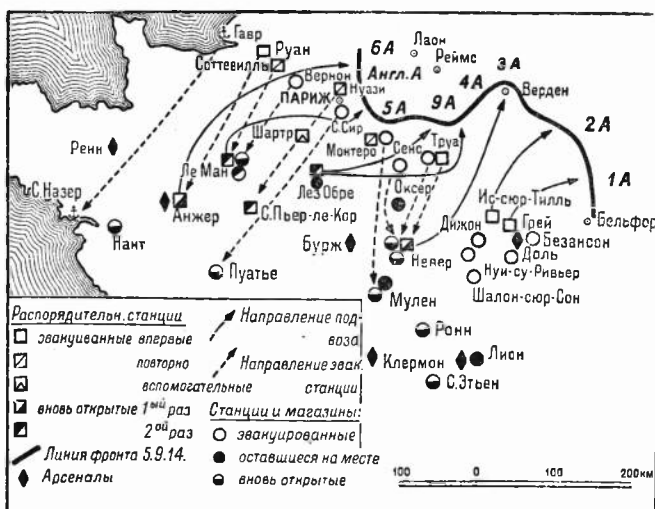

Схема 11. Организация тыла англо-французских армий к началу сражения на Марне.

дальнейший отвод тылов в глубь страны (схема 11). Распорядительные станции из Труа, Монтеро, Нуази (вспомогательная — в Шартр) и Руана (Соттевилль) были переведены соответственно в Невер, Лез Обре, С. Пьер-ле-Кор, Анжер и Ле Ман. Одновременно станции-магазины из Труа, Сенса, Монтеро, Сен-Сира и Вердона начали эвакуиро-

наиболее близкие к фронту станции-магазины в Шато-Тьерри и в Мо. Эти последние одновременно были лишены поступления каких-либо новых запасов продовольствия и стали широко использоваться в целях снабжения войск для скорейшего опорожнения в связи с нависшей опасностью захвата их германскими авангардами.

После очищения французскими арьергардами Ретеля, Вернона, Нуайона и Амьена был произведе-

⁴ Фишер. Как велась война, 1928 г., стр. 21.

ваться в Невер, Мулен, Пуатье и Ле Ман; английская база во Франции была перенесена из Гавра в С. Назер. Наконец, было приступлено к организации новых станций-магазинов в Нантейле, Пуатье, Бордо, Ронне и Сен-Этьене. В процессе этого тылового маневра показала свою полную целесообразность организация основной и вспомогательной распорядительных станций, позволявшая производить перенос распорядительной станции без перерыва ее текущей работы.

Маневр тылами, подобный описанному, совпадающий к тому же по времени с массовыми оперативными перевозками, в связи с перегруппировкой армий и другими неотложными нуждами по эвакуации оставляемых областей мог быть осуществлен лишь в условиях той развитой сети железнодорожных путей, которой располагала Западная Европа.

Железные дороги на всем протяжении войны 1914—1918 гг. принимали самое непосредственное участие в осуществлении крупнейших операций, являясь могучим средством стратегического развертывания армий, их оперативных перебросок и питания. На основе огромных возможностей, открываемых железными дорогами, миллионные армии получили невиданную раньше подвижность. Это обеспечивало наступающему для образования ударной группировки, а обороняющемуся для парирования занесенного над ним удара быстроту перегруппировок целыми армиями в пределах как одного, так и разных фронтов, нередко удаленных один от другого на 1 000 и более километров.

«Железные дороги,— писал в свое время Шлиффен,— сделались таким средством ведения войны, без которого современные большие армии не могут быть ни сосредоточены, ни двинуты вперед... В настоящее время собираются сведения не только о числе батальонов противника, но даже о числе железных дорог, а при оценке неприятельских сил принимается во внимание и храбрость, и вооружение армии противника, и дееспособность его железных дорог».

Колоссально возросшая мощь железных дорог в соединении с другими видами транспорта была одной из причин того обстоятельства, что линейная стратегия Мольтке, обеспечившая в 1870 г. победу над изжившей себя в новых условиях наполеоновской «стратегией одного поля сражения», не дала в условиях технического прогресса XX столетия и вытекавших из него новых широких возможностей оперативного маневра решительных результатов.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ

В 1914 г. автомобильные парки государств Европы и США достигли следующих размеров: США — 1 785 000 машин, Англия — 276 000, Франция — 101 000, Германия — 57 300, Россия — 16 000, Италия — 12 500, Бельгия — 10 000 машин. Применение автомобильного транспорта для пассажирского движения и перевозки грузов на междугородних автомобильных линиях было, однако, развито слабо. Общая длина этих линий не превышала к 1914 г. 23 000—25 000 км на всем земном шаре. Шире других этот вид регулярных пассажирских и грузовых перевозок применяли: Италия — 8 000 км, Германия — 5 000 км и Франция — 4 000 км. Что касается царской России, то автомобильное пассажирское и грузовое движение находилось здесь в зародышевом состоянии.

Такова была автомобильная транспортная база, с которой главные государства Европы вступили в войну. Ни одна из европейских армий не предполагала широкого использования на театре военных действий этой передовой транспортной техники. Мобилизационные планы опирались на перевозки по железным дорогам и походное движение войсковых колонн с доставкой грузов в основном при помощи гужевого транспорта. Во французской армии до начала войны было всего 170 машин всех назначений, в английской армии — 80 грузовиков и несколько тракторов. Пополнение армий автомобилями по мобилизации не

выходило за рамки замены ими конной тяги в громоздких корпусных тылах. Французская армия получила при мобилизации 1 049 автобусов, 6 050 грузовиков и 2 500 легковых машин, предназначенных для перевозки грузов и для нужд штабной службы. В германскую армию по мобилизации поступило 4 000 машин (из них 3 500 грузовиков), рассчитанных для формирования автотранспортных, санитарных и этапных колонн для 7 германских армий, развертывавшихся на западноевропейском театре. Английская армия получила путем мобилизации 1 141 грузовик и трактор, 213 легковых и полугрузовых машин и 131 мотоцикл. Согласно изданному во Франции «Временному наставлению по использованию автомобилей в армии» автомобильные войска рассматривались как самостоятельный род войск. Они должны были находиться в распоряжении главного командования. Автомобильные средства не должны были распылаться между войсковыми частями.

Первые же крупные операции, связанные с наступлением германских армий и их приближением к Парижу, заставили военное командование выйти далеко за рамки предполагавшегося узкого использования автомобильного транспорта. Начало этому было положено военным губернатором Парижа ген. Галлиени в первые дни сражения на Марне. Как известно, преждевременный (на сутки раньше) переход в наступление (5 сентября 1914 г.) 6-й французской армии на фронте Мо, Нантейль против правого фланга 1-й германской армии привел к ожесточенному трехдневному бою в районе Мо, Нантейль, Бец. В процессе этого боя у французского командования возникло опасение за свой левый фланг и появилась необходимость его срочного усиления частями 7-й пех. дивизии. В 17 час. 30 мин. 7 сентября 1914 г. командованием 6-й армии был отдан приказ о сосредоточении 7-й пех. дивизии совместно с корпусной артиллерией 4-го арм. корпуса в районе Нантейля к 4 часам 8 сентября, т. е. на следующий день. Для выполнения этого приказа 101-й и 102-й пех. полки были перевезены по железной дороге Париж — Нантейль. Для перевозки 103-го и 104-го пех. полков, насчитывавших до 4 000 человек, было решено использовать парижские такси. Из общего

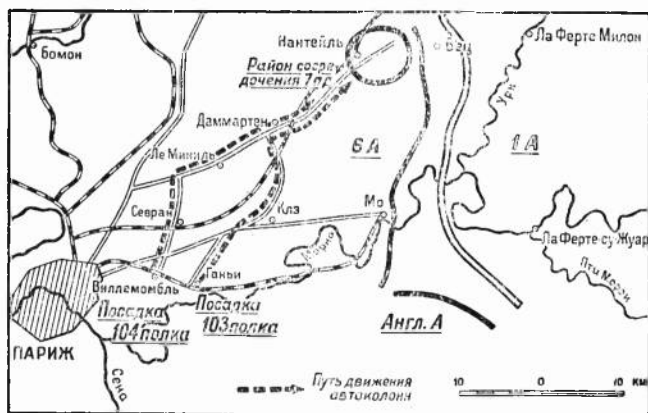

Схема 12. Переброска на автомобилях 14-й бригады 7-й пех. дивизии. 7 сентября 1914 г.

количества 10 000 такси в городе работало к этому времени всего 3 000 машин, так как шоферы были мобилизованы в армию. Из этого количества ген. Галлиени мобилизовал 1 200 машин. Первая группа из 600 автомобилей была направлена на сборный пункт между Даммартемом и Нантейлем. Пробы там без всякой надобности до 16 часов 7 сентября, эта группа автомобилей была возвращена в Виллемонбль (предместье Парижа), где была назначена посадка 104-го пех. полка. Другая группа машин той же численности была собрана для посадки 103-го пех. полка в Ганьи.

Движение автоколонн было произведено одновременно по двум дорогам: Ганьи — Клэ — Суйи — Даммартен — Нантейль (103-й полк) и Виллемонбль — Севран — Ле Миниль — Даммартен — Нантейль (схема 12). В пути следования водители обгоняли друг друга, нарушая порядок по-

количества 10 000 такси в городе работало к этому времени всего 3 000 машин, так как шоферы были мобилизованы в армию. Из этого количества ген. Галлиени мобилизовал 1 200 машин. Первая группа из 600 автомобилей была направлена на сборный пункт между Даммартемом и Нантейлем. Пробы там без всякой надобности до 16 часов 7 сентября, эта группа автомобилей была возвращена в Виллемонбль (предместье Парижа), где была назначена посадка 104-го пех. полка. Другая группа машин той же численности была собрана для посадки 103-го пех. полка в Ганьи.

строения колонны; на остановках они сдвигали машины, закупоривали городские улицы и т. д. Вследствие отсутствия дисциплины во время движения и недостаточной организованности перевозки автоколонны 103-го и 104-го пех. полков встретились у Даммартена, что вызвало значительную задержку 104-го пех. полка. По этой же причине в пути имели место многочисленные случаи аварий и остановок машин из-за нехватки горючего. Невзирая на недочеты в организации и осуществлении этой первой в истории военного искусства крупной перевозки войск на автомобилях, 14-я бригада 7-й пех. дивизии была доставлена в район Нантейля к 2 часам 8 сентября 1914 г. В тот же день полки 7-й пех. дивизии приняли участие в сражении. Этот первый опыт оперативного маневра с помощью автотранспорта, неоднократно затем повторенный, доказал целесообразность использования автомобильного транспорта для перевозок крупных войсковых частей и соединений.

Во Франции, где автомобильные перевозки получили наиболее широкое применение, постоянная организация автомобильных транспортных колонн была введена не сразу. Первоначально были организованы автомобильные «группы», находившиеся в распоряжении армейского командования. Дальнейший рост автомобильных перевозок не позволил, однако, остановиться на этой организации. Уже в начале 1915 г. все чаще начинает практиковаться временное объединение под одним командованием автогрупп различных армий для производства крупных перевозок войск, выходящих по своим размерам за пределы возможностей одной группы. Это вызвало к весне 1915 г. создание постоянных (штатных) мощных автомобильных колонн, получивших название «группировок». Первоначально группировка состояла из 3 автомобильных групп, в дальнейшем — из 6 групп, из которых каждая делилась на 4 отделения по 18—20 машин в каждом.

Вся эта организация нашла затем свое завершение в подчинении нескольких группировок (нормально четырех) одному начальнику, подчиненному главному командованию. Создание таких автомобильных соединений, включавших до 1 000 машин и даже больше, послужило началом возникновения так называемого «автомобильного резерва главного командования». В 1917 г. каждая французская армия располагала уже двумя авторезервами с транспортной грузоподъемностью до 20 000 человек или 3 000 т груза каждый. Каждая отдельно взятая автомобильная группировка была при этом в состоянии поднять одновременно все пехотные подразделения (12 батальонов) одной дивизии. Одновременно сверх того в распоряжении главного командования находилось 4 авторезерва в составе 20 группировок, которые могли в один прием поднимать 84 000 человек или 10 000 т груза. Общее количество автомобилей французской армии достигло к началу 1918 г. 100 000 машин.

В германской армии автомобильная служба была организована на других началах. Во главе автомобильных войск стоял «командир автомобильных войск германской армии». Ему подчинялись армейские и дивизионные автоколонны, предназначенные для автомобильных перевозок войск и воинских грузов. В состав армейской автоколонны входило 6 групп по 4 трехтонных машины в каждой группе. Дивизионная автоколонна по своей величине и грузоподъемности составляла половину армейской колонны. Для перевозки пехотных частей требовалось автомобильных колонн дивизионного типа: для батальона в составе 4 рот (одна пулеметная) — 4; для пехотного полка в составе 3 батальонов, 1 минометной роты и роты связи — 13—14; для пехотного полка усиленного состава — 18—20; для пехотной дивизии — 60—65 автоколонн. Общее количество автомобилей, состоявших в германской армии к лету 1918 г., достигало 60 000 машин.

Что касается царской России, то применение автомобиля для пере-

возки войск так и не получило в ней сколько-нибудь широкого развития. Это являлось следствием почти полного отсутствия автомобильной промышленности в стране. Только в 1916 г. были начаты постройкой 5 автомобильных заводов, но ни один из них не был пущен в ход. Основной единицей в русской армии была автомобильная рота. Автомобильные роты находились в подчинении армейского командования и от него получали задания на выполнение перевозок. Армейские корпуса и дивизии своего штатного автомобильного транспорта не имели. Только к лету 1917 г. количество автомобилей в русской армии возросло до 25 000 штук. При огромных протяжениях восточноевропейского театра военных действий это количество автомашин означало совершенно неудовлетворительное насыщение ими фронта.

Между тем на западноевропейском театре военных действий автомобильный транспорт стал приобретать большое значение как мощное транспортное средство, способное решать самостоятельные задачи армейского и даже фронтового масштаба. Одновременно он потребовал для обеспечения четкости своей работы организации автодорожной службы. Первый толчок в этом отношении был дан условиями работы автомобильного транспорта во время сражения под Верденом. Перерыв железнодорожного движения по дороге из Каммерси, проходившей вдоль р. Маас и перехваченной в районе ст. Сен-Миель германскими войсками, и вынужденное прекращение железнодорожного движения по железной дороге из Сен-Менеульд и Обревильль вследствие ее постоянного обстрела германской артиллерией поставили войска Верденского укрепленного района в исключительно тяжелое положение. Ветка узкоколейной железной дороги, соединявшая Верден с ближайшей железнодорожной станцией Бар-ле-Дюк, могла обеспечить полностью лишь подвоз продовольствия. В этих условиях вся тяжесть перевозки войск и грузов (преимущественно боеприпасов) легла на автомобильный транспорт. Уже 19 февраля 1916 г. в качестве распорядительного органа, организующего непосредственное движение автомобилей на отведенном ему участке, была создана «комиссия регулирования», разместившаяся на ст. Бар-ле-Дюк. Шоссе из Бар-ле-Дюк в Верден было закрыто для всякого другого движения. На всех отходящих от него боковых дорогах были установлены посты, следившие, чтобы обозы и войска не выходили на это шоссе, а двигались по отведенным им боковым дорогам. Автомобильное движение по шоссе было подчинено правилам, аналогичным движению поездов по железным дорогам. Введение линейных дистанций (шоссе было разбито на 6 участков-кантонов протяжением около 10 км каждый), блокировки, дорожных знаков, организация телефонной связи и диспетчерской службы, система графиков, охрана пути и т. д. — все это обеспечивало автомобильному транспорту бесперебойность и срочность выполнения перевозок как войск, так и грузов. Перевозка продовольственных грузов была передана узкоколейной железной дороге. Артиллерия и обозы направлялись походным порядком по намеченным для этого боковым дорогам. Боеприпасы грузились главным образом на станциях Бар-ле-Дюк и Боденвильер. Посадка войск производилась на станциях Ревиньи, Бар-ле-Дюк и Линьи-ан-Барруа. Для увеличения пропускной способности этих станций были переоборудованы пункты посадок войск и погрузки боеприпасов. Точно также и район разгрузки Регре, Никсевильль был обеспечен системой автомобильных станций-складов, оборудованных вдоль особых разгрузочных кругов, обеспечивавших наиболее рациональную организацию всей работы.

Общее количество машин, работавших на подвозе войск и грузов по шоссе Бар-ле-Дюк — Верден, в конце февраля 1916 г. составляло 3 900 единиц, сведенных в 175 автомобильных взводов. В дальнейшем количество машин было доведено до 8 000, объединенных в 7 группировок и автоколонны 2-й и 3-й французских армий. Через каждый пункт

шоссе проходило в один конец 6 000 машин в сутки. В дальнейшем интенсивность движения была повышена.

Такое огромное движение потребовало срочных мер по поддержанию в исправном состоянии полотна дороги. Начавшаяся оттепель сделала дорогу непроходимой. Для ее поддержания были организованы специальные бригады, которые использовали каменоломни, находившиеся между Бар-ле-Дюк и Верденом. Работу катков выполняли проходившие колонны грузовиков.

«Когда 28 февраля началась оттепель, — пишет командовавший войсками под Верденом Петэн, — эта дорога стала непроходимой. Надо было немедленно найти способ привести ее в хорошее состояние, — это было вопросом жизни и смерти для 2-й армии. Так как мы не могли брать материалы издалека, что потребовало бы много времени и усложнило бы проблему транспорта, я воспользовался между Бар-ле-Дюк и Верденом большим количеством каменоломен, которые гражданские и территориальные бригады начали сейчас же разрабатывать. Другие бригады, распределенные между шестью участками, неустанно разбрасывали по шоссе материал, прибывавший из каменоломен; вереница грузовиков производила своими колесами работу катков. В конце концов мы восторжествовали над оттепелью благодаря самоотверженной работе всего состава дорожной службы армии. Но мы были поставлены перед другим кризисом — покрышки колес грузовиков разрывались на камнях, недостаточно глубоко вдавленных, а моторы сильно портились. Управление военных сообщений проявило необыкновенное усердие и изумительную изобретательность: автомобильные парки в Бар-ле-Дюк и Труа быстро улучшили свое техническое оснащение; гидравлические прессы работали день и ночь; добились изготовления запасных частей; поставили на ноги ремонтные отделения; грузовики могли следовать по дороге друг за другом через каждые 14 секунд»⁵.

В результате мероприятий, проведенных по укреплению дороги, количество перевезившихся к Вердену грузов могло быть доведено до огромных, требуемых ходом боевых действий, размеров. Так, с 22 февраля по 4 марта было перевезено 132 батальона пехоты и 22 000 т грузов, за март — 587 000 т грузов (из них 140 000 т щебня), за апрель — 560 000 т (из них 60 000 т щебня) и за май — 660 000 т (из них 186 000 т щебня). Таким образом, перевозка дорожно-ремонтных материалов составляла свыше одной шестой части всех перевозочных грузов. За эти месяцы перевезено 400 000—426 000 пехоты, не считая вывезенных в обратном направлении 200 000—270 000 раненых.

Опыт работы автомобильной комиссии регулирования под Верденом был перенесен и на другие участки прифронтовой полосы. Первоначально эти комиссии руководили автодорожной службой только на тех дорогах, по которым было организовано движение соответствующих автотранспортных колонн. Однако по мере развития перевозок появилась необходимость точной регламентации всего движения по дорогам тылового района армий с их распределением по видам транспортных средств и целевому

Схема 13. Организация автомобильных перевозок войск во французской армии к марту 1918 г.

³ Маршал Петэн. Оборона Вердена. Изд. 1937 г., стр. 37 — 38.

предназначению самих дорог. В дальнейшем вся прифронтовая полоса была разделена на районы (схема 13).

Центральным распорядительным органом в каждом районе являлась автомобильная комиссия регулирования. В ее функции входило распределение всей сети грунтовых дорог между транспортными средствами армии, выделение специальных «комиссий регулирования посадок» в районы погрузки крупных войсковых частей для точной разработки совместно с войсковыми штабами мест и последовательности посадок, времени подачи порожняка, провешивания пути до автомобильной дороги и т. д., непрерывное наблюдение за движением автомобильных колонн по охраняемым автомобильным дорогам, регулирование их движения, а в случае необходимости и изменение маршрутов следования, руководство высадкой через «комиссии регулирования высадки», работавшие в районах выгрузки войск в тесном контакте с войсковыми штабами. В тех случаях, когда перевозка войск выходила за пределы одного района, руководство всей операцией возглавлялось «делегацией автомобильной службы армии», которая помещалась в таком пункте, откуда удобно было руководить всей операцией.

Применение системы графиков для руководства движением автомобильных колонн, разделение автомобильных дорог на участки («кантоны»), связанные с комиссией регулирования телефонной связью, позволило проводить автотранспортные операции огромного размаха. Одной из крупнейших автомобильных перевозок была переброска 1-й американской армии из района Туля в Аргонны (15—25 сентября 1918 г.). Эта перевозка имела своей задачей сосредоточение 15 дивизий общей численностью около 400 000 человек. Восемь дивизий находились в районе Туля; одна дивизия уже была в районе Клермон, Верден, где было намечено сосредоточение всей армии; наконец, остальные дивизии должны были быть подвезены в район Ревиньи по железной дороге. Руководство всей перевозкой было возложено на «делегацию управления автомобильной службой армии», находившуюся в Линьи. Ей были подчинены автомобильные комиссии регулирования в Туле и Суйи. Позднее, к 25 сентября, была организована дополнительная комиссия регулирования в районе выгрузки, находившаяся в Клермон-ан-Аргони.

Для выполнения этой перевозки были образованы 2 временных автомобильных соединения из 8 автомобильных группировок. Каждое из этих соединений могло поднять одновременно одну дивизию. Путь следования автомашин был намечен по шоссе Туль—Вуа—Линьи—Бар-ле-Дюк—Шамон-сюр-Эн, имевшее далее два ответвления: на Суйи, Никсевилль и Клермон-ан-Аргони. Артиллерия конной тяги и все обозы должны были двигаться походным порядком по двум отведенным для них дорогам; одновременно артиллерия с тракторной тягой должна была следовать по шоссе, проходившему к юго-западу от автомобильной дороги через Гондрекур. Автомобильная дорога нигде не пересекалась походными колоннами артиллерии и обозов.

Все движение было рассчитано исключительно на ночные часы и выполнялось на протяжении всего маршрута (до 100 км) согласно графикам. Автомобили двигались с потушенными фарами. Перевозка была выполнена в намеченный срок. На следующий день утром 1-я американская армия перешла в наступление на указанном ей новом участке фронта.

К концу войны во всех армиях Антанты была принята французская система организации автомобильных войск, и в распоряжении верховного командования находился «межсоюзнический автомобильный резерв». Этот резерв состоял из 24 000 автомобилей и мог поднять одновременно до 10 пехотных дивизий. Именно в этот период максимального развития автомобильной службы в армиях Антанты автотранспорту пришлось выдержать одно из серьезнейших испытаний.

Отступление германской армии осенью 1918 г. сопровождалось раз-

рушением путей сообщения. Автомобильный транспорт союзников был целиком брошен на подвоз необходимых армии грузов. В этих исключительно трудных условиях непрерывающегося движения фронта и необходимости преодолевать разрушения автомобильная служба армий Антанты выработала своеобразную организацию работы. Были введены «подвижные кантоны». Автомобильные комиссии регулирования имели в резерве персонал 2—3 кантонов с командами регулировщиков. Эти запасные кантоны выбрасывались вперед для организации движения на освобожденных от неприятеля дорогах. По мере восстановления железнодорожных линий и переноса вперед головных выгрузочных станций освобождающиеся в тылу кантоны снимались и передвигались вперед на новые дороги.

Массовое использование автомобилей для военных перевозок резко поставило вопрос технического наблюдения за состоянием машин и их текущего ремонта. В течение суток выывало из строя и требовало ремонта до 10% всего парка, что составляло около 20 000 машин. При этом до 3 000—3 500 машин требовало среднего и 600—700 машин капитального ремонта. Средний ремонт машин во французской армии производился в 8 «армейских ремонтных парках», а капитальный — в 10 «парках восстановления». Каждый парк имел 2—3 ремонтных отделения с нормальной пропускной способностью в 250—300 машин.

Не менее важной была задача поддерживать в порядке автомобильные дороги. Для ремонта дорог и сохранения их в исправном состоянии в начале войны во французской армии было развернуто 75 дорожных рот — «рот этапных саперов», в составе которых было до 3 000 дорожных рабочих. В этих ротах имелось 400 конных повозок и 120 грузовиков. Однако в дальнейшем этого оказалось недостаточно. К 1918 г. в составе военно-дорожной службы во Франции уже находилось до 80 000 человек, 2 000 конных повозок, 1 700 грузовых автомобилей для подвоза материалов, 1 000 цистерн для поливки дорог во время работ, 425 паровых катков и 600 машин для подметания дорог. О размахе дорожностроительных работ можно судить хотя бы потому, что к 1917 г. количество материалов, потребных для ремонта дорог, превышало 8 000 000 т в год. Общее количество дорожных материалов, израсходованных за время войны, составило до 27 000 000 т. Из них 20 000 000 т было добыто в зоне армий и доставлено к местам производства работ автомобильным транспортом. В процессе войны военно-дорожной службой было построено 900 км новых дорог, уширено 9 000 км дорог, восстановлено после произведенных разрушений до 9 000 км магистральных шоссе и около 100 000 км прочих дорог.

За годы мировой войны автомобильные войска выросли в мощную организацию, способную перебрасывать одновременно целые корпуса и десятки тысяч тонн грузов. С августа 1914 г. по ноябрь 1918 г. во Франции было перевезено на автомобилях: войск — 23 543 979 человек, военных грузов разного назначения — 27 495 251 т и раненых — 10 411 156 человек. Эти данные говорят о том, что значение автотранспорта вышло далеко за пределы «продолжения» и гибкого «дополнения» к железнодорожной сети. Этот мощный вид транспорта стал способным выполнять самостоятельные задачи большого оперативного размаха.

МОРСКОЙ ТРАНСПОРТ

Значение морского транспорта вытекало из мирового характера войны 1914—1918 гг. и необходимости перебрасывать из одной части света в другую миллионы людей и десятки миллионов тонн грузов. Достаточно в этом отношении указать, что с 9 августа 1914 г. по 28 сентября 1918 г. только на одних английских судах было перевезено свыше 22 000 000 человек и 18 000 000 т военных грузов. Большое коли-

чество войск и грузов было, кроме того, перевезено морскими транспортными средствами США, Франции, Италии и других стран. Среди этих перевозок значительное место занимает доставка на театр военных действий экспедиционных войск и грузов из доминионов Великобритании — Канады, Индии и Австралии. Большие экспедиционные армии были переброшены на дарданельский и салоникский фронты, в Месопотамию и в германские тихоокеанские колонии на Новой Гвинее и Циндао. Наконец, в 1917—1918 гг. совершается перевозка через Атлантический океан американской армии.

Не останавливаясь на других морских перевозках, рассмотрим организацию перевозок английской армии через Ла-Манш во Францию как пример массовой перевозки (с 9 августа 1914 г. по 28 сентября 1918 г. перевезено 15 500 000 человек) на короткое расстояние при ограниченных размерах водной поверхности пролива и организацию перевозки американской армии в Европу через Атлантический океан как первый в истории пример переброски средствами морского транспорта двухмиллионной армии более чем на 3 000 км от метрополии.

Перевозка английских войск и грузов на континент началась с первых дней войны и не прерывалась затем до ее окончания. В предусмотренных планом мобилизации портах в течение 9 дней был собран весь предназначенный для транспортной службы коммерческий флот в составе около 100 пароходов со средней вместимостью в 4 000 — 5 000 т. Посадка была предусмотрена одновременно в ряде портов. Английские войска грузились в Суутгемптоне, шотландские — в Глазго, ирландские — в Бельфасте, Дублине и Квинстоуне. Тяжелые грузы принимались на борт транспортов в Ньюгавене и Авонмоуте. В результате такой организации отправки судов на континент через 9 дней после того, как из Англии отправился первый транспорт, в Гавре, где производилась высадка, выгрузилась уже стотысячная английская армия.

Английские транспортные суда были вынуждены с самого начала войны нести свою службу под постоянной угрозой неприятельских нападений. Пользуясь небольшой шириной пролива, англо-французский флот преградил его с востока и запада рядом дозорных линий, на которых непрерывно несли службу патрулирования миноносцы, подводные лодки и самолеты.

Осенью 1914 г. движение транспортных судов по проливу стабилизировалось в двух основных направлениях: поперек и вдоль пролива. Поперек пролива перевозились войска и военные грузы, направлявшиеся из Суутгемптона, Фолькстона и Дувра во французские порты Гавр и Булонь. Эти перевозки производились на плоскодонных быстроходных пароходах, вмещавших до 900 человек каждый. Вдоль пролива провозились заокеанские грузы в Лондон и города восточного побережья Англии. Для транспортов, везших эти грузы, были установлены фарватеры в непосредственной близости от английского берега, которые ежедневно протраливались и были обеспечены дежурными тральщиками, миноносцами и другими сторожевыми судами. В октябре 1914 г. союзники, кроме того, установили минные поля, специальные проволочные защитные сетки и другие приспособления, преграждавшие доступ в пролив германским подводным лодкам. В результате за всю войну в проливе потоплено всего лишь 2 небольших транспорта с войсками и ни одного грузового парохода.

Значительно сложнее была организация массовых перевозок через Атлантический океан из США. С момента вступления США в войну и до марта 1918 г. перевозки на этой линии не имели массового характера. За 9 месяцев было перевезено всего 290 000 человек и 801 700 т грузов. Но начиная с марта 1918 г. темп переброски войск через океан резко возрастает. Ход перевозок в последующие месяцы 1918 г. определялся следующими цифрами: март — 85 700, апрель — 120 000, май —

247 000, июнь — 280 000 и июль — 311 300 человек. Перевозка грузов происходила следующим образом: март — 288 000, апрель — 398 000, май — 487 100, июнь — 607 200 и июль — 642 000 т, что составило за 5 месяцев 2 422 300 т.

В связи с реализацией «плана перевозок № 1» вашингтонское правительство приняло в июле 1918 г. так называемую «программу 74 000 т», которая предусматривала развертывание в Европе армии в 80 дивизий к 1 января 1919 г. и в 100 дивизий к 1 июля 1919 г. Выполнение этой программы требовало перевозки через океан 10 000 — 12 000 человек ежедневно, что составляло с сопровождаемыми военными грузами 75 000 т. В соответствии с этой программой переброска войск продолжалась вплоть до заключения перемирия (11 ноября 1918 г.). В августе было перевезено 286 000, в сентябре — 260 000 и в октябре — 184 000 человек. Таким образом, по «программе 74 000 т» было перевезено всего 730 000 человек. Общее количество американских войск, перевезенных в Европу, достигло 2 064 000 человек. Переброска грузов через океан тоже получила дальнейшее свое развитие: в августе перевезено 715 200 т, в сентябре — 767 600 т, в октябре — 919 500 т. Общее количество грузов, перевезенных за 17 месяцев, достигло 5 626 300 т.

Перевозка двухмиллионной армии потребовала 1 142 рейсов пароходов через океан. На долю американских судов пришлось 46,25% перевезенных солдат. В перевозках приняли участие и такие крупные суда трансокеанских линий, как «Мавритания», «Аквитания», «Лютетия», «Франс», германский пароход «Фатерланд», переименованный в «Левиафана» водоизмещением 69 000 т. В среднем за каждый пароходо-рейс перебрасывалось 1 800 человек. Фактически, однако, нагрузка пароходов сильно колебалась. Так, например, пароход «Фатерланд» поднимал за один рейс свыше 10 000 человек, а за свои 10 переходов через океан он перевез 96 804 человека, в то время как транспорт «Тенадор», совершивший 13 переходов, перевез всего 15 698 человек.

Все пароходы были приспособлены для размещения войск и военных грузов. Для размещения людей устраивались нары в 2 и 3 ряда из среднего расчета 0,75 м на человека. Пароходы должны были, кроме того, иметь помещения для приготовления пищи, лазарет для больных, склады для продуктов, места для умывания и т. д. В тех помещениях, где перевозились лошади, устраивались стойла шириной 0,75—0,9 м. Такой груз, как повозки, походные кухни, кипятильники и т. п., грузился на отведенные для него места на верхней палубе. Громоздкие предметы, как орудия, зарядные ящики и т. д., размещались в трюмах.

Транспортные средства американского милитаризованного флота перевезли в Европу на 46 пароходах общим водоизмещением в 879 860 т за 306 переходов 870 326 человек, в том числе 20 германских пароходов, захваченных американцами при объявлении войны, имея 515 260 т водоизмещения, перевезли за 164 перехода 557 588 человек. Из этих данных видно, что на долю одного парохода приходилось в среднем 7—8 переходов через океан, считая с возвращением.

Посадка войск производилась в Нью-Йорке (75% экспедиционной армии), Ньюпорте (14%) и портах Бостона, Филадельфии и Монреаля. Командиры портов руководили отправкой войск и грузов через диспетчерские отделения. Войска прибывали первоначально в лагеря, расположенные в районе порта погрузки, и ожидали там вызова для посадки. Извещение о предстоящей отправке присылалось диспетчерским отделением за 1—2 дня до момента посадки. Как правило, войска грузились, имея при себе только необходимое походное имущество (кухни, мотоциклы, телефоны и т. п.). У солдат оставались на руках лишь их личное снаряжение и самые необходимые в походе вещи. Все остальное войска получали по прибытии в Европу из заготовленных во Фран-

ции запасов. В среднем посадка и размещение 1 000 человек занимали 1 час. Были, однако, случаи производства более быстрых посадок. Так, например, 31 августа 1918 г. 51 000 человек были погружены на 17 транспортов в 24 часа, что составляет более 2 000 человек в час.

Прием грузов на транспорты производился главным образом в порту Ньюпор. Тоннаж занятых под грузовыми перевозками судов достиг к октябрю—ноябрю 1918 г. 2 300 000 т. Этими судами было доставлено во Францию в течение 16 месяцев 8 000 000 т различных грузов.

Первоначально кругооборот транспортных судов занимал 45—55 и даже 67 дней. Начиная с февраля 1918 г. срок снизился до 40 дней, а затем до 38—33 дней; эта норма оставалась до окончания войны. Продолжительность перевозки в один конец при этом колебалась между 10—15 сутками в зависимости от погоды и быстроходности парохода.

Для охраны перевозок применялась система военно-морских конвоев. Транспортные суда, перевозившие войска и грузы, соединялись в группы по 4—8—12 и даже 14—15 судов. Предельный состав группы был определен в 25 судов. В каждую группу включались суда с одинаковой скоростью хода. Таких групп было образовано 87. Из них 6 групп являлись специальными быстроходными группами, включавшими пароходы со скоростью более 15,5 узла, и 14 групп повышенной быстроходности. Транспортные суда строились в кильватерные колонны по 2—4 судна в колонне на расстоянии 500 м друг от друга и 800 м между колоннами. По бокам такой группы двигались тральщики и миноносцы, держась в 1 000—1 500 м от крайних колонн. Впереди шел крейсер или миноносцы. Один миноносец двигался в 600 м за хвостом колонн. При приближении к «опасной зоне» вблизи европейского берега на судах поднимались привязанные шары с наблюдателями с целью обнаружения неприятельских подводных лодок. Во время перехода через «опасную зону» весь конвой двигался не прямолинейно, а зигзагами для затруднения торпедирования входивших в его состав судов. Таким было «охранение открытого моря». Размер конвоя определялся количеством транспортов и ценностью перевозимого груза.

Путь движения через океан был избран вне обычных путей торгового движения и намечен в виде двух зон по 200 миль ширины каждая. Первая (северная) пролегла между 49-й и 52-й параллелями и предназначалась главным образом для грузовых транспортов. Вторая (южная)

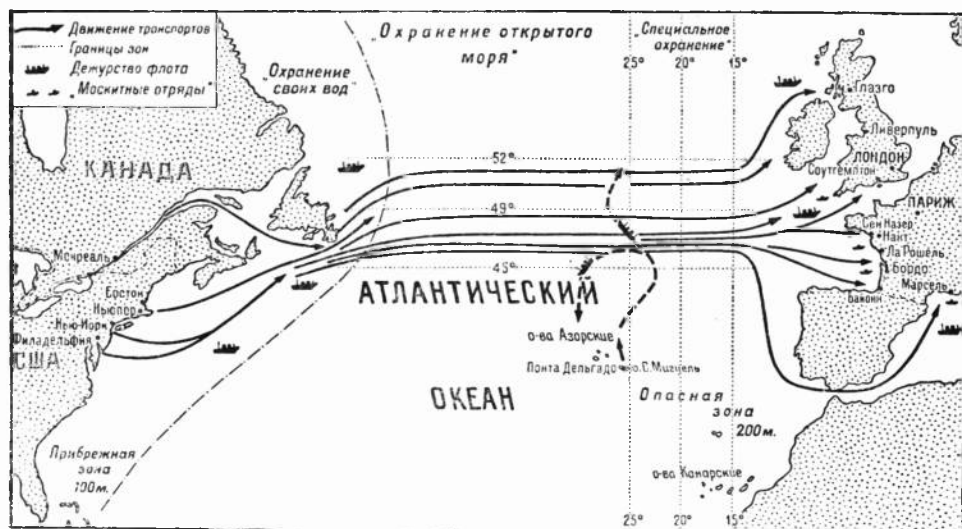

Схема 14. Перевозка американской армии через Атлантический океан в 1917—1918 гг.

находилась между 45-й и 49-й параллелями и должна была обслужить движение транспортов с войсками (схема 14). За меридианом Азорских островов начиналась «опасная зона». В районе этих островов, базируясь на Понта-Дельгадо, на о. Сан-Мигуэль, нес дежурство дивизион миноносцев. Между меридианами 15—20°, в местах, точно определенных по географическим координатам, к конвою присоединялись суда «специального охранения», несшие службу «в опасной зоне» и хорошо знавшие особенности подхода к соответствующим портам.

Прибрежная полоса, кроме того, охранялась дивизионами тральщиков, контролировавших подступы к находившимся на западном побережье Франции портам. Районы этих портов непрерывно наблюдались сводными отрядами так называемого «москитного флота», в состав которого входили противолодочные моторные катера и миноносцы. Возвращавшиеся обратным рейсом транспорты встречались у берегов Америки охранением, состоявшим из сторожевых судов, тралеров и дрейфтеров (малые тралеры). Эти суда несли службу охранения в пределах 100 миль от берега.

Указанная система охранения обеспечила переброску американской армии с минимальными потерями. Эти потери составили за все время 747 человек. Тоннаж потопленных германскими подводными лодками судов составил около 150 000 т водоизмещения, что не превышает 5% от общего тоннажа, занятого под перевозками.

Непрерывные потоки войск и грузов, поступавшие во Францию, потребовали переоборудования предназначенных для их приема портов в целях увеличения пропускной способности. В отношении портов у американцев почти не было выбора. «Англичане еще задолго до описываемого времени заняли всю площадь, занимаемую портами Ла-Манша и Дюнкера до Гавра, и рассчитывали перевозить свои ближневосточные войска через Шербург по суше к Торенто на самой южной оконечности Италии,— пишет Уильям Уилгус, заместитель начальника военных сообщений американских экспедиционных сил, в своей книге «Перевозки американских экспедиционных сил в Западной Европе в 1917—1919 гг.».— Брест служил базой португальской армии и, кроме того, был переполнен сверх меры русскими и румынскими припасами... Средиземноморские порты были закрыты для американцев из-за опасности подводных лодок. Поэтому американцам оставалось лишь узкое поле для выбора на берегу Атлантического океана южнее Бреста, где в портах, как правило, было большое движение французских войск и где в большинстве случаев порты годились для сравнительно небольших судов с малой осадкой».

Первоначально французами было предложено для высадки американской армии пять портов: Сен Назер с 3 причалами и 69 кранами; Нант с 3 причалами и перспективой расширения путем устройства в 12 милях порта в Ла Мортиньере; Ла Полисе (Ла Рошель) с 3 причалами и 36 кранами; Пойлак с 2 причалами из имевшихся там шести и 18 кранами; Байонн с 6 причалами и 14 кранами. Таким образом, в распоряжении американцев оказалось всего 17 причалов. В то же время в распоряжении англичан в предоставленных им портах (Дюнкерк, Руан, Булонь, Калэ, Гавр и Дьеп) имелось до 84 причалов. Совершенно очевидно, что такое положение не могло ни в какой мере удовлетворить запросы американского командования. Поэтому уже через месяц после прибытия первых транспортов было приступлено к расширению портов и нахождению новых. В декабре 1917 г. в распоряжении прибывающих из Америки транспортов было уже 10 причалов в Сен Назере, 9 — в Нанте, 4 — в Ла Полисе, 2 — в Пойлаке, 1 — в Блек, 1 — в Фюре и 4 — в Байонне, т. е. всего 31 причал. Еще через 3 месяца число причалов в предоставленных американцам портах было доведено до 38, а

к концу войны они имели уже 98 причалов, что обеспечило прием ежедневно во французских портах свыше 30 000 т американских грузов.

Кроме затруднений с высадкой, войска оказывались недостаточно обеспеченными помещениями, железные дороги не могли осуществить их быстрого продвижения через страну на фронт и т. д. Все это заставляло выгружать во французских портах лишь часть (приблизительно половину) американских дивизий, а другую половину, которая перевозилась на английских судах, высаживать в английских портах, а затем уже перевозить их на континент. С этой целью были использованы следующие порты: Ливерпуль (высажено 801 500 человек), Лондон (114 000), Саутгемптон (52 700), Глазго (46 100) и порты Бристольского канала (около 13 000). Последующая перевозка американских войск через Ла-Манш и Па-де-Калэ производилась через английские порты Саутгемптон, Дувр и Фолькстон с высадкой на французском берегу в Гавре, Шербурге и Калэ.

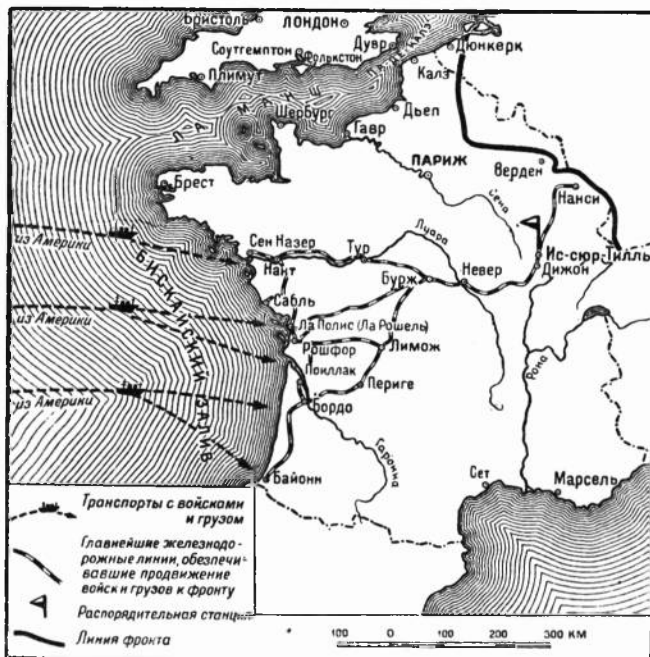

Схема 15. Организация движения американских войск и грузов от базисных портов к фронту.

базисных портов в Сен-Назере, Нанте, Ла-Паллисе, Бордо и Пойльяке (схема 15) американские войска необходимо было перебрасывать на Бурже и далее через Невер и Дижон в Ис-сюр-Тилль, где находилась распорядительная станция американцев. С этой целью были приняты работы по устройству паровозных депо и конечных станций в Сен-Назере, Сент-Люсе, Байонне, Монтуаре, Сан-Сюльписе, Живере, Монтвешоме, Ис-сюр-Тилле, Вильер-ле-Секе и Лифолье-Гране. Проложены многоколейные рельсовые пути между Байонном и Сен-Сюльписе (10,4 км), Пон и Бурже (6 км) и в Нанте (5 км). Начата прокладка двухколейного пути между Ле-Маном и Туром (100 км), проложены новые местные железнодорожные участки в Невере (9 км), в Периге, в Сен-Назере и других пунктах. Было приступлено к устройству железнодорожных мастерских в Невере, Сен-Назере, Ла-Паллисе и некоторых других местах. Одновременно были приняты срочные меры по обеспечению железнодорожного движения подвижным составом. К моменту перемирия отделом «службы военных сообщений» американских экспедиционных сил эксплуатировалось 1 306 паровозов, из которых 962 были перевезены из Америки, и 14 055 вагонов, из которых 13 082

Доставка войск и грузов от портов на театр военных действий, в район их стратегического развертывания, обеспечивалась железными дорогами. Для этого потребовалось усиление идущих от портов по направлению к фронту железнодорожных линий, постройка новых участков, переброска во Францию большого количества паровозов и вагонов, командирование железнодорожных частей, технического персонала и т. д. От ба-

зисных портов в Сен-Назере, Нанте, Ла-Паллисе, Бордо и Пойльяке (схема 15) американские войска необходимо было перебрасывать на Бурже и далее через Невер и Дижон в Ис-сюр-Тилль, где находилась распорядительная станция американцев. С этой целью были приняты работы по устройству паровозных депо и конечных станций в Сен-Назере, Сент-Люсе, Байонне, Монтуаре, Сан-Сюльписе, Живере, Монтвешоме, Ис-сюр-Тилле, Вильер-ле-Секе и Лифолье-Гране. Проложены многоколейные рельсовые пути между Байонном и Сен-Сюльписе (10,4 км), Пон и Бурже (6 км) и в Нанте (5 км). Начата прокладка двухколейного пути между Ле-Маном и Туром (100 км), проложены новые местные железнодорожные участки в Невере (9 км), в Периге, в Сен-Назере и других пунктах. Было приступлено к устройству железнодорожных мастерских в Невере, Сен-Назере, Ла-Паллисе и некоторых других местах. Одновременно были приняты срочные меры по обеспечению железнодорожного движения подвижным составом. К моменту перемирия отделом «службы военных сообщений» американских экспедиционных сил эксплуатировалось 1 306 паровозов, из которых 962 были перевезены из Америки, и 14 055 вагонов, из которых 13 082

привезены на судах. Осенью 1918 г. на железнодорожных линиях во Франции работало непрерывно 342 поезда с американскими или смешанными поездными бригадами.

К 11 ноября 1918 г. отдел эксплуатации «службы военных сообщений» американских экспедиционных сил охватывал около 8 000 км железнодорожных линий со 185 станциями. По этим дорогам было перевезено 1 918 125 человек, прибывших во Францию на судах, 5 960 062 т грузов и 37 610 животных (лошадей и мулов).

Таким образом, наличие мощного транспортного флота у государств Антанты в соединении с господством на море их военно-морских сил сделало возможной переброску через Ла-Манш и Атлантический океан миллионных армий, оснащенных передовой для того времени техникой. Оно дало возможность, кроме того, непрерывно перевозить в Англию со всех концов света огромные грузы продовольствия и стратегического сырья, источники которых в Западной Европе ни в какой мере не могли удовлетворить нужд фронта. В свете сказанного становятся особенно понятными побуждения, толкнувшие Германию на объявление беспощадной подводной войны. И надо сказать, что если бы германскому подводному флоту удалось парализовать океанские пути Антанты, это означало бы для Англии и Америки невозможность высаживать свои армии и питать их во Франции. Это означало бы подрыв мощи самой Франции и неминуемое ее военное поражение. В этом отношении достаточно указать на те огромные затруднения, которые пережила Антанта в апреле — мае 1917 г., когда германские подводные лодки стали топить до 800 000 т торговых судов в месяц и наличного морского транспорта уже не хватало, чтобы доставлять необходимые для питания фронта грузы.

ВОЗДУШНЫЙ ТРАНСПОРТ

Применение летательных аппаратов в качестве воздушных военно-транспортных средств зародилось и получило свое практическое осуществление в процессе войны 1914—1918 гг. До ее окончания, однако, оно не вышло за рамки более или менее широкого опыта и носило эпизодический характер.

Таков, например, полет германского «цеппелина» в ноябре 1917 г. с аэродрома в Ямболи (близ Адрианополя) на помощь германскому экспедиционному корпусу в Восточной Африке. На дирижабле было 22 пассажира и 14 т груза, состоявшего из оружия, боеприпасов и медикаментов. Он пробыл в воздухе 95 часов, покрыв расстояние в 6 755 км при средней скорости 75 км в час.

Очень интересен первый опыт массовой переброски продовольствия на французских самолетах бельгийским дивизиям в октябре 1918 г. Все продовольствие в количестве 30 000 пайков было запаковано в мешки. Этот груз общим весом в 25 т был доставлен на самолетах в несколько приемов в течение 36 часов. При этом мешки с продовольствием сбрасывались с высоты около 100 м. От удара о землю сильно страдали банки с консервами, и часть продуктов погибла.

К этому же времени относятся и первые опыты перевозки на французских самолетах небольших групп в тыл германского фронта с диверсионными целями. Такова, например, высадка французского майора Эврава 20 октября 1918 г. в районе Арденн, являющаяся прототипом современных авиадесантов.

Таким образом, во второй половине войны 1914—1918 гг. мы видим ряд примеров разнообразного использования средств воздушного транспорта. Это использование опиралось на технический рост воздушного флота и назревшую на основе этого возможность ставить перед ним задачи военно-транспортного характера. Эта возможность, однако, так и не была использована в той мере, как это позволяло делать состояние воздушных флотов воюющих государств.

* * *

Таковы были транспортные средства, примененные в войне 1914—1918 гг. Не считая воздушного флота, использование которого находилось еще в самой начальной стадии своего развития, железные дороги, автомобили и морской флот, вместе взятые, подняли значение транспортных средств на новую, гораздо более высокую ступень их военного применения.

Успешное обеспечение стратегического развертывания миллионных армий в Европе, их маневрирования на огромных, протянувшихся на сотни километров, полях сражений, а когда надо, и переброска их с одного фронта на другой по сквозным железнодорожным магистралям, не говоря уже о бесперебойном питании всех этих армий всеми видами снабжения из глубокого, заокеанского (например, Америка) тыла, делало транспортные средства одним из основных факторов не только оперативного, но и стратегического значения.

Это возросшее значение транспортных средств заключало в себе исходные предпосылки их дальнейшего развития в послевоенный период. Оснащение железнодорожного транспорта техническими усовершенствованиями, увеличивающими еще больше пропускную способность рельсовых путей и скорость движения поездов, широко развернутое строительство океанских торговых флотов, массовое производство автомобилей с учетом в новых конструкциях опыта военного их применения, наконец, огромный скачок, который сделало после войны самолетостроение и развитие дальнего товаро-пассажирского движения по воздушным трассам, избороздившим все континенты и океаны,— все это указывало на еще более широкий размах, который получит военное применение всех этих транспортных средств в будущем.

На этой новой транспортной базе, находившейся в полном соответствии с ростом военно-технического оснащения войск, армии получали мощные средства к дальнейшему увеличению своей подвижности и свободы маневрирования наземными, морскими и воздушными силами.

В. КУЛЬБАКИН

АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА

(1899—1902 гг.)

Война империалистической Англии против двух южноафриканских республик была логическим продолжением той политики грабежа, насилий и территориальных захватов, которую Англия осуществляла в Африке на протяжении многих десятилетий.

Вопрос о юге Африки имел для Англии двойное значение. С одной стороны, южноафриканские земли с их природными богатствами привлекали внимание английских империалистов как объект для колониальной экспансии. С другой стороны, обладание Южной Африкой обеспечивало Англии сохранение и упрочение гегемонии на великом водном пути, соединяющем метрополию с важнейшими колониями империи, в первую голову с Индией.

Существование на юге Африки двух республик — Трансвааля и Оранжевой, основанных потомками голландских колонистов (бурами) во второй половине XIX в., — являлось серьезным препятствием для реализации планов английского империализма.

Первые голландские колонии в Африке были образованы в середине XVII в. на южной оконечности материка — Капленде. Спустя полтора века, в период наполеоновских войн, англичане, пользуясь слабостью Голландии, захватили всю территорию Капленда, оттеснив буров с крайнего юга Африки в глубь материка. Покоряя коренное население страны, часть буров постепенно осела за р. Оранжевой, другая часть их поселилась за р. Вааль (отсюда Transvaal).

Захват англичанами Капленда положил начало упорной, долголетней борьбе бурского народа за свое национальное самоопределение, борьбе, достигшей наибольшей остроты в последней четверти XIX в., т. е. в тот период, когда английский капитализм вступил в новую империалистическую стадию своего развития.

Уже в 1877 г. английское правительство, пользуясь неблагоприятно сложившейся для бурских республик обстановкой, провозгласило присоединение Трансвааля к «владениям королевы Виктории». Этот акт агрессии послужил сигналом к усилению вооруженной борьбы республиканцев за свою независимость. Организация отпора была поручена особому триумvirату в составе президента Оранжевой республики Крюгера, президента Трансвааля Преториуса и видного военного деятеля Трансвааля Жубера.

С точки зрения чисто формального соотношения сил англичане имели все шансы на успех. На стороне буров было лишь одно превосходство — их высокий моральный уровень. Хорошо экипированные, превосходно обученные войска англичан состояли из наемников, глубоко равнодушных ко всем предприятиям своего командования. Этому сброду профессиональных убийц противостояли менее организованные, но зато бесконечно превосходящие противников своим моральным духом бурские отряды, решительно и беззаветно отстаивавшие свое национальное существование, свою свободу. Это преимущество буров оказалось ре-

шающим. Экспедиция англичан в 1881 г. закончилась полным провалом. Целая серия поражений, в том числе разгром английских войск у горы Амаюба Гилль, убедила правительство Гладстона в необходимости более тщательной подготовки к борьбе с бурами.

Новая волна агрессивных действий против бурских республик связана с именем одного из выдающихся деятелей британского империализма — Сесилия Родса. Родс, подготавливая в широких размерах прямое нападение на бурские государства, одновременно решил подорвать их мощь изнутри. Удобным орудием для осуществления этого замысла явились иностранцы или уитлендеры (uitlander), по преимуществу англичане, нахлынувшие в страну для разработки залежей золота и алмазных россыпей. В результате проведенной Родсом агитации уитлендеры потребовали от трансваальского правительства предоставления им прав гражданства с одновременным освобождением их от обязанностей, лежащих на коренном населении республики.

Правительство Трансвааля отказалось удовлетворить эти требования. Используя создавшуюся обстановку, Родс призвал уитлендеров к восстанию, обещая оказать им помощь. Когда восстание вспыхнуло (очагом его был центр золотодобывающей промышленности — г. Иоганнесбург), Родс организовал кавалерийский налет английского отряда под командованием Джемсона на столицу Трансвааля — Преторию. Однако ни восстание уитлендеров, ни разбойничий налет Джемсона не смогли сломить воли республиканцев к борьбе за свою независимость. Организованное бурским правительством ополчение после четырехдневного боя разгромило наголову английский отряд, захватив в плен его остатки вместе с командиром отряда.

После этого очередного поражения английское правительство, несмотря на формальное осуждение действий Родса и Джемсона¹, перешло к систематической и планомерной подготовке широкой военной кампании против республик.

Поводом к войне послужило убийство англичанина трансваальскими полицейскими. В сентябре 1899 г. Джозеф Чемберлен предъявил республике ультиматум, состоявший из следующих требований: даровать уитлендерам избирательные права без всяких ограничений после пятилетнего пребывания в стране, установить полное самоуправление в Иоганнесбурге, уничтожить иоганнесбургские форты, ввести в школах английский язык.

25 сентября 1899 г. буры направили английскому правительству ноту, содержащую отказ от выполнения требований английского правительства. 9 октября трансваальское правительство в свою очередь послало ультиматум Великобритании, в котором потребовало убрать с границ бурских республик войска, отозвать из Южной Африки все войска, сконцентрированные там после 1 июня 1899 г., а также вернуть в метрополию все войска, находившиеся в пути из Англии в Южную Африку. Оно предложило передать все спорные вопросы на рассмотрение третейского суда. 11 октября 1899 г. Лондон ответил на ультиматум Трансвааля отказом. Это и было фактическим началом войны.

Что представляло собой население двух небольших затерянных в далекой Африке бурских республик, одержавших ряд столь замечательных в военном отношении побед над войсками крупнейшей капиталистической державы мира?

Основная роль в войне принадлежала Трансваалю, площадь которого равнялась приблизительно 300 000 кв. км, с населением около 1 000 000 человек, в том числе европейцев — около 300 000 человек². Основным занятием буров было земледелие, скотоводство и охота. Буры

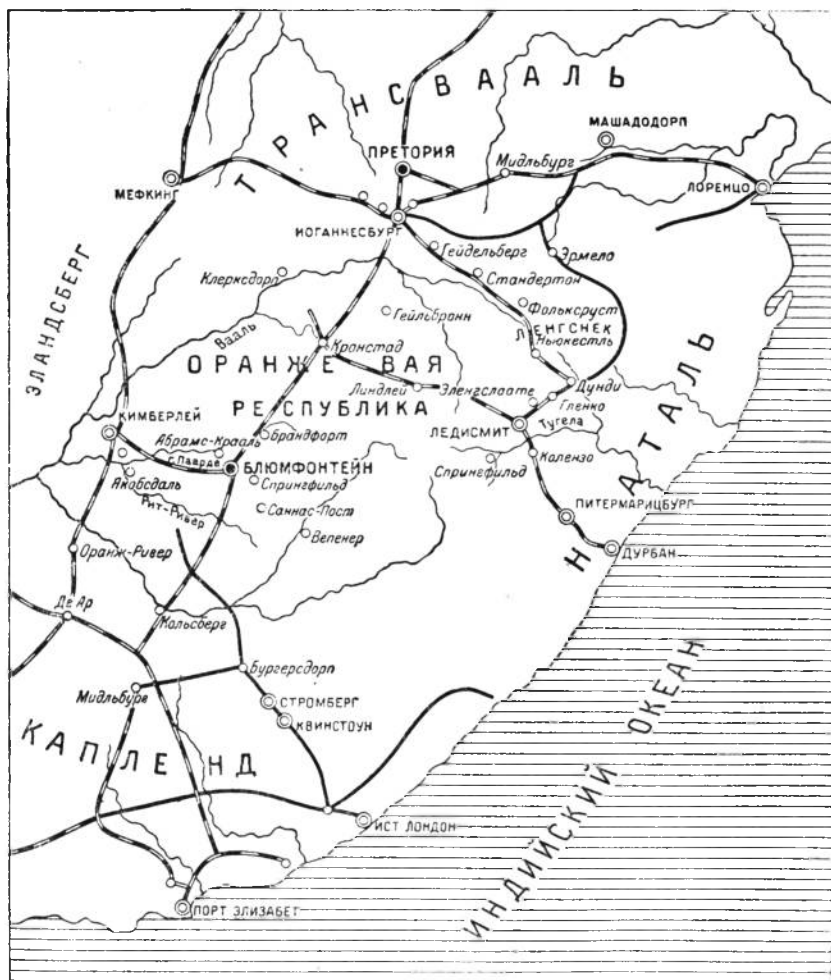
¹ Родс ушел с поста премьер-министра Капленда, Джемсон был выдан английским властям.

² Цифры заимствованы из работы А. Виноградова «Англо-бурская война в Южной Африке», вып. 1, стр. 33, 1901 г.

сохраняли характерные черты голландцев, на языке которых они говорили с небольшой примесью французских слов. Населявшие Трансвааль негры принадлежали к племени бечуанов. Негры составляли основную массу населения Трансвааля.

Население Оранжевой республики состояло из 400 000 человек, занимавших площадь более 150 000 кв. км. Среди европейцев (150 000 человек) основную массу составляли буры.

Военные действия охватили также Капскую колонию, насчитывавшую до 2 000 000 жителей, в том числе белых — 500 000 человек. К боль-

шинству белых принадлежали голландские колонисты, так называемые африкандеры (350 000 человек), небольшая часть которых принимала участие в военных действиях на стороне буров.

Негритянские племена, подвергавшиеся жестокой эксплуатации, были в войне нейтральными. Они не видели перспективы улучшения своего положения в случае победы любой из воюющих сторон. Впрочем, ни англичане, ни буры не предпринимали никаких мер для того, чтобы привлечь на свою сторону негров. И те и другие опасались выступления негров против европейцев во время войны.

Каково же было соотношение вооруженных сил воюющих сторон?

Чрезвычайно важным преимуществом Англии был ее мощный военно-морской флот, благодаря которому она господствовала над всеми

морскими и океанскими путями. Сухопутные силы Англии в 1898 г. состояли из постоянной армии с резервами, пополняемой путем вербовки, милиции с милиционными резервами и волонтеров. Все эти силы не представляли собой сплоченного целого. Вербовочная система комплектования постоянной армии и милиции в значительной степени оставляла Англию в стороне от усовершенствования военных систем континентальных государств, применявших общеобязательную воинскую службу. Наименее боеспособной частью армии были волонтеры, располагавшие правом зачисляться в армию и уходить из нее в любое время по своему усмотрению.

На недостаточно высоком уровне в английской армии была стрелковая и тактическая подготовка. Учебные стрельбы производились лишь с близких расстояний, без приближения к обстановке военного времени. В официальном руководстве английской армии в значительной мере сохранялась линейная тактика боя. Все же, несмотря на все недостатки, английская армия представляла собой внушительную в военном отношении силу, прекрасно экипированную, снабженную всеми новейшими видами оружия. Английская армия, участвовавшая в англо-бурской войне, насчитывала около 300 000 человек.

Общая численность вооруженных сил республик не превышала 57 000 — 58 000 человек, в том числе 31 000 — 32 000 трансваальцев, около 20 000 оранжистов, 2 000 добровольцев из Капской колонии и 1 500 добровольцев-иностранцев. За исключением небольших артиллерийских частей, сформированных правительствами республик, военные силы буров носили милиционный характер, со своеобразной выборной системой начальствующих лиц. В Трансваале по закону 1898 г. всякий гражданин в возрасте от 16 до 60 лет обязан был братья за оружие. Такой же порядок был установлен в Оранжевой республике. В Трансваале армии комплектовались по 17 военным округам, в Оранжевой республике — по 14 округам. Каждый военный округ состоял из участков. Во главе округов стояли выборные коменданты, во главе участков — выборные фельдкорнеты. Во время войны, как правило, из комендантов выбирались генералы, из фельдкорнетов — обер-офицеры. Каждый округ формировал «командо» — основную организационную и тактическую единицу бурской армии. «Командо» состояли из фельдкорнетств, которые в свою очередь состояли из отделений. Во главе трансваальской армии стоял главнокомандующий, избираемый простым большинством голосов. Оранжисты своего главнокомандующего не имели, так как согласно договору их войска поступили в распоряжение Трансваала.

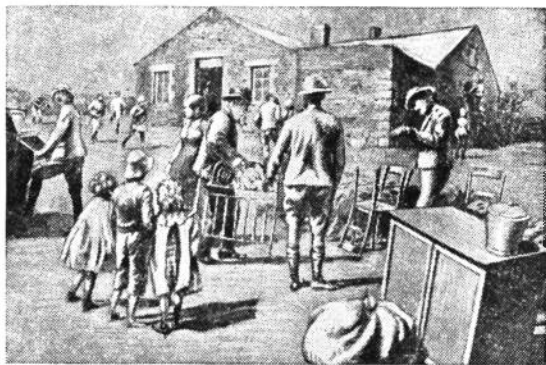
Серьезным недостатком бурской армии было отсутствие систематической организационно-тактической подготовки в условиях мирного времени, отсутствие твердого устава, дисциплины и внутреннего порядка и отсутствие единоначалия. Несмотря на это, бурские солдаты представляли прекрасный боевой материал. Бурская армия состояла исключительно из так называемой конной пехоты. Охота и скотоводчество, жизнь в поле и постоянная борьба с туземцами выработали у них превосходные качества отличных стрелков, неутомимых наездников, храбрых, хладнокровных и инициативных бойцов. Буры, прекрасно владея искусством стрельбы и умея применяться к местности, при отсутствии тактической подготовки, предпочитали наступательным действиям оборонительные. Ввиду отсутствия военной подготовки буры никогда не пользовались штыками; вся сила их сопротивления сосредотачивалась исключительно на огневом действии. Наступая, они не схватывались грудью с грудью с противником, а, приблизившись к противнику, стремились губительным огнем своих маузеровских магазинных винтовок принудить его к отступлению. Обороняясь, они не допускали противника на дистанцию штыкового удара. В затруднительных случаях они покидали

занимаемые ими позиции, быстро отступали на своих лошадях на другие и оттуда снова открывали сосредоточенный, меткий огонь.

Начало и весь ход войны, каждый из ее многочисленных эпизодов служат живой иллюстрацией высокого духа республиканской армии, героизма и самопожертвования бурских солдат и командиров, отстаивавших свою национальную независимость против многократно превосходившего их своей численностью и вооружением противника.

В первый период войны инициатива в развернувшихся боевых операциях принадлежала бурам. Предпринятое бурами наступление имело огромное значение для всего последующего хода боевых операций. Основной задачей наступления был захват ценных в стратегическом отношении английских территорий. В соответствии со стратегическим планом, принятым командующим соединенными армиями буров Питером Жубером, республиканские войска вторглись несколькими колоннами в Наталь, Капскую колонию и Родезию. Основной удар был направлен против Наталь, занятие которого позволяло бурам перенести оборону на линию р. Тугелы и использовать в целях обороны Драконовы горы.

План Жубера свидетельствовал о значительной стратегической одаренности его автора. С одной стороны, реализация плана давала бурам преимущество чисто морального порядка, вселяя в них уверенность в борьбе с агрессорами. С другой стороны, план давал бурам дополнительные материальные преимущества, так как перенесение войны на территорию англичан крайне удорожало войну для последних и позволяло одновременно бурам использовать для развертывания боевых операций средства и территорию противника. Вместе с тем план Жубера давал реальную возможность республиканцам использовать сочувствие голландского населения Капленда. Ненадежность английского тыла на южном и западном театрах военных действий была весьма положительным для буров фактором.

Английские войска грабят имущество бурских фермеров.

Нельзя при этом не указать и на некоторые слабые стороны жуберовского плана, обусловившие в дальнейшем неудачу буров в их стремлении овладеть Ледисмитом, Кимберлеем и Мефкингом — основными стратегическими пунктами Наталь и Родезии.

В первый период войны 45 000 буров противостояли английские отряды общей численностью в 28 000 человек, из которых 13 000 были расположены у Наталь, 12 000 — в Капской колонии, остальные — в Кимберлее и Родезии. Как уже было указано, буры правильно решили нанести основной удар англичанам в Натале, имеющем наибольшее стратегическое значение. Но при распределении сил Жубер допустил ошибку, выделив слишком большие силы на южный и западный фронты и ослабив тем самым удар в решающем направлении. Крайне отрицательным фактом было распыление войск республиканцев в Натале на девять колонн. Ввиду отсутствия твердой связи и управления в войсках буров подобная дислокация войск ослабляла их силы, так как каждая из девяти колонн буров была слабее двух имеющихся в Натале английских колонн, которые в свою очередь были слабее соединенных колонн буров (25 000 человек).

Приказ о выступлении последовал 11 октября 1899 г. 12 октября главные силы буров, выступив из Фолькструста, прошли через горный проход Ленгснек. Спустя день, прикрываясь боковыми отрядами, они достигли Нью-Кестля, который и заняли 15 октября.

Крупное стратегическое значение Наталя вынудило английское командование принять все меры, чтобы сохранить эту территорию в своих руках до прибытия экспедиционного корпуса. Последний в это время формировался в Англии. Командующий английскими войсками в Натале генерал Уайт разбил находившиеся в его распоряжении силы на две части. Хорошо вооруженный отряд численностью в 4 000 человек при 18 орудиях был сосредоточен в крупном пункте Наталя — Ледисмите. Другой более крупный отряд (6 000 человек при 30 орудиях) был направлен для защиты другого значительного пункта Наталя — Гленко. Пользуясь рассредоточением англичан, Жубер решил разгромить их по частям.

Первый серьезный удар был нанесен противнику вблизи Гленко. В ночь на 20 октября отряд бурского командира Луки Мейера (15 000 человек) достиг наиболее важного в стратегическом отношении пункта этой местности — горы Дунди Гилль. Не дожидаясь других колонн, он открыл артиллерийский огонь против англичан, расположившихся у Гленко. Несмотря на численное превосходство англичан, имевших в своем распоряжении 20 орудий, отряд буров нанес врагу жестокий урон. Во время одной из стычек был смертельно ранен командир английского отряда генерал Саймонс. Отряд был окончательно разгромлен 20 октября главными силами трансваальцев, возглавляемых Жубером. Остатки отряда в панике откатились к Ледисмиту на соединение с отрядом генерала Уайта. Во время бегства англичане потеряли весь свой обоз с запасами, орудия и зарядные ящики. Часть отряда спаслась лишь благодаря густому туману и сильному дождю. Под ружьем осталось не более 2 500 солдат, лишенных продовольствия и боевых припасов.

Предпринятая Уайтом вылазка облегчила задачу соединения разгромленного отряда с гарнизоном Ледисмита. Соединившись вблизи Элленгслаате 25 октября, оба отряда вернулись в Ледисмит. Всего здесь сосредоточилось к этому времени около 13 500 человек. 30 октября Уайт, взявший на себя командование всем гарнизоном осажденного города, вступил в бой с бурами, стремясь прорваться по направлению к Питермарицбургу. С этой целью он выделил две наступательные колонны без общего резерва, с двумя прикрывающими боковыми колоннами. Наступление пехоты поддерживалось интенсивным артиллерийским огнем. Однако уже по истечении нескольких часов один из боковых прикрывающих отрядов, окруженный со всех сторон бурами, сдался (38 офицеров и 927 солдат).

Неудача англичан окрылила буров. После напряженного пятичасового боя англичане были разгромлены на всех участках фронта. Отступление англичан в Ледисмит происходило под сильным артиллерийским огнем буров. Англичане потеряли при этом вместе с пленными более 1 300 человек. Положение англичан было в этот день крайне критическим. Действуя более решительно, буры могли бы ворваться в Ледисмит на плечах противника. Однако буры этого не сделали, ограничив свои дальнейшие действия незначительными стычками и отражением вылазок англичан из осажденного города. Оставив часть войска под Ледисмитом, Жубер бросил основные силы буров в концентрическое наступление на Питермарицбург, расположенный на юге Наталя.

Одновременно на южном фронте шеститысячный отряд буров (Оранжевой республики), сосредоточенный у Спрингфонтейна, выступил двумя колоннами на Кольсберг и Квинстоун. В результате наступления 15 ноября были заняты Кольсберг, Мидльбург и Бургерсдорп, 20 ноября — Штейнбург и 26 ноября — Стромберг.

На западном театре войны буры сосредоточились близ Мефкинга и Кимберлея — пунктов, имевших большое экономическое и политическое значение. Они правильно рассчитывали, что угроза с их стороны Кимберлею (где находился и Сесиль Родс) заставит английский экспедиционный корпус разделиться на две группы: в Наталь и к Кимберлею. Гарнизон Кимберлея составлял 2 500 человек при 20 орудиях; гарнизон Мефкинга — всего 1 000 человек регулярных войск и 150 вооруженных горожан. И хотя попытки командующего бурскими войсками на этом фронте Кронье захватить Мефкинг и Кимберлей не увенчались успехом, все же главная задача наступления была выполнена и здесь. Республиканцы в течение короткого времени захватили у противника обширные территории, имевшие важное стратегическое значение для предстоящей борьбы. Так сложилось положение воюющих сторон к декабрю 1899 г., ко времени прибытия из Англии спешно сформированного английским правительством 80-тысячного экспедиционного корпуса, возглавляемого лордом Буллером.

Новая ситуация, создавшаяся в связи с наступлением буров, привела в замешательство правящие круги Англии. Для Лондона стала очевидной неизбежность серьезной продолжительной войны. Наступление буров, закончившееся потерей англичанами значительных территорий и блокадой Ледисмита, Кимберлея и Мефкинга, спутало также и планы Буллера. Вопреки первоначальному замыслу, предусматривавшему сосредоточенный удар в одном решающем направлении, Буллер решил начать боевые операции за освобождение осажденных городов. Захватив Кимберлей и Ледисмит, он рассчитывал соединить войска, оперирующие на южном и западном театрах, и двинуться к Претории.

Наступление началось одновременным движением в трех направлениях: 13-тысячная колонна под начальством генерала Метуэна двинулась на Кимберлей, 7-тысячная группа под начальством генерала Гетекра — на Стромберг и 17-тысячная колонна во главе с самим Буллером — на Ледисмит. Но во всех трех направлениях англичане не сумели создать себе подавляющего превосходства, необходимого для успеха наступления. На восточном фронте против англичан выступало 15 000 буров, на южном — 8 000—10 000, на западном — 10 000—12 000. Первой развернула свои операции группа генерала Метуэна, двигавшаяся вдоль железной дороги из Оранж-Ривера на Кимберлей. Кронье, руководивший бурскими войсками на этом участке, решил оказать сопротивление наступающему противнику с фронта главными силами, оставив для наблюдения за осажденным Кимберлеем отряд в 2 000 человек.

Осада Ледисмита, Кимберлея и Мефкинга означала в известном смысле временный переход к позиционной войне. Для буров это обуславливалось особенностями их тактики, отдававшей предпочтение обороне на хорошо укрепленной позиции, тактики, позволявшей бурам использовать преимущества огневого действия их «командо». Для англичан эта позиционная война была вынужденной ввиду очевидного превосходства их противника. Сосредоточенные в этих городах обширные продовольственные и боевые склады давали им возможность выдерживать длительную блокаду.

Уже в первые дни осады буры окружили города сплошным кольцом траншей и укреплений. Вокруг Ледисмита, Кимберлея и Мефкинга были вырыты траншеи с отвесными скатами, с углублениями для боевого питания и снаряжения. В случае необходимости эти углубления служили бурам укрытием от навесного шрапнельного огня. Во многих участках фронта применялись искусственные препятствия, состоявшие главным образом из колючей проволоки, разбросанной в беспорядке большими клубками в нескольких десятках метров впереди траншей в высокой траве или между камнями. Непосредственно за линией траншей, на обратных склонах холмов, буры возводили подобие землянок и навесы

из железных листов, на которые наваливали обломки скал. Эти укрепления служили укрытием от осколков гранат и шрапнельных пуль подразделениям, не принимавшим непосредственного участия в боевых действиях.

Лучше всего были оборудованы укрепления оранжистами под Кимберлеем. Во главе буров стоял опытный военный специалист генерал Колбе. Под его руководством буры великолепно укрепили свою позицию посредством замаскированных засек, часть которых с целью введения противника в заблуждение были ложными. Окопы оранжисты построили уступами назад на случай могущего быть отступления. Они были построены на большом протяжении и хорошо оборудованы. Часть блиндажей, построенных на обратных склонах холмов, были покрыты цинковым железом. В распоряжении буров, осаждавших Ледисмит, на-

Английские войска сжигают имения бурских фермеров.

ходились динамомшины, питающие прожекторы, которыми освещались подступы к Ледисмиту ночью.

Слабой стороной позиций буров была ничем не оправдываемая плохо поставленная патрульная служба. Только под Ледисмитом выставлялся патруль, да и то не к стороне противника, а лишь в направлении к железной дороге. Эта беспечность стоила бурам немалых жертв. Другим недостатком позиций буров было ограниченное количество орудий крупного калибра. Под Ким-

берлеем действовало одно осадное орудие, под Ледисмитом — три. Но если эти орудия в силу своей малочисленности и не причиняли англичанам больших потерь, то все же они вынуждали их целыми днями прятаться под блиндажами и деморализовали осажденные гарнизоны. Орудия меньшего калибра не имели такого значения, производя слабое впечатление на противника. Под Кимберлеем малая эффективность их была усугублена огромным удалением позиции, на которую они были поставлены отчасти из опасения быть отрезанными от своих войск, отчасти по недостатку воды.

Пока длилась осада Кимберлея, Кронье продолжал свое продвижение к юго-западу. Первое серьезное столкновение произошло на берегу р. Моддер, вблизи деревни того же названия. В распоряжении Кронье было около 5 000 бойцов, в то время как число англичан превышало 8 500 человек. Несмотря на это, англичане в результате жестокого боя в течение дня смогли продвинуться всего лишь на 500—600 м. После этого наступила передышка, так как обе стороны оказались обессиленными. Потери англичан и буров выражались соотношением 10:1. К утру следующего дня буры заняли новые, более укрепленные позиции. Пока длилось это «перемирие», к англичанам продолжали прибывать пополнения. В результате этого корпус Метуэна увеличился до 13 000 человек при 33 орудиях. Им противостояли 6 000—6 500 буров. Готовясь к новому столкновению, буры заняли и укрепили линию холмов в районе Спрингфонтейна и Маггерсфонтейна.

Позиция Кронье представляла собой характерную для буров организацию обороны. Частью естественная, частью искусственная линия расположения войск Кронье была выбрана очень удачно. Но обычными для республиканцев были и недостатки расположения войск: они были ого-

лены с флангов и слишком растянуты по фронту. При желании англичане в два перехода могли бы выйти к Моддеру в тыл буров, что привело бы к неизбежному разгрому последних. Однако выработавшаяся у англичан привычка действовать вблизи железной дороги в сочетании с недомыслием их командиров избавила буров от подобного исхода.

Оборонительная линия буров представляла собой длинный ряд искусно скрытых под набросанными ветвями окопов с довольно широким обстрелом. Очень умело были использованы холмы, с гребней которых буры вели перекрестный огонь. Между укреплениями в окрестностях холмов буры умышленно оставили значительное пространство незанятым — ловушку для противника.

Англичане начали операцию прямолинейным фронтальным наступлением. Атака холмов, которые Метуэн считал ключом позиции, была предпринята ночью, перед рассветом. Англичане думали напасть на буров врасплох. Вначале все шло по намеченному плану. Уже были видны проволочные свитки, разбросанные перед окопами буров, и ясно стали вырисовываться контуры холмов, как вдруг с близкой дистанции буры открыли ураганный перекрестный огонь и уничтожили почти половину головного батальона англичан. Бросившиеся в атаку другие батальоны также были остановлены сосредоточенным огнем буров и вынуждены были залечь шагах в 500 от противника. После непродолжительного ожесточенного боя английская колонна была отброшена с большими потерями. Такая же участь постигла и все остальные части английской пехоты. Спустя некоторое время англичане предприняли повторную атаку, закончившуюся, однако, тем же результатом: буры отбили ее без особого труда. В результате всего этого утром следующего дня английские войска вынуждены были отступить на линию р. Моддер, где они и оставались до прибытия армии генерала Робертса. В этой операции английское командование продемонстрировало свою тактическую и организационную слабость, свое неумение организовать атаку во фланг и в решающем направлении с фронта.

Не менее успешными были действия буров в Капской колонии в ноябре—декабре 1899 г. На этом участке фронта со стороны англичан действовали отряды Гетекра и Френча, являвшиеся промежуточным звеном между корпусом Метуэна и войсками Буллера. В распоряжении Гетекра было всего 4 600 человек при 16 орудиях. Конница Френча насчитывала немногим более 2 000 сабель при 12 конных орудиях. Против 6 000—7 000 англичан на этом участке действовало примерно такое же число республиканцев, находившихся под общей командой Гроблера. В ряды бурского войска нередко переходило сочувствовавшее ему местное население. Но африкандеры участвовали в боях лишь во время операций в данной местности, а после ухода войск вновь возвращались к мирным занятиям.

Основной тактической задачей Гетекра было овладение Стромбергом. Для решения этой задачи он выделил часть своего отряда, состоявшую из 3 000 человек при 16 орудиях. Англичанам противостоял отряд буров численностью в 1 000 человек при 3 орудиях. Однако трехкратное численное превосходство не помогло англичанам. Устроив засаду, буры подпустили на близкое расстояние колонну противника, двигавшуюся в походном порядке, и затем открыли по ней сильный огонь. Англичане вынуждены были отступить к исходным позициям, понеся большие потери (19 офицеров и 741 солдат).

Действия отряда Френча были также малоуспешными. Правда, 8 декабря он занял Арундел и вынудил к отступлению отряд буров, состоявший из 1 800 человек. Однако по прибытии дополнительных сил буров действия конницы Френча стали ограничиваться лишь патрулированием железнодорожных путей.

Наиболее широкий размах приобрели военные действия в конце

1899 г. в Натале. Буллер, стоявший во главе 17-тысячного корпуса, бросил все имевшиеся в его распоряжении силы на помощь окруженному республиканцами гарнизону Ледисмита. Зная о готовящемся наступлении Буллера, буры прочно окопались на рубеже по линии р. Тугелы. Особенно сильными были их позиции на северном берегу реки у Колензо. Линия обороны протяжением в 80 км защищалась войсками республиканцев в 10 000—12 000 человек.

Буллер решил нанести обороняющимся фронтальный удар вдоль железной дороги Чивелей—Колензо—Ледисмит. 14 декабря весь корпус двинулся по направлению к р. Тугеле. Однако вскоре обнаружилось, что английская бригада, собравшаяся на левом фланге, потеряв направление, была неожиданно подвергнута сильному артиллерийскому и ружейному огню буров с противоположной стороны р. Тугелы. Урон, понесенный бригадой, был настолько велик, что она сделалась неспособной к дальнейшему наступлению. Так расплачивались английские командиры за свое пренебрежение к разведке.

В центре действовала 2-я бригада, возглавляемая генералом Гильярдом; правее ее наступала 6-я бригада. Продвижение их поддерживалось артиллерией. Однако бурам скоро удалось метким ружейным огнем перебить артиллерийскую прислугу и, таким образом, вывести из строя значительную часть батарей. Когда же английские бригады подошли на близкое расстояние, буры встретили их перекрестным ружейным огнем. Неожданность удара деморализовала ряды наступающих. Спустя некоторое время англичане вынуждены были в беспорядке отступить, оставив на поле сражения часть своих батарей. Они потеряли в этот день в общей сложности 1 106 человек, в то время как республиканцы — всего лишь 24 человека. Главным последствием боя у р. Тугелы для англичан был, однако, не столько материальный ущерб, сколько общая деморализация войск, потерявших на известное время способность к дальнейшим активным наступательным операциям.

Поражением при Колензо закончилась вторая фаза войны. В течение одной недели, так называемой «черной недели» (the Black Week), англичане были разбиты трижды. Одновременное наступление на всех трех театрах войны потерпело неудачу. Города Ледисмит и Кимберлей продолжали оставаться в осаде. Голландское население Капской колонии угрожало восстать в любую минуту. Престиж английской армии оказался сильно подорванным. Войска англичан, несмотря на свое численное и техническое превосходство, не могли одержать победу над немногочисленной, слабо вооруженной, но сильной духом армией противника.

Только благодаря бездействию буров английское главное командование сумело провести ряд организационных мероприятий для подготовки в сравнительно короткий срок нового широкого наступления. Для обеспечения решающего перевеса сил англичане решили увеличить число своих войск в Южной Африке до 200 000 человек. В подготовке нового наступления против бурских республик деятельное участие принимала теперь не только метрополия, но и все ее доминионы, в первую голову Канада и Австралия. Командующим всеми операциями в Южной Африке был утвержден фельдмаршал лорд Робертс, известный своими многочисленными колониальными экспедициями в Индии и Афганистане. Начальником штаба армии Робертса был назначен лорд Китченер, который за год до этого возглавлял закончившуюся разгромом войск Магди экспедицию в Судане.

Пока шло развертывание войск Робертса, генерал Буллер, желавший восстановить свою репутацию, решил предпринять новое наступление для освобождения Ледисмита. Для этой цели он получил в качестве подкрепления свежую дивизию Уоррена и ряд других частей, в результате чего численность его колонны достигла 27 000 человек

(при 60 орудиях). На этот раз Буллер решил направить колонну в обход позиций буров через Спрингфильд.

По замыслу Буллера, колонна Уоррена должна была первой перейти р. Тугелу, соединиться на другом берегу с бригадой Литльтона, атаковать Бракфонтейн и следовать дальше к Ледисмиту. Общее число буров, противостоявших 20-тысячной колонне англичан (не считая 10 000 гарнизона Ледисмита), не превышало 8 000 человек при нескольких орудиях. Однако положение буров вскоре было облегчено тем обстоятельством, что Уоррен, вопреки первоначальному плану Буллера, решил начать фронтальное наступление. Сломив сопротивление буров прямым ударом, он надеялся более коротким путем достичь Ледисмита. Буры были превосходно подготовлены к бою. Удачно выбранная позиция позволяла им наблюдать за всеми передвижениями англичан и своевременно принимать контрмеры. На фронте находился сам президент Оранжевой республики Штейн; непосредственное же руководство всеми операциями было возложено на генерала Луи Бота.

Сражение началось с того, что Уоррен, которому Буллер фактически передал все командование, приказал двум бригадам атаковать правый фланг буров. Несмотря на многократный перевес, наступавшим не удалось добиться сколько-нибудь серьезных успехов. На левом фланге вся тяжесть боя легла на спешившуюся конницу лорда Дендональда, получившего задание атаковать буров у Табамияма. Эта атака также не привела ни к каким результатам. Тогда в ночь на 24 января Уоррен решил атаковать наиболее сильные позиции буров у Спионскопа. Англичанам, нападшим врасплох на республиканцев, после ожесточенного боя, сопровождавшегося частым артиллерийским огнем, удалось сломить сопротивление горстки буров. В их руки на время перешел северо-западный угол вершины Спионскопа.

Однако англичане не смогли удержать в своих руках эту важную позицию. Их батальоны оказались бессильными перед метким перекрестным ружейным и артиллерийским огнем буров. Несмотря на полученное сильное подкрепление, к вечеру 24 января английские войска отступили со Спионскопа обратно в лагерь. Потеря горы, командующей над всем полем сражения, предопределила его исход. 25 января Буллер вынужден был издать приказ об отступлении на южный берег р. Тугелы. В этом сражении англичане потеряли 1 758 человек, буры — 170 человек.

Беспечность буров, не предпринявших никаких усилий, чтобы довести до конца разгром деморализованного войска Буллера, дала возможность последнему по прибытии новых пополнений предпринять третье наступление на Ледисмит.

Утром 24 февраля английская тяжелая артиллерия начала усиленную огневую подготовку. Под ее прикрытием одна из бригад двинулась вперед, отвлекая внимание буров от намеченного английским командованием направления главного удара. В это время другая бригада (Литльтона) перешла реку по быстро наведенному мосту и после двухчасовой артиллерийской подготовки повела главную атаку на другом участке фронта. Несмотря на то, что англичанам противостояло на этом участке всего лишь около 700 буров, наступавшие смогли лишь к концу дня овладеть южной частью отрога Кранцклоофа, выиграв пространство километра в два глубиной и около километра шириной по фронту. Этим и были исчерпаны все успехи англичан в данной операции. Два-три дня прошло в артиллерийской и ружейной перестрелке, а 8 февраля англичане, убедившись в невозможности прорыва, отступили обратно к Чивелею. Трехдневный бой стоил англичанам 373 убитых и раненых, потери же буров по обыкновению были незначительными.

Подобное соотношение потерь объяснялось прежде всего меткостью ружейного огня буров. Следуя своей охотничьей привычке, они умело прятались в искусственных и естественных укрытиях, терпеливо ожи-

дали приближения врага, а дождавшись его, никогда не расходовали боеприпасов впустую. Англичане же, даже в случае успешного исхода атаки, не могли нанести противнику большой урон, так как буры без особого труда снимались с места и, пользуясь своими боевыми конями, быстро достигали нового оборонительного рубежа.

Третье наступление Буллера, его развитие и исход особенно ярко показали бездарность английских командиров, их неумение организовать атаку с фронта. Отсутствие представления об укреплении противника, игнорирование значения рекогносцировок и разведывательной службы, отсутствие резервов, которые можно было бы ввести в решающую минуту для прорыва линии обороны противника, — вот что лежало в основе провала этого наступления.

По времени третье наступление корпуса Буллера совпало с началом операций экспедиционной армии Робертса³. Стратегический план Робертса состоял в общих чертах в перенесении центра военных действий из Наталя на запад. Его целью было уничтожение основной массы живой силы противника в районе Кимберлея с последующим вторжением в Оранжевую республику.

Против 200-тысячной армии англичан буры могли в это время выставить на западном фронте не более 7 000—8 000 человек. Значительная часть этих сил прикрывала блокаду Кимберлея, а несколько небольших отрядов были расположены по течению р. Моддер, а также в районе к востоку и юго-востоку от Кимберлея. Общее руководство этими отрядами принял на себя Кронье. С целью введения в заблуждение республиканцев Робертс в начале февраля приказал произвести демонстрацию на правом фланге буров. Несмотря на то, что буры дали серьезный отпор действовавшей здесь бригаде Макдональда, а также коннице, цель, поставленная английским командованием, была достигнута. Внимание буров было теперь привлечено к правому флангу.

Для нанесения главного удара в обходную колонну было выделено до 30 000 англичан при 91 орудии. Этой группе противостояли несколько тысяч буров, не подозревавших об угрожавшей им опасности. Вся масса сконцентрированной англичанами конницы под командованием Френча была брошена на захват Кимберлея. Сокрушив своей массой редкие цепочки героических отрядов буров, Френч 15 февраля вступил в Кимберлей.

В этот же день республиканцами был проведен рейд в тылу английских войск. Двухтысячный отряд буров при двух орудиях под командой одного из наиболее видных партизанских руководителей — Деветта после ожесточенного боя в тылу противника захватил около 200 повозок с провиантом и более 3 000 волов. 60 английских солдат были взяты в плен.

Рейд Деветта очень сильно встревожил английских военачальников. Для противодействия отважному генералу было послано значительное количество войск. В английском штабе прекрасно понимали, что если Деветту удастся проникнуть глубже в тыл английской армии, то он, действуя на коммуникациях, неизбежно поставит ее в крайне тяжелое положение. Однако буры этого не сделали и тем самым дали англичанам возможность продолжать реализацию задуманного ими плана. 15 февраля был захвачен Якобсдаль. Таким образом, вся основная масса экспедиционного корпуса была сосредоточена теперь на флангах буров, угрожая путям отступления оборонявшихся из Маггесфонтейна на Блумфонтейн.

15 февраля Кронье начал отступление на восток. Получив сведения о занятии англичанами Клардрифта, он отдал приказ отступать всем лагерем по дороге на Дрипут-фарм, т. е. в район, фактически уже за-

³ Робертс и Китченер высадились в Капштадте 10 января 1900 г.

нятый противником. Стянув многочисленные силы, англичане стали готовиться к встрече отряда. 16 февраля они неоднократно атаковали буров, препятствуя их переходу через р. Моддер. Тем временем в район Паардеберга подошли главные силы англичан. Спустя два дня начался неравный бой между 50-тысячной армией оккупантов, вооруженной 60 орудиями, и 4 000 республиканцев, располагавших всего лишь 6 пушками.

Кронье попал в затруднительное положение вследствие укоренившегося у буров представления о неизменности тактики англичан. Ожидая обычного для англичан фронтального удара пехотой, двигавшейся по обыкновению вдоль железной дороги или в непосредственной близости от нее, Кронье не смог правильно оценить появление конницы Френча вдаль от железной дороги, в тылу. Он полагал, очевидно, что речь идет об отдельном, потерявшем ориентацию конном отряде противника. Поэтому занятие англичанами Кладдрифта явилось для буров совершенно неожиданным ударом. Произведенное 15 февраля по приказу Кронье отступление уже не могло спасти положения. Отряд Кронье очутился в плотном кольце противника.

Английские войска сдаются в плен бурам.

В первые дни после окружения Кронье имел возможность организовать прорыв и уйти на соединение с Деветтом. Однако кригсраат большинством голосов высказался против прорыва: настолько безнадежным представлялось бурским военачальникам их положение.

19 февраля к англичанам прибыли новые подкрепления, и Робертс приказал атаковать так называемую Китченеровскую высоту, занятую 200 стрелками из отряда Деветта. 21 февраля под натиском превосходных сил англичан она была сдана. Вследствие этого буры потеряли последнюю возможность сноситься с отрядом Деветта. Связь с ним стала возможной лишь посредством гелиографа.

26 февраля, пользуясь гелиографом, Кронье сообщил Деветту о своих затруднениях, о недостатке боеприпасов, о нежелании кригсраата осуществить прорыв блокады; на следующий день, 27 февраля, не получив помощи, он капитулировал. В плен попало около 4 000 буров, не считая их семей, следовавших с обозом. Около 300 буров, прорвав блокаду, ушли на соединение с Деветтом.

Капитуляция Кронье наглядно показала неэффективность и глубокую ошибочность пассивной оборонительной тактики буров, базировавшейся на меткости ружейного огня и умелом использовании местности. Примененный англичанами обход буров с фланга обесценил эти преимущества, вскрыл глубокую несостоятельность оборонительной тактики, не сочетающейся с решительными активными наступательными действиями.

Одновременно с паардербергской операцией на восточном фронте было проведено четвертое наступление Буллера, закончившееся освобождением Ледисмита. Это наступление было предпринято в результате энергичного вмешательства Робертса, стремившегося отвлечь внимание буров Наталя от западного фронта.

14 февраля Буллер с группой войск в 17 000 человек при 65 орудиях выступил против 3 000—4 000 буров, занимавших оборонительные позиции на подступах к Ледисмиту. После двух дней упорного боя, 20 фев-

раля, буры оставили Колензо — этот последний оплот республиканцев южнее р. Тугелы. Желая сохранить стоявшие под Ледисмитом артиллерию и обозы с имуществом, Жубер отдал приказ о снятии осады Ледисмита. Буры отступили в двух направлениях: на запад, в ближайшее дефиле Драконовых гор, и на северо-восток, к Бичгарсбергу, в 50 км от Ледисмита. Тяжелая артиллерия расположилась на высотах Бичгарсберга, чтобы оборонять главную дорогу на Дунди—Нью-Кестль; главные же силы были брошены на прикрытие северного Наталя и подступов к Драконовым горам — новой мощной оборонительной линии для республиканцев. Захват Ледисмита обошелся англичанам очень дорого. Они потеряли 2 112 человек, 12% всех участвовавших в операции войск.

5 марта президенты обеих республик Крюгер и Штейн обратились к английскому правительству с мирными предложениями, в которых соглашались на передачу англичанам ряда областей с условием признания полной независимости республик. Однако тогдашний премьер-министр Англии Солсбери отказался на этих условиях вести переговоры с бурами. В своем ответе 11 марта он заявил, что правительство Англии не намерено даровать независимость ни Трансваалю, ни Оранжевой республике. Республиканцам не оставалось ничего другого, как продолжать борьбу.

В первой половине марта генерал Робертс начал широкое наступление силами всей армии вдоль кратчайшей дороги на Блумфонтейн. Жидкие цепи буров были разбросаны только в нескольких важнейших пунктах. Англичане решили атаковать позиции противника пятью колоннами, на фронте в 20 км. Каждая из этих колонн численно превосходила всех оборонявшихся буров. Несмотря на все свои преимущества, англичане смогли отеснить буров лишь после ожесточенной схватки по всему фронту. При этом отступление буров произошло в полном порядке, и они не потеряли ни одной повозки из своего обоза.

10 марта корпус англичан двинулся вслед за бурами, наступая на фронте в 25—30 км. Готовясь дать отпор Робертсу, Деветт, руководивший в этот период всеми оборонительными действиями буров, расположился под Абрамс-Краалем. Здесь, на позиции, тянувшейся 9—10 км по фронту, небольшая горстка оборонявшихся (не более тысячи стрелков) должна была противостоять 20 английским батальонам пехоты, активно поддерживаемым конницей и артиллерией.

После ряда безрезультатных стычек по всему фронту англичане сосредоточили крупные силы против высот Дрейфонтейна — решающей позиции для всего боя. Но британской пехоте так и не удалось овладеть этой позицией буров, несмотря на то, что как наступающие, так и обороняющиеся потеряли до 30% своего состава. Путь к Блумфонтейну по берегу р. Моддер оказался прегражденным. Участь всей операции решил рейд конного корпуса генерала Френча, пробравшегося к Блумфонтейну по берегу р. Рит Ривер. Предупреждая обход, республиканцы оставили столицу Оранжевой республики. 15 марта Робертс вступил в оставленный бурами Блумфонтейн.

Ряд неудач, постигших буров, оказали свое действие на моральное состояние армии республиканцев. Дисциплина начала падать. После занятия Блумфонтейна под начальством Деветта и Деларея оставалось не более 1 000 буров. Значительная часть их разошлась по домам. С такими силами нечего было и думать о том, чтобы оказать серьезное сопротивление оккупантам. В течение короткого времени англичане овладели большей частью крупных населенных пунктов. 18 мая был взят Мефкинг. 28 мая Робертс объявил о присоединении к английским владениям Оранжевой республики. 5 июня пала Претория. Правительство Трансвааля переехало в Машадодорп.

Однако оккупация англичанами большей части территории республик, их численное и военно-техническое превосходство не ослабили воли

героического бурского народа к дальнейшей борьбе за свою независимость. Но обстановка требовала от них применения новых методов борьбы, потребовала отказа от больших сражений. Буры решили широко развернуть партизанскую войну.

В марте 1900 г. правительство произвело смену верховного командования республиканских войск. Вместо тяжело заболевшего Жубера общее руководство операциями было передано генералу Луи Бота, уроженцу северного Наталя, решительному стороннику перехода к партизанским методам борьбы.

17 марта 1900 г. для выработки дальнейшего плана обороны был создан большой кригсраат, принявший решение об отказе от пассивной обороны и переходе к партизанским методам борьбы силами небольших партизанских отрядов численностью от 500 до 1 000 человек каждый. Были сформулированы основные задачи партизанских отрядов: систематическое разрушение коммуникаций и уничтожение изолированных отрядов противника. Для большей гибкости партизанские отряды были разбиты на капральства по 25 человек в каждом. Во главе последних были поставлены капралы, назначаемые фельдкорнетами. Были приняты строгие меры для укрепления дисциплины. Офицеры и генералы, не исполнявшие добросовестно своих обязанностей, предавались суду, а комендантам предоставлялось право штрафовать подчиненных за нарушение воинской дисциплины.

Партизанская война длилась 21 месяц. Выдающимися ее организаторами и руководителями были генералы Луи Бота, Деларей и Деветт. Последний был особенно популярен, получив широкую известность еще в период паардебергской операции, когда смелый рейд его отряда поставил в затруднительное положение всю армию генерала Робертса.

После падения Кимберлея и капитуляции Кронье Деветт стал во главе отряда, оказавшего наиболее организованное сопротивление оккупантам. Большое значение имел организованный Деветтом рейд в тыл противника, во время которого англичанам был нанесен чувствительный удар под Саннас-Постом. В результате организованной бурами засады англичане потеряли убитыми, ранеными и пленными более 500 человек. Республиканцы захватили 7 орудий и 97 повозок.

Осуществляя свой план, Деветт пользовался помощью других отрядов. Около 5 000 буров под руководством Деларея, Бота, Колбе и Смэтса были расположены у Брандфорта на пути в Кронстадт — Преторию. Соединенные силы буров под командованием Гроблера и Оливье находились в районе Верхнего Моддера. Действия этих отрядов давали возможность Деветту проникнуть на юг для реализации своей главной задачи — разрушения коммуникаций, питающих армию Робертса.

Но Деветт не оказался на этот раз последовательным. Узнав, что в городе Вепенере имеются большие запасы боеприпасов и продовольствия, он двинулся туда и осадил находившийся там 2-тысячный гарнизон. Штурм города окончился неудачей. На помощь гарнизону Вепенера были двинуты крупные силы английских войск. Правда, Деветт, заблаговременно предупрежденный населением о приближении противника, снял осаду и направился в северо-восточную часть Оранжевой республики, но реализация поставленной им задачи теперь стала невозможной ввиду перегруппировки сил противника.

На опыте Вепенера командование буров еще раз убедилось в необходимости действовать в тылу противника с тем, чтобы добиваться решающих результатов не путем столкновений с крупными войсковыми соединениями врага, а путем методического нарушения сложной и громоздкой системы питания вражеской армии. Кроме того, Деветт сделал из первого рейда ряд других чисто организационных выводов. Прежде всего он сделал свой отряд более подвижным, отказался от использования громоздких обозов. Необходимый груз буры стали перевозить на

лошадях. Каждый из буров имел теперь по две лошади, на одну из которых навьючивались грузы с боеприпасами и продовольствием. Одновременно была произведена чистка отряда от всех колеблющихся и ненадежных элементов. Было введено единоначалие. Общая численность отряда Деветта не превышала теперь 2 500 человек, зато это были опытные, дисциплинированные бойцы.

После падения Претории в середине лета 1900 г. Деветт совершил второй глубокий рейд, причинивший англичанам большой вред. 3 июня отряд Деветта захватил обоз из 60 подвод с охраняющей его командой. 7 июня он взял в плен батальон милиции. 13 июня Деветт силами отряда в 300 человек взял в плен под Линдлеем батальон английских стрелков численностью в 500 человек. В конце июня он напал на пост у ст. Гоннинг Спруит, задержал там поезд, разрушил железнодорожный путь на протяжении 30 км и разгромил английский отряд в Гейльбронне, захватив здесь в плен без единого выстрела 200 солдат.

Для борьбы с партизанами генерал Робертс выслал до 20 батальонов пехоты и 16 эскадронов конницы, всего около 20 000 человек против нескольких тысяч партизан. Попытка англичан окружить отряд Деветта окончилась неудачей. Заблаговременно предупрежденный населением о намерениях противника, отряд ушел, попутно разрушив в нескольких местах полотно железной дороги и уничтожив несколько подвижных составов. По окончании рейда Деветт распустил людей по домам, оставив при себе лишь небольшой отряд в 200 человек, с которыми и прибыл в северо-восточную часть Оранжевой республики у г. Эландсберга. Это была его база.

Третий рейд, проведенный в октябре 1900 г., и все последующие рейды Деветта наносили не менее серьезный ущерб английской армии. Они попрежнему отвлекали огромные силы англичан, несших тяжелые потери в бесплодных поисках партизан.

В начале февраля 1901 г. Деветт предпринял вторжение в Капскую колонию. Отряд его в это время состоял из 2 000 человек, при нем находился президент Оранжевой республики Штейн. Организация рейда облегчалась действиями бурских отрядов, проникших в Капленд на несколько месяцев раньше.

Блестяще проведенный рейд не принес, однако, желаемых результатов, так как африкандеры, на активную помощь которых Деветт рассчитывал, восстания не подняли, ограничившись одной лишь продовольственной помощью отряду.

Английское командование сосредоточило огромные силы для поимки отважного партизана. Но все его старания оказались тщетными. Ловкими, изворотливыми, чисто партизанскими приемами Деветт обманул своих многочисленных преследователей: его отряд на глазах у противника переплыл верхом на лошадях р. Оранжевую и скрылся в горах Эландсберга.

Тактика, применяемая Деветтом, была характерной для всех других многочисленных бурских партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории. На обширном пространстве (превышавшем территорию современной Германии) 16 000—20 000 партизан вели героическую борьбу против 300-тысячной армии англичан.

В конце мая 1901 г. английский полковник Линг следующим образом описывал расположение бурских партизанских отрядов: «Главным командующий Луи Бота находится в округе Каролины, имея при себе около 3 500 воинов; Эразм — к северу от Мидесбурга (600 человек); Бейер — в окрестностях Претории (800 человек), состоя в постоянной связи с Делареом, действующим к западу от Претории (2 000 человек); Смэтс действует в округе Клерксдорпа (500 человек); Вильом и Хр. Бота (1 200 человек) — на пространстве между Эрмело и Стандартоном. Все это в Трансваале. По Оранжеву свободно движется, куда хочет, Де-

ветт (2 000 человек), преимущественно держась к востоку от Блумфонтейна. При своей замечательной подвижности он поддерживает связь с Хр. Бота, а следовательно и с Луи Бота, а через Смэтса и с Делареєм. Наконец, он же находится в соприкосновении и с отрядом Круйцингера, оперирующим на территории Капландии. Круйцингер (800 человек) своими движениями изрезывает страну от границ Оранжа почти до Порт-Елизабет. Его помощники, Малин, Шипер, Ван-Тондер и Фури (всего 2 500 человек) рассеяны в центре Капландии, а западнее еще действует Гэзбрук (800 человек) и Герцог с Де-Вилье, Преториусом и Брандом (1 500 человек)»⁴.

Бессилие англичан перед ловким и неуловимым противником оказывало деморализующее действие на оккупационные войска. Панические настроения, чувство неуверенности стали проникать и на страницы английской буржуазной печати. Уже в начале 1901 г. в английских газетах начали появляться статьи, выражавшие сомнение в успешном окончании боевых операций в Южной Африке. Южноафриканский корреспондент «Times» в начале мая 1901 г. писал: «Все поголовно офицеры и солдаты до-нельзя утомлены и их командиры уже не решаются требовать от них жертв, каких всегда могли ожидать раньше»⁵. Та же газета в другой обзорной статье писала, что усталость солдат от изнурительной войны все более напоминает «деморализацию». «Наиболее гнетущим во всем этом деле,— подчеркивал автор статьи,— является то, что буров меньше и они сражаются бессменно, англичан больше и их состав обновляется непрерывно, но буры еще не устали, а английские войска переутомлены и командиры уже не полагаются на своих солдат».

Действия партизанских отрядов развивались вполне успешно вплоть до лета 1901 г. Лишь во второй половине 1901 г. для партизан стала складываться неблагоприятная обстановка, и положение на всех участках борьбы постепенно начало изменяться в пользу английских войск. Этот поворот был обусловлен многими причинами. Со стратегической точки зрения буры допустили серьезнейшую ошибку в первый период войны: им не удалось организовать решительные и последовательные действия для захвата всего Капленда. Повторилась эта же ошибка и в начале второго периода войны. А между тем развертывание боевых операций в Капской колонии, при условии более решительного вовлечения в борьбу голландского населения Капленда, расширило бы театр войны и создало бы для англичан серьезную угрозу их сухопутным силам, их тылу. Подобный метод ведения войны, с широким применением наступательной тактики сделал бы положение англичан чрезвычайно критическим.

Серьезнейшей ошибкой буров была их пассивно-оборонительная тактика, являвшаяся результатом недооценки значения активных наступательных операций. Вместе с тем и сама организация излюбленной бурами обороны наряду со многими положительными сторонами (меткость ружейного огня, умелое использование местности, создание искусственных укреплений и др.) имела и существеннейшие недочеты, в конце концов обнаруженные и использованные противником.

Основными недостатками обороны республиканцев были чрезмерное разрежение их цепей, отсутствие резерва и занятие сильно удаленных друг от друга пунктов, находившихся вследствие этого в слабой огневой связи. Следует отметить также невнимание буров к разведывательной службе и поразительное равнодушие к судьбе ничем не защищенных флангов.

Растянность оборонительных линий делала невозможным общее управление боем и сводила к нулю роль старших командиров. Деятельность последних ограничивалась при таком положении дела лишь определением места боя и распоряжениями, касающимися обоза. Разрежен-

⁴ Южков. «Русское богатство» № 6 за 1901 г., стр. 171.

⁵ «Times» от 3—5 мая 1901 г.

ность цепей и связанное с нею отсутствие управления боем (при отсутствии резерва) делали невозможным переход в наступление после отбитой атаки, а следовательно, и сколько-нибудь серьезный стратегический успех.

Очень вредило бурам отсутствие у них твердой воинской дисциплины, отсутствие единоначалия. Как правило, все операции подвергались предварительному обсуждению на военных советах, затем на общих собраниях командования, причем нередко бывало так, что пока длилось обсуждение — менялась обстановка, и операция теряла смысл. Более организованными и целенаправленными стали действия буров с переходом к партизанской войне.

Командиры партизанских отрядов стали держать теперь свои войска не на позиции, а в лагерях, разбросанно по всему району предполагаемого наступления противника. Обнаружив при посредстве патрулей неприятельские войска, буры занимали выгодную позицию, нередко устраивая засады на флангах, и неожиданным ударом добивались разгрома и капитуляции врага. В случае же неудачи буры садились на своих коней и рассеивались в разные стороны, с тем чтобы вскоре собраться в заранее условленном месте.

Новый способ ведения войны характеризовался активной тактической обороной в широко задуманном общем стратегическом наступлении. Целью этого наступления являлась дезорганизация тыла противника с одновременным нанесением отдельным частям оккупантов мелких деморализующих ударов. Эта цель в значительной своей части была достигнута, но она уже не могла обеспечить бурам решающую победу. Англичане располагали огромными людскими и экономическими резервами, в то время как материальные и людские ресурсы партизан иссякали с каждым днем. В такой обстановке решающее поражение оккупантам могла нанести лишь сильная регулярная армия, которой буры не имели.

Но и партизанские действия бурских команд во второй половине 1901 г. становились все менее и менее успешными. Одной из причин этого было изменение тактики в войсках противника. По инициативе Китченера группировка английских войск большими массами была заменена системой летучих колонн, которые, находясь в непрерывном движении в различных районах страны, вели более эффективные действия против партизанских отрядов.

Другой мерой было создание непрерывных цепей блокгаузов вдоль железнодорожных и стратегических линий. Назначение блокгаузов состояло в изолировании отдельно действующих партизанских отрядов, в стеснении свободы их передвижения. Блокгауз представлял собою укрепленный пункт, сооружаемый из камня или железа, неуязвимый для огня, расположенный на расстоянии ружейного выстрела от соседних пунктов такого же типа. Вместимость блокгаузов колебалась от 10 до 15 человек. К июлю 1901 г. блокгаузы были построены на протяжении 4 500 км. По всей линии блокгаузов, а также вокруг каждого из них была протянута колючая проволока и вырыты рвы глубиной от 3 до 6 футов. Для лучшего обозрения местности блокгаузы нередко располагались зигзагами. Следует отметить, что блокгаузы, на строительство которых английское правительство затратило огромные средства, оказались в общем довольно наивным мероприятием. Встречая на своем пути блокгаузы, все более или менее значительные отряды партизан сравнительно легко преодолевали их. Некоторое значение блокгаузы имели лишь в борьбе с мелкими группами партизан, да и то лишь днем.

На ухудшение положения партизанских отрядов большое влияние оказывал недостаток оружия и боеприпасов. Уже после падения Претории из 32 000 000 заготовленных к войне патронов оставалось не более 1 000 000, да и то большей частью не к маузеровским винтовкам.

а к ружьям системы Генри Мартини. Не меньшую нужду буры испытывали в снарядах для артиллерии.

Большим преимуществом англичан было применение ими в больших масштабах скорострельных пушек (системы Виккерс-Норденфельд) и пулеметов, показавших уже в период англо-бурской войны свои исключительные возможности. Буры также имели пушки Норденфельда и пулеметы, но применяли их ввиду недостатка снарядов и патронов очень редко.

Вышеуказанные недостатки, тактические и материального порядка, однако, не исчерпывают все причины, объясняющие успешное завершение английской авантюры в Южной Африке в 1902 г. Немалое значение имели при этом также причины чисто политического характера. Так, например, буры излишне надеялись на помощь европейских стран в их борьбе с английскими империалистами. Как известно, капиталистические государства Европы не пошли дальше платонических пожеланий. Специальная поездка по столицам Европы престарелого президента Трансвааля Крюгера с целью снискать там сочувствие к народу, борющемуся за свою независимость, не имела успеха.

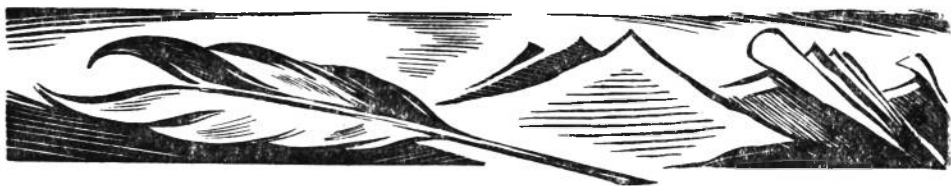
Сыграло свою роль также и излишнее великодушие буров к своему противнику. Напротив, англичане, стремясь деморализовать партизанские отряды, стремясь лишить их продовольственных и иных материальных ресурсов, развернули в стране жесточайшие репрессии по отношению к семьям буров.

К 27 апреля 1901 г. только в одной лишь Оранжевой республике было 15 концентрационных лагерей, где находились 20 000 буров и 12 000 человек туземного населения. В Трансваале общее число заключенных превышало 25 000 человек. В июле того же года в концентрационных лагерях обеих республик содержалось более 100 000 человек. Как жилось заключенным в лагерях, видно, например, уже из того, что смертность детей в лагерях достигала 400 человек и более на тысячу. Только таким путем английские империалисты смогли добиться порабощения свободных бурских республик.

Однако общие результаты англо-бурской войны далеко не во всех отношениях были благоприятными для «победителей». Героический отпор, оказанный бурским народом интервентам, весь ход англо-бурской войны рассеяли в прах созданную буржуазной печатью версию об исключительных качествах английской армии. Война, навязанная Великобританией двум бурским республикам, была в сущности первой в эпоху империализма войной, которую Англия вела своими средствами, при помощи собственных войск. Впервые за несколько столетий Англия, рассчитывая на легкую победу, нарушила свою традиционную политику — воевать чужими руками. Эта война, в которой огромная колониальная держава обрушила всю мощь своей военной организации против двух слабых в промышленном отношении республик с населением не более 2 000 000 человек, тянулась целых три года. Победа стоила английскому империализму огромных потерь и сильнее всего напряжения всей военной и хозяйственной системы империи.

С другой стороны, реализация англичанами захватнических планов в Южной Африке означала крах экспансионистских устремлений германского империализма, который так же, как и английский, пытался распространить свое влияние на юг Африки. Поражение Германии в этом вопросе завязало новый узел в клубке англо-германских империалистических противоречий, приведших в 1914 г. к мировой войне.

В. МИНАЕВ

РАЗВЕДКА В СЕМИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ

(1756—1763 гг.)

К началу Семилетней войны подрывная деятельность обеих коалиций — Австрии, Франции, России, с одной стороны, Пруссии и Англии, с другой, — достигла огромных размеров. «Просматривая дипломатические акты того времени, — пишет Меринг, — попадаешь в такую непрерывную переплетающуюся сеть интриг и предательств, в которой, кажется, почти невозможно найти какую-нибудь связывающую нить, но в конце концов приходишь к тому, что все эти слухи и шпионские выслеживания, все хозяйничанье фаворитов и фавориток, все большие и малые дворцовые перевороты взаимно уничтожают друг друга, и исторические условия существования государств выступают на сцену с несокрушимой силой»¹.

Особых успехов достигает на этом поприще король Фридрих II, который, учтя богатый опыт разведки, накопившийся к этому времени, разработал целую систему политического и военного шпионажа. В одном из своих произведений он писал: «На войне приходится действовать то с отвагой льва, то с лукавством лисицы; где не берет сила, там возьмет хитрость. Поэтому безусловно необходимо пользоваться и той, и другой»².

Для создания кадра офицеров, которые могли бы руководить разведывательной службой в военное время, Фридрих отобрал 12 человек, уже знакомых с этим делом, и создал для них в 1757 г. своего рода курсы. Эти офицеры были названы «квартирмейстер-лейтенантами». На курсах они получили соответствующую подготовку по всем отраслям военного искусства. Впоследствии с этой же целью он учредил в Берлине школу генерального штаба.

Установив по материалам разведки неподготовленность своих противников к войне, Фридрих решил немедленно начать военные действия. В конце августа 1756 г. безо всякого, хотя бы формального, повода прусские войска вторглись в Саксонию и за короткий срок оккупировали ее территорию. В Дрездене Фридрих постарался прежде всего овладеть секретным архивом саксонского правительства.

Располагая точными сведениями, что русская армия начнет свои операции против него не ранее середины лета и что по вопросу наступления между французами и австрийцами имеются разногласия (французы намеревались ограничиться действиями на севере Германии против Ганновера, а австрийцы настаивали на совместных операциях обеих армий в Саксонии и Богемии), Фридрих уточняет план кампании 1757 г. В этом плане центральное место он отводит действиям против Австрии.

В наиболее критический для Пруссии момент этой кампании Фридрих спас ее от полного разгрома главным образом благодаря своему

¹ Ф. Меринг. Очерки по истории военного искусства, стр. 478. Воениздат, 1938 г.

² Цит. по книге В. Клембовского. Тайны разведки, 1-е изд., 1892 г., стр. 16.

умению находить в стане врага в нужный момент предателя. После победы русских войск при Гросс-Егерсдорфе положение Пруссии весьма осложнилось. Австрийцы угрожали Берлину, а французы — Магдебургу. Спас Пруссию не кто иной, как главнокомандующий французской армией герцог Ришелье. Фридрих, хорошо зная, что Ришелье питал глубокую неприязнь к Австрии, завел с ним связи еще до войны и подерживал их во время войны. В критический момент ему удалось подкупить Ришелье за 100 000 талеров. Получив солидную сумму, Ришелье прекратил активные действия против Пруссии и тем самым дал возможность Фридриху свободно оперировать на других фронтах³.

Развергивая операции против южной франко-имперской армии, Фридрих умело использует разногласия между главнокомандующими этих армий — маршалом де-Субиз и князем Гильдбурггаузен. Соотношение сил складывалось в пользу союзников. Но путем беспрестанных передвижений отдельных своих частей из одного места в другое и переменой их названия и нумерации Фридрих ввел Субиза в заблуждение относительно действительной численности своих войск. Вследствие этого французы не рисковали активизировать свои операции и ограничивались обороной.

Теми же методами шпионажа, шантажа и обмана Фридрих пытается парализовать наступательные действия русской армии. Главнокомандующий русскими войсками Апраксин и некоторые другие царские генералы находились под постоянным наблюдением фридриховских шпионов. Дейтельную помощь в этом отношении ему оказывали англичане, которые, пользуясь тем обстоятельством, что дипломатические отношения между Англией и Россией не были прерваны⁴, организовали в Петербурге свою шпионскую сеть. Шпионско-заговорщическая группа, созданная английским послом в России Уильямсом, наметила широкий план действий. Помимо шпионажа, английская агентура была занята тогда активной подготовкой захвата власти супругой наследника Екатериной с тем, чтобы воспрепятствовать выступлению России против Пруссии. Уильямс ловко вовлек в свои сети постоянно нуждавшуюся в деньгах будущую императрицу, ссужая ее время от времени большими суммами⁵. Из разговоров с Екатериной, которая находилась в дружеских отношениях с Апраксиным, Уильямс узнавал многие сведения о предполагаемых действиях русской армии.

После отъезда Апраксина в действующую армию Уильямс писал своему правительству: «Посылаю вам самые верные известия, которые только удалось мне получить относительно планов, касающихся русской армии. Они были сообщены мне здешним лучшим моим другом — великою княгиней. Она имела весьма продолжительный разговор с фельдмаршалом Апраксиным в ночь накануне его отъезда в Ригу...»⁶.

Лондонский кабинет, получив эти сведения, тотчас же передал их Фридриху, а последний сообщил их генералу Левальдту, командовавшему прусскими войсками.

Уильямс, полагаясь на свои шпионские связи, рассчитывал добыть даже копию инструкции, данной русским правительством Апраксину перед его отъездом. «Я все еще надеюсь, — пишет в другом месте Уильямс, — добыть инструкцию, данную Апраксину; мне обещали уже два раза, но эти обещания еще не исполнены». В этом сообщении Уильямса нет ничего невероятного, так как все секретные протоколы

³ См. Сухотин. Фридрих Великий, стр. 154, 166, 175 и Кони. История Фридриха Великого, стр. 298, 1868 г.

⁴ Так как формально война шла только против Пруссии.

⁵ В ноябре 1756 г., перед вступлением России в войну, Екатерина II получила от Уильямса заем в сумме 44 000 рублей.

Депеша Уильямса от 18 декабря 1756 г.

специальной Конференции, образованной императрицей Елизаветой для руководства действиями русской армии, тотчас становились известными Лондону и Берлину. В этом случае одним из источников осведомления Фридриха мог быть и наследник Петр, который одно время был членом Конференции. Как пишет в своих воспоминаниях княгиня Е. Р. Дашкова, Петр III после своего восшествия на престол однажды открыто хвалился в присутствии Волкова (являвшегося фактически секретарем Конференции) тем, что он о всех решениях Конференции заблаговременно ставил в известность Фридриха⁷.

Если в Петербурге в дипломатических салонах и при царском дворе развязно орудовала англо-прусская агентура рангом покрупнее, то в Польше, Литве и Курляндии передвигалась с места на место под видом мелких торговцев, комиссионеров, холодных цирюльников и тому подобных профессий целая армия лазутчиков. Была среди них и оседлая агентура, содержащая в пунктах, имеющих стратегическое значение, трактиры, постоянные дворы или лавки. Русский представитель при Августе III Гроос в своей депеше от 15 ноября 1756 г. предостерегал русское правительство от прусских шпионов. Он указывал в особенности на «некоторого капитана Ламберта, который объявляет себя английским офицером, но прямо главным есть шпионом на российской границе...»⁸.

Прусские шпионы находились и в штабе главнокомандующего русской армией⁹. Некоторые из них, подобно Тотлебену, носили даже генеральский мундир. Вестовой самого Апраксина вахмистр Молдавского гусарского полка Келлер был также прусским шпионом. Келлер неоднократно пробирался в расположение пруссаков и передавал им секретную информацию. В результате он был разоблачен, но ему удалось бежать. В своих происках прусский король пользовался тайной поддержкой целого ряда генералов и офицеров русской армии — немцев по своему происхождению. Есть основания предполагать, что Апраксин также находился «под некоторым влиянием» Фридриха. Яркой иллюстрацией этого служит сражение при Гросс-Егерсдорфе 30 августа 1757 г. Разбив после кровопролитной битвы (во время которой пруссаки потеряли убитыми и ранеными примерно 6 000 человек — вдвое больше, чем русские) корпус генерала Левальдта, Апраксин абсолютно не использовал плодов своей победы. В то время, как эта победа открывала путь для беспрепятственного движения на столицу Пруссии — Берлин, Апраксин дал приказ об отступлении в Польшу и очистил без всякого понуждения со стороны противника всю занятую им до того прусскую территорию. Действия Апраксина вызвали в русском обществе справедливые обвинения его в измене и пособничестве Фридриху. Он был смещен со своего поста и предан суду.

Информаторами Фридриха были также и некоторые русские посланники за границей, например, граф Головин в Гааге, Кайзерлинг — в Вене. Подобные преступные действия отдельных представителей царского командования не раз парализовали успехи русского оружия.

Другим, не менее ярким примером является операция графа Тотлебена против прусских войск в районе Берлина в сентябре 1760 г. Тотлебену, командовавшему авангардом русской армии, который состоял из сильного отряда всех родов оружия, был дан приказ овладеть столицей Пруссии — Берлином. «Но Тотлебен, двигавшийся до Вустергаузена весьма быстро и энергично, с приближением к цели стал действовать

⁷ Архив князя Воронцова, Бумаги княгини Е. Р. Дашковой, стр. 41.

⁸ Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, т. I, приложение, стр. 247, Москва, 1886 г.

⁹ Донесение одного такого прусского агента опубликовано в XI т. Архива князя Воронцова.

крайне вяло и нерешительно»¹⁰. Подойдя к Берлину утром 2 октября, он в бездействии простоял целые сутки, ограничившись безвредной бомбардировкой стен города, и только ночью предпринял слабую попытку штурма Котбусских и Галльских ворот. Когда же посланные им на штурм гренадеры, несмотря на свою малочисленность, все-таки овладели Галльскими воротами, то он не поддержал их, вследствие чего они вынуждены были отступить. На другой день в Берлин вступил авангард принца Вюртембергского, спешившего на выручку столицы, и Тотлебен дал приказ об общем отступлении. Свою медлительность Тотлебен пытался свалить на Чернышева. Только после того, как другой отряд русских войск под командой графа Чернышева начал наступление на Берлин со стороны Лихтенберга и Бисдорфа, отряд Тотлебена вновь двинулся на прусскую столицу. Но и в этом случае он действовал нерешительно и дал возможность пруссакам собрать свои разрозненные части и ввести их в Берлин.

После вступления русских войск в Берлин Тотлебен немедленно завязал тесные сношения с местными властями и без ведома Чернышева (который был по чину старше), заключил договор о капитуляции на весьма выгодных для пруссаков условиях. Измена Тотлебена была одной из главнейших причин, почему русская армия не только не закрепила крупного стратегического успеха — занятия столицы неприятеля, — но и не уничтожила находившихся в Берлине военных запасов и военных предприятий. Русские ограничились сравнительно небольшой контрибуцией и освободили город от постоя.

История появления Тотлебена в русской армии и быстрого продвижения его по должностной лестнице особенно наглядно свидетельствует о наличии разветвленной шпионской сети Фридриха среди высшего командования русской армии. Тотлебен, будучи прусским шпионом, проник в русскую армию по специальному заданию Фридриха. Перед началом войны он выразил желание сражаться против Пруссии и был принят в качестве волонтера. Генерал русской службы — немец Пальменбах представил его за мнимое отличие под Кольбергом к производству в офицерский чин. Конференция, куда пошло это представление, вопреки всем законам о чинопроизводстве, произвела Тотлебена сразу в генерал-майоры. В этом явно была видна рука фридриховских агентов, орудовавших в высшем военном управлении России. Продвижению этого матерого шпиона по службе не смогло помешать даже сообщение русского резидента в Данциге Мусина-Пушкина о неблагодетельности Тотлебена. «В минувшем апреле месяце, — писал Мусин-Пушкин, — из Гамбурга я был предупрежден, что он (Тотлебен) тамо весьма подозрительным почитается, не имея ни с кем обхождения, окромя резидента (прусского)»¹¹.

Разоблачить Тотлебена удалось только летом 1761 г. подполковнику Аш, состоявшему при Тотлебене. Аш обратил внимание на подозрительные связи Тотлебена с прусским командованием. Он установил, что Тотлебен располагает большими денежными средствами и собирается приобрести крупное поместье (перед этим Тотлебен уже купил в Померании дом и сад). О своих подозрениях Аш написал новому главнокомандующему русской армией фельдмаршалу Бутурлину и поделился этим со своими сослуживцами-офицерами. Когда однажды Тотлебен приказал проводить с охраной до Кюстрина (прусская крепость) одного силезского купца Исаака Сабатки, офицеры решили арестовать последнего. Подозрения их оправдались. При обыске в одном из сапогов Сабатки была обнаружена шпионская информация и среди нее зашифрованное письмо самого Тотлебена. Арестованный Тотлебен, как и Сабатки,

¹⁰ Леер. Обзор войн Россия, т. IV, стр. 210—211, СПб, 1898 г.

¹¹ Денеша Мусина-Пушкина от 14 августа 1758 г.

вначале пытался отрицать свою связь с Фридрихом, но, припертый к стене, вынужден был признать ее. Несмотря на всю очевидность предательства Тотлебена, разбор его дела затянулся до 1763 г., когда военный суд приговорил его к смертной казни. Однако Екатерина II ограничилась высылкой его за границу¹².

Несмотря на все происки фридриховских шпионов, на подкупы и прямую измену царских генералов, не удалось сломить героизма и исключительных боевых качеств русских солдат. Движимые чувством горячей любви к родине, они проявляли поистине чудеса храбрости и неустрашимости и одержали многочисленные победы над прославленной армией «великого» Фридриха.

Широко развитую систему шпионажа и подкупов Фридрих дополнял методами дезинформации противника. Он делал это путем распространения ложных слухов, мнимых отступлений и передвижений своих войск. Предприняв весной 1758 г. поход в Моравию с целью овладеть крепостью Ольмюц, Фридрих из-за недостатка боевых припасов попал в крайне затруднительное положение. Австрийские войска под командой фельдмаршала Дауна окружили его со всех сторон, отрезав от Силезии и не пуская в Богемию. Прусская армия находилась накануне капитуляции.

Тогда Фридрих прибег к следующей хитрости. Он написал письмо на имя коменданта прусской крепости Нейсе (в Силезии) с приказанием заготовить на всю армию продовольствие и фураж и отправил его с курьером. Последний получил указание ехать такой дорогой, чтобы обязательно попасться в плен к австрийцам, что он и выполнил. Расыграв в австрийском штабе сцену притворного отчаяния и нежелания расстаться с доверенной ему депешей, курьер достиг того, чего именно желал Фридрих. Даун, поверив перехваченной депеше, немедленно произвел перегруппировку основной массы своих войск в Силезию с тем, чтобы преградить дорогу Фридриху. Тем самым он открыл пруссакам путь в Богемию. Этой оплошностью сейчас же воспользовался Фридрих, ускользнув через образовавшуюся щель.

В другой раз он подослал своего агента во французско-имперский лагерь, расположенный у города Готы, с поручением сообщить союзникам о движении на Готу сильной прусской армии. В лагере произошло большое смятение. Воспользовавшись этим, Фридрих произвел налет на город и захватил его.

Нередко, в целях введения в заблуждение противника, Фридрих использовал пойманных неприятельских шпионов. В Шмидберге к Фридриху привели обнаруженного там шпиона принца Карла Лотарингского, командовавшего австрийскими войсками. Допрашивая шпиона, Фридрих внушил ему, что прусская армия в случае приближения противника отступит к Бреславию. Затем шпиону была дана возможность совершить побег. Вернувшись к австрийцам, он рассказал о намерении Фридриха отступить. Принц поверил ему, и в результате попался в подготовленную ловушку.

Однако не всегда Фридриху удавались его военные хитрости. Так, когда принц Карл Лотарингский со своей армией расположился в Лаузице (август 1757 г.), Фридрих пытался дать ему решительное сражение, надеясь разбить его до подхода шедших на помощь австрийских войск. Для этого нужно было прежде всего заставить Карла оставить занимаемую им отличную позицию, в условиях которой нападение было немыслимо. Однако никакие ложные маневры прусской армии вокруг австрийского лагеря не приводили к желаемому результату. Карл оставался на месте. В целях введения в заблуждение противника Фридрих

¹² Архив Воронцова, т. VII, стр. 393.

собрал к себе на ужин весь свой генералитет для обсуждения с ним плана предстоящей атаки. Импровизированный военный совет происходил на открытом воздухе, причем караульным было дано указание не отгонять любопытных. Расчет Фридриха на то, что среди последних могут быть австрийские шпионы, оказался вполне правильным. В ту же ночь принц Лотарингский получил подробную информацию. Но, уже раз введенный в заблуждение Фридрихом, Карл понял истинные намерения своего противника и продолжал твердо стоять на своей позиции.

Особенное значение Фридрих придавал тщательному сохранению военной тайны. Готовясь к Семилетней войне, он часто производил маневры своих войск вокруг Берлина. В учебные лагеря, где происходили маневры, не получали доступа даже прусские офицеры, если они не имели к ним прямого отношения. Маневренное поле обычно окружалось густой сетью постов и секретов. Этим путем Фридрих достиг сохранения в тайне новых тактических приемов, примененных им впоследствии на войне. Разработанные им планы операций Фридрих, как правило, сообщал исполнителям только перед самой их реализацией.

Постановка разведывательной службы у других участников Семилетней войны — Франции, Австрии, России — как по своим масштабам, так и по организации и системе работы, значительно отставала от Пруссии. Во Франции при Людовике XV военно-политическая разведка потеряла то значение, которое она имела при его предшественниках. Генерал Барден утверждал, что французы в начале Семилетней войны вовсе не имели на театре военных действий агентурной разведки. Только в процессе войны они убедились в необходимости организации шпионажа и создали в армии даже специальную должность начальника разведки.

У австрийцев в период Семилетней войны разведка была организована несколько лучше, чем у французов. Австрийские полководцы придавали ей большое значение. Еще Монтекуколи в середине XVII в. говорил, что «шпионы и проводники столь же необходимы главнокомандующему, как глаза для человека». Однако разведывательная служба в австрийской армии в Семилетнюю войну продолжала оставаться по существу делом отдельных ее полководцев, не имея того централизованного руководства и, главное, изобретательности, которые были у Фридриха. Наиболее значительным мероприятием австрийской разведки за время этой войны была попытка захватить Фридриха в плен и овладеть с помощью предателя крепостью Магдебургом.

Зиму 1760 г. Фридрих проводил со своей армией в Штреленском лагере. Жил он вне городских стен в сельском домике, сад которого примыкал к имению силезского помещика барона Варкоч. Австрийские войска расположились на зимние квартиры недалеко от Штрелена. Австрийский полковник Валлис решил попытаться захватить в плен прусского короля живым или мертвым. С этой целью, при посредстве католического ксендза Шмидта, он вступил в тайные сношения с бароном Варкоч, которому предложил от имени австрийского правительства 100 000 червонцев за похищение Фридриха и передачу его Австрии. Но этот план был разрушен егерем Варкоча. Будучи послан последним к Валлису с письмом, в котором сообщалось, что к похищению короля все подготовлено, егерь по дороге прочел это письмо и предупредил Фридриха о грозившей ему опасности. Это покушение на его жизнь Фридрих поспешил использовать для дискредитации австрийской королевы Марии-Терезии и командования австрийской армии. Австрийскому правительству пришлось официально заявить о своей непричастности к этому делу и уволить полковника Валлиса со службы. Однако, когда шум, поднятый Фридрихом, утих, Мария-Терезия назначила Варкочу, скрывшемуся в Венгрии, пожизненную пенсию.

Вторым наиболее крупным актом из деятельности австрийской разведки является попытка при помощи шпиона Тренка захватить Магдебургскую крепость.

Еще до начала Семилетней войны австрийцы подкупили одного из адъютантов Фридриха — барона Тренка. Уличенный в измене в пользу Австрии, Тренк был заключен Фридрихом в тюрьму. Из тюрьмы Тренку удалось бежать в Австрию... Во время войны он тайно прибыл в Пруссию с целью шпионажа, но был опознан и заключен в Магдебургскую крепость. Крепость эта имела для Фридриха огромное значение; под ее охраной находилось его семейство, его золотой запас, государственные архивы и главные магазины прусской армии. С потерей Магдебурга у Пруссии были бы отняты все возможности для дальнейшего ведения войны.

В каземате Магдебургской цитадели Тренку удалось завести переписку с австрийцами и по их поручению организовать заговор среди заключенных с намерением передать крепость неприятелю при его приближении. Замыслу Тренка благоприятствовала и малочисленность крепостного гарнизона. Но план этот не удался вследствие того, что переписка Тренка своевременно была перехвачена разведкой Фридриха.

Небезынтересно, что сам Фридрих оказался однажды жертвою обмана своего шпиона, завербованного австрийской разведкой. Этот прусский шпион, находившийся в австрийской армии, доставлял Фридриху сведения через продавца яиц. Последний обыкновенно передавал записки в пустом яйце, залепив отверстие воском. Но деятельность шпиона была раскрыта австрийским командованием, и в целях введения в заблуждение Фридриха ему было предложено отправлять своему королю ложные показания. Сам Даун, командующий австрийской армией, диктовал шпиону записки королю и уверял в них, что австрийская армия готовится к отступлению в Богемию. Не подозревая, что шпион перешел на службу к австрийцам, Фридрих поверил донесениям и был введен в заблуждение, в результате чего понес тяжелое поражение в сражении у Гохкирха (14 октября 1758 г.).

Военная разведка царской России получила широкое развитие в период, еще предшествовавший Семилетней войне, когда к руководству иностранной коллегией пришел Бестужев.

Военно-разведывательные материалы поступали от русских посланников: от Голицына — из Лондона, от Гросса — из Дрездена, от Салтыкова — из Гамбурга, от Головина — из Гааги, от Корфа — из Копенгагена, от Мусина-Пушкина — из Данцига. Благодаря систематическим донесениям русских посланников коллегия иностранных дел располагала обстоятельными сведениями о состоянии армий большинства европейских государств, подробными данными об их военном бюджете, внутреннем положении и пр. Императрица Елизавета Петровна для целей военной разведки впервые прикомандировала к русским посольствам за границей офицеров. В 1757 г. в состав русского посольства в Константинополе были включены два офицера — братья Долгоруковы.

Собираемую таким путем информацию иностранная коллегия систематически передавала военному ведомству. Так, например, в отношении иностранной коллегии от 14 мая 1756 г. сообщается об отправке сведений «о всей прусской военной силе, и о экзерциции, и о порядках при баталиях, и о состоянии крепостей, и дорог, да оригинальные планы прусских крепостей — Штетина, Пилау и Мемеля и карты Пруссии и Литвы для известной военной коллегии сообщены...»¹³.

Наряду с организацией военной разведки силами царской дипломатии военно-разведывательная деятельность в России получает развитие

¹³ Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, т. I, приложения, стр. 89.

по линии генерального штаба. Офицеры квартирмейстерской части, как первоначально назывался русский генеральный штаб, являлись организаторами как агентурной, так и войсковой разведки в действующей армии во время Семилетней войны. За несколько лет до начала Семилетней войны два русских офицера — подполковники Виттинг и Этингер — произвели негласный объезд Восточной Пруссии, Литвы и Белоруссии с целью сбора военно-статистических данных по этим областям. Когда война началась, собранные ими сведения потребовали освежения и значительного дополнения. Сбор новых сведений командование русской армии поручило произвести офицерам квартирмейстерской части под руководством полковника Шпрингера. Шпрингер разослал в районы будущих военных действий большую группу офицеров.

«Основания — для производства рекогносцировки были следующие: 1) офицеры должны были отправиться «под видом своих нужд»; 2) иметь при себе компасы и особенно солнечные часы; 3) так как рекогносцировавшие офицеры не могли себя обнаружить, то приказано возвратиться по тем же путям, чтобы лучше заметить, что нужно; 4) сведения о путях требовалось внести в секретный журнал (формуляр)»¹⁴. Офицеры были выбраны из числа хорошо владевших немецким языком и знакомых с краем. Впоследствии для целей разведки широко пользовались услугами саксонских офицеров. Кроме того, в Варшаве находился офицер квартирмейстерской части Веймарн, который под видом выполнения дипломатических поручений занимался агентурной разведкой.

Из офицеров, разосланных Шпрингером, наибольшую активность и умение проявил обер-квартирмейстер Сиверс. Собранная им информация отличалась особой полнотой. Сиверс, пишет Масловский, проник до Мемеля, где заметил, что «работы при Мемельской крепости, продолжают... и под землю новые мины роют». Силу гарнизона определяет Сиверс в 2 400 человек. Рвы углублены и усилены полисадом. План крепости Сиверс достать не мог, но обещал за него 100 червонцев. Пылау усиливается и вооружается «как ключ Кенигсбергского гавана». «Эльбинская крепость в добром состоянии... В Кенигсберге безотлагательно работы продолжают, и (он) усиливается тяжелой артиллерией... Починка судов, промер Куришгафа... также продолжают... Некоторая часть тяжелой полевой артиллерии в Тильзит послана»¹⁵.

Некоторые офицеры русской армии, например Дальегорский, Шрейдер, Романиус и другие, хорошо владевшие немецким языком и знакомые с местностью, проникали глубоко в тыл прусских войск. Например, известно, «что нарочно посланный офицер через всю Пруссию, проехал до Данцига, будучи в службе лакеем у одной женщины». Адъютант генерала Ливена Фрейман занимался разведкой, переодевшись в форму польского офицера.

Кроме военных разведок с помощью офицеров квартирмейстерской части, главная квартира русской армии пользовалась в Семилетнюю войну услугами шпионов из среды католического духовенства, польской шляхты и местного населения. По имеющимся сведениям, количество тайных агентов или, как их тогда называли, «конфидентов» в начале войны в русской армии было крайне незначительно. Тайная агентурная разведка в русской армии получает несколько большее развитие только с зимы 1758 — 1759 гг., когда были выделены средства для организации шпионажа даже отдельным войсковым начальникам.

¹⁴ В этом формуляре имелся ряд вопросов, на которые офицер обязан был дать ответы. См. Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, т. I, приложения, стр. 74—75.

¹⁵ Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, т. I, приложения, стр. 238.

Однако доставляемые «конфидентами» сведения были невысокого качества, а в отдельных случаях даже ложными¹⁶. Объясняется это, с одной стороны, неумелым подходом русской главной квартиры к своим тайным агентам, с другой — наличием среди последних шпионов-двойников, состоявших, подобно разоблаченному ксендзу Гонтковскому, одновременно в сношениях с Фридрихом II. Не доверяя донесениям «конфидентов», командование русской армии старалось проверять их средствами войсковой разведки, опросом дезертиров, пленных и другими способами.

Войсковая разведка в русской армии в начальный период Семилетней войны также стояла на невысоком уровне. Разведывательная деятельность кавалерии далеко не обеспечивала потребность русской армии в сведениях о неприятеле. К тому же, русское командование не научилось еще ставить перед своей кавалерией конкретные задачи по дальней и ближней разведке. «Сбор сведений о неприятеле в 1757 г., — пишет Масловский, — главным образом основывается на сведениях, предоставляемых шпионами, а не на дальних разведках. Этим мы и объясняем, что, например, наши казаки сумели очистить стратегический фронт от гусар Малаховского и Рюша, но не дали никаких сведений о положении армии Левальда... и только потому, что от них определенно не потребовали»¹⁷.

Только во втором периоде Семилетней войны после занятия Кенигсберга наблюдаются более активные разведывательные поиски легкой конницы русской армии. В последующее время разведывательная служба русской кавалерии получила еще большее развитие, в нее втягиваются временами почти все ее наличные силы под начальством графа Румянцева. От задач тактической разведки, даваемых коннице, русское командование переходит постепенно к более сложным формам глубокой стратегической разведки по всему фронту. Под конец войны сведения о противнике в основном уже доставлялись конницей.

За состоянием и действиями русской армии в Семилетнюю войну следили не только одни шпионы противника, но и агенты «союзников» — Франции и Австрии. Находившиеся при русской главной квартире французские и австрийские офицеры были в не меньшей мере лазутчиками, чем сновавшие вокруг нее агенты Фридриха II. О том, что основной задачей этих офицеров являлся военный шпионаж, свидетельствуют инструкции, получаемые ими от своих правительств. В инструкции, данной французскому офицеру, известному в то время военному писателю и инженеру Монталамберу, говорилось следующее: «Главной заботой Монталамбера должно быть... наблюдение за силами русской армии, характером, талантами и планами Фермора и его помощников. Он должен исследовать самым внимательным образом, какова организация русской армии, какие ее выгоды и неудобства, чего можно ждать от нее в будущем; какой план кампании составил главнокомандующий и происходит ли его деятельность и бездеятельность от приказаний, получаемых им от своего двора или от его личного образа мыслей»¹⁸. Подобного же рода инструкции давались Менаже, Анжелю, Лопиталю, Мейсонье и другим французским офицерам, прикомандированным к русской армии. Аналогичной деятельностью занимался и австрийский военный атташе в штабе русской армии Сент-Андре.

Говоря о войсковой разведке в Семилетнюю войну, выполнявшейся в основном кавалерией, необходимо коснуться эволюции последней

¹⁶ Так, например, наиболее «верный» «конфидент» иезуит Броун (подписывавший свои донесения буквой «Е») своей информацией систематически вводил в заблуждение русское командование.

¹⁷ Масловский. Русская армия в Семилетнюю войну, т. I, приложения, стр. 310.

¹⁸ Цит. по книге П. В. Безобразова. О сношениях России с Францией, изд. 1892 г., стр. 229.

в связи с организацией постоянных регулярных армий. Рыцарство, преобразованное во второй половине XVI столетия в регулярную кавалерию, дало в основном контингенты тяжело вооруженных всадников. «Но эта боевая кавалерия была мало пригодна для столь важной разведывательной службы и даже для преследования»¹⁹. Очевидная необходимость как в ближней, так и в дальней войсковой разведке привела к созданию в ряде европейских армий частей легкой конницы — драгунских, гусарских полков. В этих же целях некоторые государства практиковали формирование иррегулярной конницы. «Для лучшего выполнения разведывательной службы в австрийской армии Евгений Савойский образовал при каждом конном полку особую роту из отборных людей, назначение которых заключалось в противодействии неприятельским разведывательным партиям, производстве набегов и в непосредственном наблюдении неприятельских главных сил. Иногда эти роты соединялись вместе и образовывали значительные отряды (до 4 000 — 5 000 коней) под начальством особого генерала с той целью, чтобы, заняв вблизи неприятельского лагеря выгодную позицию, наблюдать противника, препятствовать его движениям и прикрывать движение своих войск»²⁰.

Фридрих II уделял также много внимания организации легкой кавалерии. Количество гусарских эскадронов он довел с 9 до 80. Однако войны той эпохи и, в частности, Семилетняя отличаются крайне недостаточным использованием кавалерии для ведения войсковой разведки, в особенности дальней. «Верно говорили о тогдашних вождах, — пишет Дельбрюк, — что они не умели пользоваться кавалерией для разведки. Сам Фридрих, проникнув в 1744 г. в Южную Богемию, чувствовал себя как бы отрезанным, хотя он и располагал почти 20 000 кавалерии, он долгое время не мог узнать, где находится австрийская армия. То же самое случилось и в 1759 г., с армией графа Дона, которой было поручено вторгнуться в Познань и связать русских. Тогда не считали, видимо, возможным — говорится в труде Генерального штаба — выпустить из рук этот ценный, трудно заменимый род войск, а если и высылали порою вперед отдельные разъезды на довольно большое расстояние, то не принимали никаких мер, чтобы облегчить им своевременную доставку назад донесений»²¹.

Дельбрюк видит причину этого обстоятельства в ненадежности личного состава кавалерии, что влекло за собою массовое дезертирство при посылке кавалерийских частей на разведки. Положение для тех времен безусловно правильное. Но Дельбрюк «забыл» отметить, что оно относится главным образом к прусской армии, дезертирство в которой носило действительно массовый характер. Чтобы избежать дезертирства, Фридрих комплектовал легкую кавалерию, предназначавшуюся для ведения разведывательной службы, всяким сбродом. Всячески потакая их низменным инстинктам, давая им возможность заниматься грабежом и насилиями, Фридрих таким способом стимулировал приверженность к военной службе и предупреждал дезертирство.

Из опыта Семилетней войны мы приведем два примера, когда отсутствие надлежащей войсковой разведки (в равной мере это относится и к агентурной разведке) имело серьезное влияние на исход крупных боевых операций. В первом случае мы имеем в виду сражение у Праги (6 мая 1757 г.), в котором Фридрих нанес поражение австрийцам. Из-за отсутствия разведывательных данных австрийская главная квартира во время этого сражения была в полном неведении относительно того, что Фридрих, располагавший только 16 000 человек, накануне соединился с корпусом Шверина. У последнего было 48 000 человек. По этой при-

¹⁹ Дельбрюк, т. IV, стр. 247, Воениздат, 1938 г.

²⁰ Пузыревский. Развитие постоянных регулярных армий, стр. 127, СПб, 1889 г.

²¹ Дельбрюк, т. IV, стр. 247, Воениздат, 1938 г.

чине австрийское командование до самой последней минуты не вводило в бой значительной части своих войск, держа их в резерве. В результате из 61 000 австрийцев в бою приняло участие только 40 000 против 64 000 пруссаков. Незнание численности австрийских войск, проявленное Фридрихом после его поражения под Коллином (18 июня 1757 г.), также чуть было не привело к уничтожению корпуса принца Августа Прусского.

Делая общее заключение о роли разведывательной службы в Семилетнюю войну, необходимо отметить, что агентурная разведка, в особенности со стороны Пруссии, играла на всем протяжении войны исключительно большую роль. Удачному исходу ряда операций Фридрих II в значительной мере обязан своей агентурной разведке. Однако, несмотря на шпионские «таланты» прусского короля, его разведка не всегда была на высоте своего положения. При всей неудовлетворительности ведения в Семилетнюю войну войсковой разведки нужно отметить, что в этот период впервые налаживается взаимодействие агентурной и войсковой разведок и контрразведки.

В Семилетнюю войну мы сталкиваемся с зачатками организации в русской армии службы контрразведки. В целях борьбы с прусским шпионажем по русской армии был отдан приказ, предлагавший всем частям строго соблюдать правила пересылки из армии частной корреспонденции, установленные «воинским 128 пунктом артикула». Согласно этим правилам запрещалась посылка из армии всех без исключения частных писем. Кроме того, специальная инструкция на имя генерал-гевалдигера Григорьева предписывала ему торговцев поляков и немцев в лагерь и в армию не допускать, у прибывающих проверять и отбирать паспорта, а не имеющих паспортов брать под арест на предмет проверки личности.

Семилетняя война выявила целый ряд недочетов в организации вооруженных сил России. После вступления на престол Екатерины II была образована специальная комиссия для устранения этих недостатков. В своих выводах комиссия указала, что основными недостатками русской армии в Семилетнюю войну был некомплект старшего командного состава и малое число офицеров квартирмейстерской части. Таким образом последнее замечание комиссии прямо указывает на слабое развитие разведывательной службы по причине недостатка офицеров соответствующей квалификации. На основе предложений комиссии квартирмейстерская часть была преобразована в генеральный штаб. Последнему вменялось в обязанность «заниматься в мирное время подготовительными работами в деле изучения местности и по составлению карт для военных потребностей».

Наконец, несколько слов об освещении роли разведки в Семилетнюю войну в трудах буржуазной историографии. Характерно, что в работах такого крупного немецкого историка, как Дельбрюк, этому вопросу почти не уделено внимания. Русские историки, писавшие о Семилетней войне и о Фридрихе II (Сухотин, Кони и др.), если и привели ряд интересных фактов из деятельности прусского короля по организации разведки, то не сделали абсолютно никаких выводов о влиянии ее на развитие и исход этой войны. Превознося изюм всех сил «гениальность» этого мастера шпионажа и тайной дипломатии, ни один из них не делает правильного вывода о том, почему Пруссия не потерпела окончательного крушения в эту войну. Произошло же это не только благодаря полководческому искусству Фридриха II, но в значительной мере вследствие непрестанных раздоров среди союзников, отсутствия у них единого стратегического плана и широко практиковавшихся Фридрихом II методов «подрывной стратегии» — искусства разжигать и обострять противоречия в стане противников.

ВОЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ ПРОШЛОГО

Фельдмаршал

П. А. РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ

Фельдмаршал П. А. Румянцев принадлежит к славной плеяде русских полководцев, имена которых неразрывно связаны с боевыми традициями русского народа. Суворов не раз давал самую высокую оценку полководческой деятельности Румянцева. «Ему,— говорил он,— нет равного... Суворов ученик Румянцева».

И действительно фельдмаршал Румянцев был основоположником нового направления в военном искусстве русской армии, доведенного до совершенства Суворовым и Кутузовым. Полководческая деятельность Румянцева падает на вторую половину XVIII столетия и особенно ярко проявилась в «турецких» войнах, когда русское государство вело борьбу за обладание берегами Черного моря. Внимательно изучая историю и теорию военного искусства, Румянцев первый из русских генералов своего времени осознал необходимость развития национальной стратегии. Вместе с тем он критически оценил значение линейной тактики Фридриха II; в противоположность существовавшей практике он стремился, однако, не механически заимствовать прусский опыт, а настойчиво работал над совершенствованием тактических принципов Морица Саксонского и Фридриха II применительно к условиям русской национальной армии. Огромный материал дала ему в этом отношении Семилетняя война, в которой русские нанесли противнику ряд сокрушительных ударов.

Румянцев был первым из европейских полководцев, войска которого, отбрасывая турецкие полчища, не только закрепились на берегах Дуная, но и перешли его. В ознаменование этих побед фельдмаршалу и была присвоена вторая часть фамилии — Задунайский.

Румянцев и непосредственно служивший под его начальством Суворов решили конечную судьбу шляхетской Польши, державшей под тягчайшим гнетом в течение столетий Белоруссию, Западную Украину, Галицию. В результате разгрома Польши все эти области были включены в состав Русского государства, и если Галиция вновь и надолго оказалась оторванной от братских ей народов, став достоянием Австрии, то в этом была вина не Румянцева и Суворова, а екатерининских дипломатов. Понадобилось около 150 лет, чтобы исправить эту вековую несправедливость, еще больше увеличившуюся в результате империалистической войны 1914—1918 гг.

* * *

В период правления Екатерины II Россия, располагавшая крупной военной силой и освобожденная от опасности удара с Запада, могла приступить к решению важнейших задач, над которыми думал еще Петр I. Вопрос об исконных русских землях, об обеспечении границ на юге был поставлен со всей остротой именно в этот период. Экономические интересы империи настойчиво выдвигали проблему борьбы за берега

Черного моря; это диктовалось и колонизаторской политикой русского царизма. Ко всему этому международная обстановка второй половины XVIII в., как никогда, складывалась в пользу экспансионистской политики царской России. «Никогда мировое положение,— писал Энгельс,— не было более благоприятно для завоевательных планов царизма, чем в 1762 г...»¹. «Соседями этой однородной, неприступной страны (России.— Ред.) были сплошь страны, пришедшие — повидимому или же и на самом деле — в упадок... На севере — Швеция, сила и престиж которой пали именно вследствие того, что Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; ...На юге — турки и их данники, крымские татары, представлявшие собою лишь обломки прежнего величия; ...К югу от Кавказского хребта под турецким владычеством находились также мелкие христианские государства и исповедующие христианство армяне, и здесь царизм мог принять позу «освободителя»; ...бывшая в состоянии полного развала Польша, дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян, неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию и обреченная тем самым стать легкой добычей своих соседей»².

Русский царизм не мог осуществить своих завоевательных планов, не создав прежде всего боеспособной армии, и это прекрасно понимали передовые представители правящего класса; к числу их принадлежал и Румянцев. Человек широких и разносторонних дарований, государственный деятель и выдающийся полководец, он, пожалуй, лучше, чем кто-либо из его современников, умел осознать те огромные задачи, которые вставали перед тогдашней Россией, и наметить пути к их правильному решению. Раньше, чем кто-либо другой из военных деятелей елизаветинского времени, он начал перестраивать находившиеся под его командой войска на новый, соответствовавший требованиям времени и техники лад.

Период 1725—1762 гг. болезненно сказался на общем состоянии Русского государства и его войска. Последнее во многих отношениях отставало от других европейских армий. Внешне перестроенное на прусский лад, оно было недостаточно обучено. Солдаты, щегольски обмундированные, были плохо вооружены. Уборка волос и пышная форма солдата выдвигались на первый план. «Узкая одежда и принужденные фигуры во фронте и по одиночке изнуряли человечество,— рассказывает в своих воспоминаниях генерал Хрущов.— Чтобы в марше не гнуть колена, подвязывались лубки и словом так одевали, что ежели положить человека наземь, то никаким образом сам собою без помощи другого встать не может. А в некоторых полках был сделан такой станок, в котором, чтобы прям был солдат, на несколько часов поставя, винтом заворачивали. Когда на караул должно идти роте, то за сутки начнут убирать волосы и убравши люди не могут спать иначе, как сидя»³.

На боевую подготовку солдата не обращали внимания. В армии были широко распространены телесные наказания. «Палка в таком была употреблении, что стоя в лагере нет часа, от зари до зари, чтоб не услышал где нибудь ударов»⁴. При всем том дисциплина, особенно среди командного состава, была неудовлетворительна. Доходило до того, что начальники частей безнаказанно не выполняли приказаний высшего командования, даже в военной обстановке, «как то случилось в прошедшую войну против шведов»⁵.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 14.

² Там же, стр. 9, 10.

³ Хрущов А., ген. от инфантерии. Размышление, в каком состоянии армия была в 1764 г. и проч. «Сборник Главного Управления Генерального Штаба». 1909 г., вып. 3, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 65.

⁵ Там же, стр. 65—66.

Фельдмаршал
П. А. Румянцев-Задунайский

По гравюре 1803 г.

В армии царили хищения. Этому немало содействовали широкие права и бесконтрольность, которыми пользовались полковые командиры. Обычай брать для услуг командному составу солдат, а также возлагать на них выполнение различного рода работ, приводили к резкому уменьшению численности строевого состава. Ген. Костюрин, обследовавший армию в 1759 г., установил, например, что во время осады Кюстрина большая половина армии «была командирована для собирания хлеба, да жать, молотить и молоть, а в лагерях более не оставалось, как по 60 человек в полку»⁶.

Среди части командного состава, в том числе высшего, заключавшего в себе большое количество иностранцев, был распространен типичный для западных наемных войск взгляд на солдата, как на машину. Это не могло не действовать разлагающе на армию, составленную по рекрутским наборам и имевшую национальный характер.

До 1762 г. в русской армии никаких общих и существенных мероприятий по ее реорганизации не проводилось; улучшения носили частичный характер или же предпринимались по инициативе отдельных началь-

⁶ Архив Воронцова, т. VII, стр. 355.

ников. Среди последних особенно заметную роль сыграл, молодой в то время, ген. Румянцев.

Опыт Семилетней войны настойчиво выдвигал необходимость немедленного преобразования армии. С этой целью уже в первый год царствования Екатерины была создана специальная Военная комиссия. В 1763 г. выпущены новые уставы.

Пехотный строевой устав отменил целый ряд вредных правил, крайне осложнявших службу. Он требовал, чтобы солдат в строю стоял ровно, один перед другим плечом не выдавался, плеча выше натурального положения не поднимал. Равнение производилось всегда вперед, а не назад; шеренги располагались друг от друга не более чем на три шага, а солдаты в рядах — так, чтобы каждый мог чувствовать соседа.

Кавалерийский устав не имел законченного характера и заключал в себе значительные противоречия. Попрежнему большое значение отводилось действиям огнестрельного оружия. При атаках превосходящих сил противника допускалось построение в каре. Преследование производилось в разомкнутом строю. Наряду с тем устав рекомендовал и обратные положения, утверждая, что «всякое действие и сила кавалерии состоит в храбрости людей, в добром употреблении палашей, в крепком смыкании и в жестоком ударе чрез сильную скачку». Эта двойственность устава, а, следовательно, и действий кавалерии, может быть легко прослежена, например, в первую турецкую войну.

Уставы не были вполне общеобязательными. Каждый начальник, пользовавшийся самостоятельностью (вплоть до командира полка), мог вносить в устав изменения, которые казались ему полезными. Не было полного совпадения и в приемах обучения.

Румянцев ясно видел недостатки в армии и при новом положении. Он был одним из первых, старавшихся ввести единообразие в подчиненных ему частях, как в обучении войск, так и в несении полевой и гарнизонной службы. Он обязывал своих обер-офицеров тщательно обучать солдат «всему до них принадлежащему» и лично знать каждого из рядовых. Благодаря этому ему удалось добиться гораздо большей связи между командным и рядовым составом. Настаивая на внедрении самой твердой дисциплины и не отказываясь от применения физических наказаний, Румянцев вместе с тем пытался ограничить последние. В этой связи большой интерес, между прочим, представляет «инструкция ротным командирам», составленная по заданию Румянцева командиром первого гренадерского полка гр. Воронцовым. В инструкции решительно порицались офицеры, «кои поверхностно о существе дел рассуждают»... «Если положение военного человека в государстве,—говорится в инструкции,—считается сравнительно с другими людьми беспокойным, трудным и опасным, то в то же время оно отличается от них неоспоримою честью и славою, ибо воин превозмогает труды часто несносные и, не щадя своей жизни, обеспечивает сограждан, защищает их от врагов, обороняет отечество»⁷. Инструкция требовала от командиров уважения к рядовым, повышения их чувства собственного достоинства. Во всем этом звучат мотивы, близкие к взглядам и наставлениям Суворова, который не без основания называл Румянцева своим учителем.

Румянцев придавал огромное значение мобильности армии. Он требовал постоянного упражнения войск учебными занятиями, маневрами, маршами в колоннах и линиях, переправами через реки, атаками и оборонной учебной укреплений. При этом «каждое с войсками предприятие на глазах главного командира происходило бы и было им искусно вразумляемо и объясняемо»⁸.

⁷ Военный сборник, 1871 г., № 11, стр. 33.

⁸ См. публикуемый в этом номере нашего журнала документ, гл. VIII.

Правильно оценивая значение морального состояния войск, Румянцев вместе с тем требовал и тщательного наблюдения за физическим здоровьем солдата. Он настаивал на соблюдении чистоты и опрятности, как важнейших условий для предотвращения эпидемий, а также предписывал тщательно ухаживать за больными, улучшать их питание, вести правильное лечение⁹; практические распоряжения Румянцева по устройству госпиталей, лазаретов, уходу за больными и ранеными представляют первый в русской истории пример внимательного отношения главнокомандующего к этой стороне дела и находят ближайшую аналогию в деятельности Суворова. Если вспомнить, что во время Семилетней войны, при отступлении 1757 г. больные в армии составляли более 60 проц., то заболеваемость в армии Румянцева даже в кампанию 1770 г., когда войска действовали в местности, пораженной эпидемией, надо признать сравнительно небольшой.

Важное значение имело упрощение формы, ранее связывавшей солдата и затруднявшей его движения. Румянцев предложил установить сроки носки мундиров, выработал более удобные ранцы на широких ремнях, установил норму вещей, которые носил с собою солдат, и ввел особые полотняные мешки для хлеба, который до того помещался в общий ранец.

Для упорядочения наборов Румянцев предлагал ввести комплектование полков из определенных постоянных мест — кантонов. Этим, между прочим, предполагалось достигнуть сближения населения с армией. При наборе Румянцев предлагал распределять рекрутов по частям войска и родам оружия в соответствии с индивидуальными качествами людей. В кавалерию, например, рекомендовалось направлять преимущественно украинцев, казаков и вообще людей, привыкших к верховой езде; в егерские части — рекрутов из районов с широко распространенными охотничьими промыслами; в обозные — людей, промышлявших извозом; во флот — население районов, прилегающих к морям, озерам и большим рекам.

Для облегчения расходов на содержание армии при сохранении ее в то же время в постоянной боевой готовности Румянцев считал возможным держать в строю лишь $\frac{2}{3}$ рядового состава, отпуская поочередно $\frac{1}{3}$ солдат в долгосрочные отпуска. Правило это не распространялось на лиц младшего и старшего командного состава. На летние месяцы, когда учения и маневры производились особенно интенсивно, армия должна была собираться в полном составе.

Стремясь к улучшению вооружения и приведению его к единообразию, Румянцев требовал, чтобы было «меньше разных калибров» в артиллерии. В качестве легких орудий он рекомендовал трехфунтовые пушки и двенадцатифунтовые единороги, а из тяжелых — полупудовые единороги, а также двенадцати- и шестифунтовые пушки.

Румянцев много сделал для улучшения русской кавалерии, особенно же тех частей, которые находились непосредственно под его командой. Исходя из опыта Семилетней войны и понимая бесполезность для армии дорогой и неповоротливой тяжелой кавалерии, Румянцев уже в кампанию 1770 г. снял с нее кирасы. Это сделало ее более подвижной и приспособленной к условиям войны.

Идеи Румянцева были полностью восприняты императрицей Екатериной II. В 1775 г. она поручила фельдмаршалу начальство над всей кавалерией, которую он и должен был реорганизовать в соответствии с высказанными им соображениями.

В числе общих мероприятий, которые намечал Румянцев, надо отметить также план переустройства и распределения крепостей, улучшения гарнизонных войск и дислокации сухопутных сил, которые он предлагал

⁹ ЦВИА, ВУА, № 1833.

разделить на четыре армии: I. Поморскую — в Новгородской, Финляндской, Ингерманландской, Эстляндской, Лифляндской, Псковской и Полоцкой губерниях. II. Украинскую — в Могилевской, Азовской, Воронежской, Слободской и Белогородской. III. Низовую — в Нижегородской, Казанской, Оренбургской и Астраханской губерниях. IV. Резервную — на всем пространстве бывшей Московской и Смоленской губернии. Не менее интересна и реорганизация высшего военного управления, предложенная Румянцевым.

В работе по преобразованию русской армии Румянцев был не одинок. Крупную роль в этой области сыграл Потемкин, многое сделал П. И. Панин и др. Но имя Румянцева навсегда останется одним из самых прославленных в истории строителей русской армии¹⁰. Современник Румянцева ген. Хрущов следующим образом характеризует его роль в этом деле. Граф П. А. Румянцев-Задунайский, пишет он, «человек никем еще не подражаемый» «прежде всего облегчил службу..., бросил рогадки, оставил баталион, карей во время походу, начал водить колонны и научил нас построению фрунта против турок».

В результате всех этих мероприятий ко времени так называемой первой Турецкой войны Россия имела офицеров и солдат неизмеримо более высокой, чем раньше, боеспособности. Выступая против нового врага — турок, — Румянцев как главнокомандующий 1-й армией осуществлял новую тактику и добился блестящих успехов, несмотря на огромное численное превосходство противника. «Я того мнения был и буду, — говорил Румянцев, — что нападающий до самого конца дела все думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе всегда страх соразмерно сделанному на него стремлению. Не полагаю я отнюдь быть и правилом, чтоб всегда надобно равное противу равного употреблять оружие; а держусь того, чтоб своим превозмогать над противником»¹¹.

Подобное положение в войне с турками было совершенной новостью. Огромное численное превосходство конницы противника, его принцип действовать массовым ударом приводил к тому, что обычный линейный строй в борьбе с ним оказывался непригодным. Часто уже первым мощным натиском турки прорывали тонкие линии врага и затем, окружив, уничтожали его.

Этот опыт был особенно хорошо известен австрийцам, не догадывавшимся, однако, о необходимости изменить свои боевые порядки. Если первый натиск не удавался, турки повторяли его раз за разом, пока, наконец, не завершали разгром противника действием своего сильного резерва.

Многочисленная турецкая кавалерия легко производила обходы неприятеля; поэтому европейцы, в частности русские, во избежание окружения и одновременного удара с фронта, флангов и тыла, стали применять построение в каре. То был огромный четырехугольник, составленный из трех рядов пехоты, усиленной батареями по углам и фасам каре; внутри последнего укрывались обозы и небольшой резерв, иногда выделявшийся в особое построение, стоявшее позади главного. Для лучшей защиты от всадников каре окружалось цепью из соединенных петлями и крючьями рогаток с острыми пиками.

Такой порядок если и оказывался полезным при отражении натиска, то был вовсе не приспособлен для активных действий. Он был чрезвычайно невыгоден также и потому, что при атаке на один из фасов каре или его участка силы армии, распределенные по остальным фасам и участкам, оказывались бездействующими и могли только наблюдать за разви-

¹⁰ См. Дубровин Н. А. В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии. СПб. 1886.

¹¹ Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Сборник документов, т. I № 832.

вающимися событиями, так как сами находились под угрозой атаки. В то же время прорыв одного из фасов каре угрожал гибелью всей армии.

Чтобы избежать этих невыгод, Миних (в войне 1735—1739 гг.) стал строить войска в несколько каре, обычно одно большое и два-три меньшего размера. В битве при Ставучанах, например, он построил свою 65-тысячную армию в три каре. Каре располагались в непосредственной близости друг от друга, вследствие чего их внутренние фасы фактически не могли участвовать в сражении. Кавалерия ставилась в интервалах между каре и на флангах и попрежнему оставалась недостаточно защищенной от удара вражеской конницы. Единственное и действительно большое преимущество, которое давал новый порядок, заключалось в том, что прорыв одного из каре не влек за собой разрушения остальных. Построение попрежнему окружалось рогатками.

Выдвигая наступление как основной принцип победы, Румянцев должен был найти новые формы строя, которые обеспечивали бы подвижность и маневренность армии. Он добился этого, применив построение в многочисленные каре различной величины, вплоть до мелких батальонных. Фронт и фланги каре обеспечивались артиллерией и егерями, а недостаточно сильная кавалерия шла в интервалах. В наступление двигалась вся система «кареев», причем к самостоятельному действию было способно и каждое каре в отдельности.

Румянцев тщательно следил за координированным действием всех частей и родов оружия, отводя одинаково важное значение работе артиллерии, егерей и кавалерии, хотя основной решающей силой считал пехоту.

При новом порядке излишним, да и невозможным оказывалось применение рогаток; они были поэтому отменены Румянцевым, несмотря на то, что этот вид обороны против турецкой конницы имел еще много сторонников. Отказ от рогаток, перевозившихся в обозе, позволил сильно сократить численность последнего. При этом Румянцев нашел возможным не задерживать армию ранее следовавшим за ней обозом, и при своих наступательных операциях оставлял его позади. Артиллерия и егеря, двигавшиеся впереди колонн, быстро перестраивавшиеся в каре¹², наносили огромный урон неприятелю и подготавливали штыковой удар, решавший исход сражения.

Поставив своей задачей наступление, обеспечивая его соответствующими средствами, Румянцев требовал активности даже при подавляющей численности неприятеля. «С малым числом разбить великие силы, тут есть искусство и сугубая слава, а быть побежденным от превосходного в силах дело не есть чрезвычайное»¹³, — говорил Румянцев.

Огромное значение придавалось правильной осведомленности о расположении противника. Обладая хорошей легкой конницей, Румянцев посредством войсковой разведки и рекогносцировки получал о неприятеле правильные сведения.

Румянцев высоко ценил инициативу своих командиров и, надо признать, что действовавшие под его начальством Баур, Племянников, Репнин, Потемкин и др., не говоря уже о Суворове, Вейсмане, Голенищеве-Кутузове, проявили себя вполне способными к руководству порученными им частями. Требуя, чтобы командиры служили примером своим подчиненным, Румянцев сам проявлял личную доблесть, вызывавшую уважение солдат и увлекавшую их к победе. Так, в критический момент сражения при Кагуле, когда каре Племянникова было разбито янычарами, Румянцев, пренебрегая личной опасностью, бросился к бегущим, задержал их и воодушевил отступающие части на дальнейшую борьбу.

¹² На походе каждое каре развешивалось в две колонны, включавшие в себя части двух фасов.

¹³ Журнал военных действий 1770 г. (страницы не нумерованы).

Обладая тем, что Суворов называл «глазомером» (*coup d'oeil*), Румянцев быстро ориентировался в обстановке и мгновенно принимал правильные решения. Так, перед Кагульским сражением, на рассвете Румянцев, наблюдая в зрительную трубу за передвижениями противника, сказал бывшим с ним чиновникам: «Если турки осмелятся разбить в сем месте хотя одну палатку, то я их в сию же ночь пойду атаковать»¹⁴. И действительно, после того как турецкие войска расположились лагерем, Румянцев немедленно на них напал и разгромил.

В силу особенностей склада своего ума Румянцев не довольствовался общим планом, составленным на основе различных донесений и впечатлений. Он разрабатывал тщательно все детали военных действий. Ярким образцом в этом отношении является его диспозиция к сражению при Ларге и Кагуле¹⁵.

Диспозициям Румянцев никогда не следовал рабски. Требуя от своих генералов умения быстро приспособляться к условиям боя, он умел это делать и сам, как в отношении планов кампаний, так и отдельных сражений.

Деятельность Румянцева по преобразованию и воспитанию русской армии, новая, выработанная им, тактика, его личные свойства и огромный военный талант особенно ярко сказались в войне 1769—1774 гг., на которой неоднократно останавливалось внимание военных историков¹⁶.

Согласно оперативному плану на 1770 г. действия против турок осуществляли две армии: 1-я под командой Румянцева должна была вести наступление в Молдавии и Бессарабии; 2-я под начальством гр. П. И. Панина, охраняя границы со стороны Очакова и Крыма, имела задачей осадить Бендеры и при помощи созданной на Азовском море флотилии овладеть Керчью, Еникале и Таманью.

23 апреля 1770 г. (ст. ст.) 1-я армия выступила с зимних квартир, к началу мая сосредоточилась у Каменец-Подольска и 12 мая подошла к Хотину. Часть войск (6 пехотных и 4 кавалерийских полка) осталась здесь, обеспечивая движение Панина, остальные получили назначение на Липчаны. Погода была крайне неблагоприятна; дороги непроходимы; заготовленные топографические карты оказались неверными, а в местности, куда предстояло углубиться, свирепствовала чума. Все это значительно задержало наступление, и армия могла начать его лишь 25 мая.

Между тем 2-я армия, сосредоточившаяся к 12 мая у Елизаветграда, повела наступление к Бугу, выделив предварительно сильный отряд под командой ген. Прозоровского к Очакову. 11 июня она форсировала Буг, а в конце месяца подошла к Днестру. Связь между обеими армиями была очень затруднена. Это крайне осложняло положение Румянцева, не имевшего своевременного осведомления о действиях Панина и опасавшегося за свой левый фланг, который должно было обеспечить на-

¹⁴ Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала Румянцева. СПб, 1911, стр. 34.

¹⁵ См. нашу публикацию «Ларга и Кагул по бумагам Румянцева». «Красный Архив» № 6 за 1940 г.

¹⁶ См. Богданович М. Н. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турцию. СПб, 1852; Бутурлин Д. П. Картина войны России с Турцией в царствование имп. Екатерины II и имп. Александра I. СПб, 1829; «Журнал военных действий армий ЕИВ 1769, 1770 и 1771 гг.»; Масловский Д. Ларго-Кагульская операция. «Военный сборник», 1893, № 9; Его же. Записки по истории военного искусства в России, т. II; Его же. Материалы к истории военного искусства, вып. II; Петров, А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 гг. СПб, 1874; Его же. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства, т. I, Война 1769—1774 гг. СПб, 1893. Boutourlin. Précis des événements militaires... Petersbourg, 1822; Beitrag zur Geschichte des gegenwärtigen Kriegeres... Breslau, 1771; Varnery. Remarques sur le militaire Turcs et la Russes... Breslau, 1771; Vassif Efendi. Précis historique de la guerre des Turcs contre les Russes... Paris, 1882; Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie... Petersbourg, 1773; Resmi Achmed Efendi. Wesentliche Betrachtungen oder Geschichte des Krieges zwischen den Osmanen und Russen in den Jahren 1769 bis 1774, Berlin, 1813, etc.

ступление 2-й армии. Поэтому Румянцев настойчиво просил Панина «на всякое время о своем положении уведомлять, чем самым и я уащать наиболее стану»¹⁷.

Ближайшей задачей Румянцева являлись действия против главной турецкой армии, сосредоточившейся под начальством визиря Халиль-бея у Исакии на нижнем течении Дуная. Вторая группа сил противника, состоявшая из 50 000 татар, под начальством хана Каплан-Гирея, располагалась у Кишинева. Визирь, попытавшись навести мост через Дунай и не сумев сделать этого вследствие широкого разлива, отправил к Кишиневу флотилию с сильным подкреплением. После этого хан попробовал переправиться на правый берег Прута, но, встретив препятствие в прибрежных болотах, пошел вверх по течению, предполагая устроить переправу выше Фальчи. При этом движении татары столкнулись с авангардом 1-й армии, были отброшены и отошли к своим главным силам, стоявшим у Рябой Могилы.

Несмотря на подавляющее превосходство противника, численность которого с турецкими подкреплениями достигала 70 000 человек при 44 орудиях, Румянцев решил его атаковать. Ночью с 16 на 17 июня авангард Баура и главные силы перешли долину Бужур для того, чтобы напасть на лагерь с севера. В то же время корпус Репнина и конница Салтыкова, переправившись через ручей Калмацуй, предприняли атаку противника с северо-востока. В том же направлении был двинут переправленный через Прут отряд подполковника Фабрициана, ударивший затем в тыл неприятеля с запада.

Сложные ночные переправы были проведены образцово. Подойдя к лагерю и захватив расположенные перед ним высоты, Баур открыл артиллерийский огонь; пока татары пытались остановить наступавших с севера русских, отправленные в обход колонны появились в тылу и на флангах противника. В лагере началась паника. Хан пытался отправить обозы в тыл и выслал против Репнина свою конницу, но она была отброшена и рассеяна.

Турки и татары поспешно очистили лагерь; русские гнали их почти 20 верст, но без особенного успеха, так как пересеченность местности затрудняла преследование. В этом сражении хан потерял около 500 человек, тогда как у русских выбыло из строя не более 50 человек. Бегство татар обеспечило связь между обеими русскими армиями и дало возможность наступления по р. Пруту.

Активность Румянцева в значительной мере задерживалась, однако, медлительностью 2-й армии. Последняя все еще была далека от Бендер, и, таким образом, оставляла открытым левый фланг Румянцева. Положение осложнялось тем, что турки, занимавшие оба берега Дуная и Серета, могли удобно вести наступление между этими реками и установить связь с силами, расположенными в Валахии. В то же время татары серьезно угрожали сообщениям 1-й армии. Несмотря на это, Румянцев, выделив несколько отрядов для охранения важнейших направлений, двинулся к нижнему течению Дуная, в то время как армия Панина, наконец, переправилась через Днестр у Ягорлыка и двинулась к Бендерам.

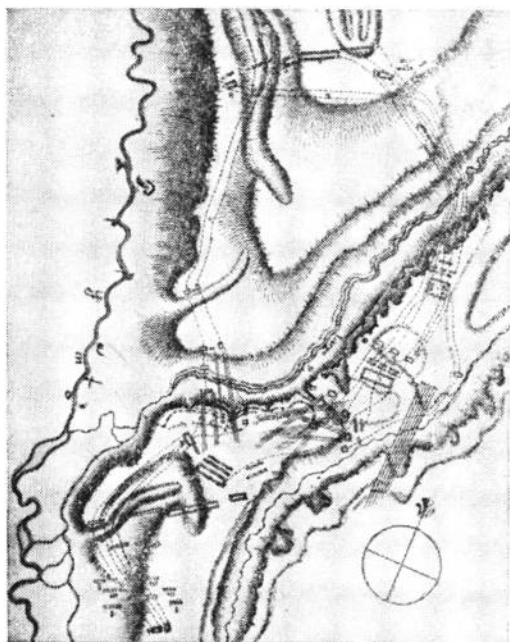
Заняв Фальчи, авангарды Румянцева обнаружили впереди себя крупные силы противника, сосредоточенные между левым берегом Прута и р. Ларгой. Это были ханские войска, отступившие от Рябой Могилы; подкрепленные отрядом молдавского сераскира Абда-паши, они достигли теперь численности в 80 000 человек и ожидали приближения главных турецких сил, все еще готовившихся к переправе у Исакии.

Возможности такого соединения необходимо было воспрепятствовать. Румянцев двинул к Ларге авангардные корпуса Баура и Репнина; 4 и 5 июля они подверглись безрезультатным нападениям. Между тем

¹⁷ ЦВИА, ВУА, № 1866, л. 430-об.

Румянцев выработал план атаки противника, утвержденный без изменений военным советом. Для осуществления операции он сосредоточил все свои силы, оставив лишь двухтысячный отряд для охраны мостов у Фальчи. Армия Румянцева состояла в это время из 38 000 человек при 50 полевых и около 140 полковых орудиях.

По плану Румянцева, авангарды Баура и Репнина, общей численностью до 15 000 человек, должны были, перейдя по мостам на левый берег Ларги, занять хребет между этой рекой и долиной Бабикула и

План сражения при Ларге.
Из собрания ЦВИА.

обеспечить переправу главных сил. Последние наступали за «передними корпусами», будучи построены в дивизионные и притом «тонкие», т. е. почти линейные каре. Левый фланг прикрывала легкая конница, а регулярная кавалерия располагалась между «кареями». Построенная в два каре дивизия Племянникова (до 6 000 человек) имела задачей с наступлением рассвета демонстрировать перед фронтом противника и отвлечь его внимание от производившегося флангового обхода. Затем, когда бой на правом фланге развернется, Племянников должен был ударить по фронту. Перед сражением обозы были собраны в вагенбург, к охране которого привлечены все нестроевые¹⁸.

К 4 часам утра передовые каре (Баура, Потемкина и Репнина) подошли к крутому изгибу, за которым начинались

турецкие правобланговые укрепления. Турки открыли артиллерийский огонь. Русская полковая артиллерия, сгруппированная в 7 батарей (численностью до 60 орудий), начала обстрел укрепления. В помощь ей Румянцев выслал батарею в составе 17 полевых орудий под командою ген. Мелиссино.

В это время каре Племянникова подошли к фронту. Турки выслали сильную конницу, которая по долине Бабикула устремилась на русский фланг и далее в тыл. Ее действия были, однако, парализованы двинутыми против нее двумя пехотными полками и батареей тяжелой артиллерии¹⁹.

Между тем на правом фланге русские каре отбросили турецкую контратаку и кинулись на укрепления. Левее каре Баура, прикрытые с левого фланга высланными Румянцевым частями Брюса, энергично обстреливали тыл противника, в обход которого был направлен отряд бригадира Ржевского.

Вскоре войска Репнина ворвались в лагерь и овладели его правым флангом. Одновременно с этим Племянников атаковал фронт. Турки пытались остановить наступавших контратакой, но неудачно. Вражеская конница, действовавшая в долине Бабикула, бежала, понесла огромные потери от огня артиллерии и егерей. Кавалерия Салтыкова ее преследо-

¹⁸ Текст диспозиций, связанных с нею распоряжений, а также документы, характеризующие ход сражения. «Красный Архив» № 6 за 1940 г.

¹⁹ ЦВИА, ВУА, № 1820, л. 63.

вала; в лагере началась паника. Около 12 часов дня турки и татары обратились в бегство.

Хан потерял в сражении около 1 000 человек, 30 орудий, 3 мортиры, знамена, массу имущества; русских выбыло из строя не более 100 человек. В беспорядочном отступлении противник разошелся в разных направлениях: турецкие части — по течению Кагула; татары же, перейдя речку Сальчу, — к Измаилу и Килии.

Весть о разгроме при Ларге была получена великим визирем в то время, как он, наконец, приступил к переправе своих войск через Дунай на судах. Имея вместе с тем сведения о наступлении 2-й русской армии на Бендеры, он, переведя войска на левый берег и решив воспрепятствовать осаде крепости, двинулся по восточному берегу озера Кагула и установил связь с отступившими за озеро Ялпух войсками хана. Подойдя к остановившимся у озера Кагула турецким частям, отступившим от Ларги, он расположился здесь лагерем. Численность сил визиря достигала 150 000 человек. Хану, который между тем получил подкрепление и располагал 80 000 конницы, Халиль-бей поручил разрушить тыл русских, а затем итти на соединение.

Положение Румянцева было тем более опасным, что запасы продовольствия иссякли, а татарская конница грозила, перерезав коммуникации, прекратить движение транспортов. Естественной была мысль об отступлении для обеспечения продовольственной базы.

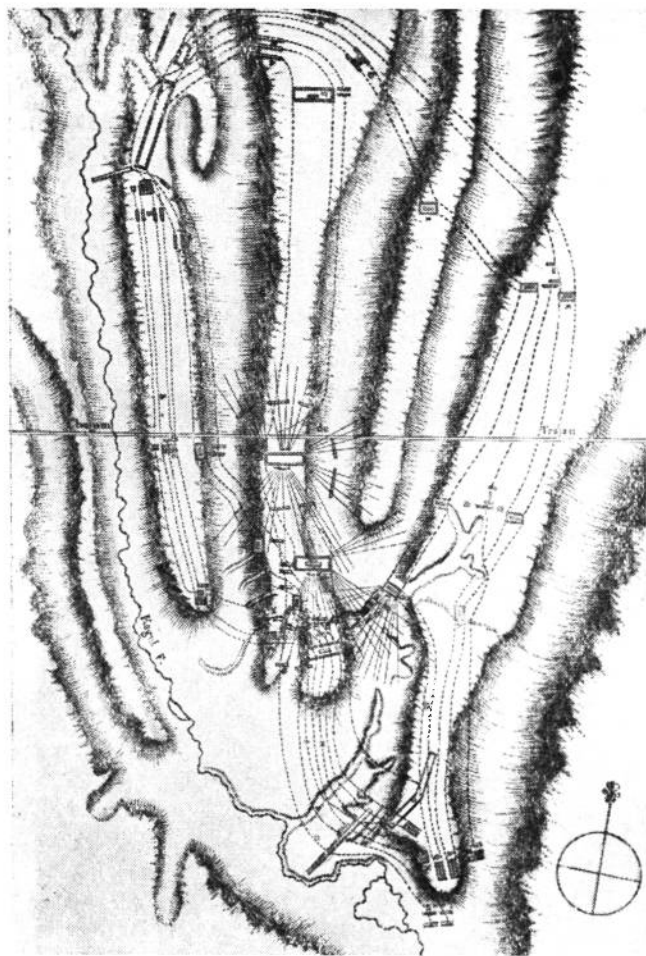
Румянцев поступил иначе. В то время как визирь двигался к озеру Кагулу, Румянцев 10 июля направил авангард Баура по течению р. Кагула к деревне Гричени. Сам он, отослав обозы к Фальчи для встречи с транспортами и поддерживая связь с Бауром, посредством корпусца Репнина, перешел в долину Салчи и остановился на правом берегу реки возле Али-Мурзы. Позиция Румянцева обеспечивала связь с Фальчи и Бендерами, держала под угрозой татарскую конницу и в то же время позволяла быстро сосредоточиться в любом направлении. Возможность соединения турецких и татарских сил, однако, не исключалась. Чтобы не допустить этого, Румянцев, двинув 17 июля 1770 г. свои войска к Кагулу, соединился у деревни Гричени с корпусами Баура и Репнина.

Сконцентрировать все свои силы у Гричени не было, однако, возможно, так как татарский натиск в тылу усиливался. Первоначально оставленный здесь для прикрытия коммуникаций отряд Волконского хотя и сумел отбросить сильный (около 7 000 человек) отряд татарской конницы, напавший на следовавший от Фальчи транспорт, не был в состоянии и далее обеспечить безопасность. Румянцеву пришлось отправить сюда сильные подкрепления и довести численность тыловой группы до 11 000 человек. Таким образом, сосредоточенные у Гричени войска заключали в себе не более 27 000 человек при 188 орудиях.

20 июля в направлении к тянувшемуся в нескольких верстах южнее русского расположения Траянову валу показались массы турок, занявшихся подготовкой лагеря в 7—8 верстах за валом.

Новая позиция, избранная визирем, ограничивалась с севера Траяновым валом, с запада — глубокой р. Кагулом, с востока — широкой ложбиной, постепенно сближавшейся к югу с долиной р. Прута, не доходя до него своей оконечностью не более чем на полторы версты. К этим «воротам» сходились 4 гребня высот, веерообразно распространявшихся на пространстве между Прутом и ложбиной. Средний хребет пересекал Траянов вал и тянулся далее к югу примерно на 4 версты.

Турки расположились лагерем на юге, т. е. в мешке между ложбиной и течением Прута, заняв при этом также проходившую здесь командующую возвышенность. Преимущество позиции визирь, вероятно, усматривал в удобстве передвижений конницы по ложбинам между хребтами, в направлении к выходу из мешка. Это давало возможность избирать разные направления для атаки расположенного южнее противника

План сражения при Кагуле.

Из собрания ЦВИА.

и действовать ему в тыл, если бы он вздумал атаковать лагерь с этой стороны. Невыгоды позиции были, однако, весьма значительны: она была тесна, изрезана хребтами, изолировавшими части войск, а правый ее фланг оставался почти незащищенным. Последний недостаток турки рассчитывали возместить искусственным укреплением позиции. За первую ночь они возвели по фронту четыре яруса окопов, выдвинув перед ними пять рвов; но с правого фланга укрепления возвести не успели.

Румянцев решил атаковать турок сразу, как только увидел, что они заняли эту позицию. Составленный им план атаки сходен с планом сражения при Ларге в том, что и тут и там исход боя решался на главном направлении ударом

основной массы сил, тогда как остальные операции имели лишь подсобное значение. Основные усилия направлялись на левый фланг. Сюда, по разным путям, должны были подойти авангард Баура, дивизия Племянникова и дивизия Олица. Репнин и Брюс имели поручение атаковать в это время правое крыло противника, а также, если понадобится, подкрепить атаку левого фланга. Таким образом, из общего числа около 27 000 человек, которыми располагал Румянцев, против левого фланга предназначалось 19 000—20 000 человек²⁰.

Армия выступила во втором часу ночи на 21 июля.

²⁰ Официальные документы (например, «Журнал военных действий рос. имп. армии в 1770 г.») говорят о том, что победа при Кагуле была одержана 17 000 русских. «Белый журнал военных действий» сообщает о решении Румянцева атаковать турок, «хотя для подкрепления провиантских обозов толь знатная часть пехоты и кавалерии... отделена, чем и оскудевала в числе армия, ибо за всеми раскомандированиями под ружьем людей могло быть и находилось не более семнадцати тысяч, но познавши его сиятельство не раз в сие лето мужество предводительствуемых им войск, решился расторгнуть приготовленные на нас сети упреждающею с своей стороны атакою неприятельской великочисленной армии». (ЦВИА, ВУА, № 1820, т. I, л. 80-об.). Сохранившиеся в ЦВИА расписания сил 1-й армии и, в частности, документы, опубликованные Масловским (Записки по истории военного искусства, вып. II, прил. 21), дают другие цифры, из которых Масловский исходит в своей работе «Ларго-Кагульская операция» (Военный сборник, 1893, № 9, стр. 26).

В начале 5-го часа войска перешли Траянов вал. Неприятельская кавалерия показалась было перед дивизией Брюса и корпусом Репнина, но быстро ретировалась. Затем, поддержанные артиллерийским огнем, массы конницы хлынули с фронта по ложине и окружили каре Брюса и Репнина. Турки проникли также за Траянов вал и вышли здесь в тыл дивизии Олица.

Румянцев приказал тогда «из резерва сделать каре» и открыть вдоль ложины мушкетный и пушечный огонь, а «главному каре, подаваться влево к ложине, дабы и оную скрыть пушечному выстрелу»²¹. Отражение натиска турецкой конницы заняло около 3 часов. К 8 часам утра связь между отдельными группами русских была восстановлена и они перешли в наступление.

Первым приблизился к левому флангу противника Баур, вслед за ним каре Племянникова; левее и несколько отступя каре Олица и конница Салтыкова, а сзади — резерв. Жестокий орудийный и оружейный огонь атакующих заставил защитников укрепления отступить. Каре Племянникова ускорило движение, но лишь только оно поднялось «на небольшую высоту, лежащую впереди блиско сего ретраншамент, в самое сие время янычаре, ложиною, лежащею чрез ретраншамент... дефилировав, атаквали оню каре»²².

В этот критический момент огромную роль сыграло вмешательство Румянцева. Остановив бегущих солдат, он вновь построил каре Племянникова, в то время как 1-й гренадерский полк под командой бригадира Озерова отражал яростный натиск янычар. Восстановленное каре бросилось на противника, которого атаквала также кавалерия Салтыкова и Долгорукова. Между тем гренадерский батальон Воронцова (из частей Баура), пробравшись ложиною к плохо защищенному турецкому левому флангу, открыл продольный огонь. Это способствовало успеху Племянникова и Олица. Вслед за Воронцовым двинулись остальные силы Баура. Брюс в то время атаковал правый фланг неприятеля, а Репнин двинулся в обход противника.

Сражение продолжалось с начала 5-го до половины 10-го часа, когда турки обратились в бегство, бросив лагерь, все имущество и 140 орудий²³.

Преследование противника, отступившего по долине Кагула в направлении к прежнему турецкому лагерю (и далее к Карталы против Исаки), было успешно проведено корпусом Баура. Турок, бежавших в направлении на Измаил, преследовал отряд ген. Игельстрома. Потери, понесенные неприятелем в сражении, были огромны. Еще больше пострадал он во время преследования. Корпус Баура нагнал турецкую армию в то время, как она на 300 судах переправлялась через Дунай. В панической торопливости люди перегружали суда и тонули. На берегу сгрудились обозы.

Как только подошедшие части Баура построились в две линии, готовясь начать атаку, турки тотчас же приняли предложение сдаться. Часть их пыталась спастись на судах, высланных визирем, но Баур направил на них артиллерийский огонь, затопил часть кораблей и взял в плен оставшихся на берегу людей. Турки потеряли более 20 000 человек. Урон русских не превышал тысячи человек.

Отряд Игельстрома, преследовавший бежавших в сторону Измаила, захватил мосты у устья Яллуха, разбил арьергардные части противника и захватил его обоз. Вслед за Игельстромом Румянцев 23 июля отправил Репнина, подкрепив его отрядом Потемкина. 26-го русские овладели Измаилом и продолжали наступление. 10 августа была занята Килия.

²¹ ЦВИА, ВУА, № 1869, ч. I, л. 17-об., 18.

²² Там же, л. 19.

²³ ЦВИА, ВУА, № 1820, ч. I, л. 85—86.

28 — Аккерман. 16 сентября Панин штурмом взял Бендеры; 10 ноября был занят Браилов. Пространство между Дунаем, Прутом и Днестром было очищено от турок. Стратегически важные пункты русские заняли своими гарнизонами.

Кампания закончилась. Войска расположились в окрестностях Ясса на зимние квартиры. Румянцев получил фельдмаршальский жезл.

* * *

Несмотря на ряд поражений, Турция не хотела, однако, итти на мир. Это вынудило Россию продолжать борьбу и перенести в 1773 г. театр военных действий за Дунай. Решение этой ответственной задачи было поручено Румянцеву, хотя наступательный план и не отвечал взглядам фельдмаршала. Как реальный политик, он прекрасно понимал все трудности предприятия. Армия его была неукомплектована, разбросана на большом пространстве.

Получить значительные подкрепления было невозможно: за весь период из России прибыло лишь несколько полков. Для наступления за Дунай можно было выделить не более 25 000—30 000, при этом следовало сначала занять сильные дунайские крепости Рушук и Силистрию (защищавшие направление к Шумле) или, по крайней мере, оставить возле них наблюдательные корпуса. При этих условиях Румянцев не ожидал от операции большого успеха²⁴.

До начала наступления резерв армии численностью около 12 000 человек располагался в Молдавии со ставкой фельдмаршала в Яссах. Дивизия Салтыкова, примерно такой же численности, стояла в Валахии, а дивизия Вейсмана (4 000 человек) располагалась у Измаила. Связь между обеими дивизиями поддерживал 3—4-тысячный отряд под командой генерал-майора Потемкина. Крепости Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Браилов были заняты небольшими гарнизонами.

Основным условием успешности дальнейших операций было закрепление за собой переправ через Дунай. Для этого удалось пока что занять и укрепить переправу у Гирсова. Другой важный пункт находился у Туртукая, но его охраняли 4 000 турок. Переправа была намечена у Гирсова. На правый берег реки направлен отряд ген. Вейсмана, который должен был рекогносцировать местность у Гирсова и в направлении к Силистрии. Одновременно с этим дивизия Салтыкова отвлекала внимание турок к их левому флангу, а подчиненный Салтыкову отряд только что прибывшего к армии Суворова, стоявший у Негоешти, должен был ослабить турецкий фронт ударом на Туртукай. Потемкин имел поручение поддержать суворовский поиск, а затем занять Гирсово и устье Яломицы. Флотилия у устья Дуная закрыла доступ турецким кораблям с моря, в то время как запорожцы своими нападениями на неприятельские суда должны были не пропускать их ниже Силистрии. Главная армия, сосредоточившись в Яссах, 27 апреля выступила к устью р. Яломицы, где с нею должны были соединиться части Унгерна.

Между тем разведка Вейсмана, 27 мая одержавшего блестящую победу над корпусом Осман-паши у Карасу, показала чрезвычайные неудобства и невыгодность переправы у Гирсова. Вследствие этого в начале июня Румянцев решил переправиться у Гурабала. 10 мая Суворов осуществил свой знаменитый туртукайский поиск — первый для русской армии яркий пример форсированной переправы.

Турки стали накапливать силы у Силистрии, Румянцев направил во фланг им отряд Вейсмана, поддержанный частями Потемкина. 7 июня здесь снова была одержана победа. В ту же ночь (с 6 на 7 июня) Румянцев начал переправу, которая была закончена 12 июня. Русские передовые части отбросили противника к Силистрии, куда двинулся и Ру-

²⁴ Сборник военно-исторических материалов, вып. 3, стр. 357; Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, 1865, кн. 2, стр. 275, 281—285, 293.

мянцев. Турки сделали попытку атаковать его с тыла (18 июня), но были отбиты. Новые усиленные рекогносцировки и безрезультатная атака (19 июня), однако, убедили Румянцева в невозможности взять крепость штурмом, а выделение блокадного корпуса было немыслимо вследствие недостаточной численности армии.

Румянцев решил отступить. Для прикрытия обратной переправы он направил 5-тысячную дивизию Вейсмана к Кучук-Кайнарджи. На пути сюда русские столкнулись с 20-тысячной армией Наман-паши у деревни Куюджук и разбили ее, понеся, однако, большую потерю в лице убитого в сражении Вейсмана.

Победа у Куюджука помогла Румянцеву успешно осуществить переправу армии на левый берег Дуная²⁵.

Первый переход русских за Дунай и три одержанные там одна за другой победы произвели в Европе сильнейший моральный эффект.

Вся эта, стратегически неудачно задуманная в Петербурге операция была проведена Румянцевым без значительных потерь, но не могла иметь решающего значения для исхода войны. В частности, стратегически бесполезным оказался и тактически замечательный второй поиск Суворова на Туртукай. В Петербурге были недовольны результатами операции, и Румянцеву пришлось заканчивать кампанию новым переходом через Дунай и попыткой захвата Варны и Шумлы.

Задачу удалось решить лишь в следующем году, когда армия Румянцева была усилена до 50 000 человек. Кампания 1774 г. ознаменовалась рядом блестящих побед, особенно прославивших имя Суворова. Русские осадили Рушук, Силистрию, окружили Шумлу. Туркам пришлось согласиться на подписание знаменитого Кучук-Кайнарджийского трактата.

* * *

Являя собой образец боевого командира, Румянцев обладал железным здоровьем и неограниченной работоспособностью; он был одинаково неутомим и в канцелярии и в поле. «В походе наряжалось два эскадрона в конвой к фельдмаршалу и он, несмотря ни на какую погоду, верхом, в одном мундире, до половины марша ехал при корпусе», — рассказывает участник Турецкой войны Л. Н. Энгельгардт. «На половине пути приказывал делать отбой на час времени, а сам с главным штабом уезжал вперед осмотреть занятие лагеря; иногда приказывал, по положению места, переменить лагерь, потом ездил в авангард, осматривал объезжие пикеты и приказывал куда посылать партии. Случалось, что мы, пришед в лагерь, уже отдохнули, а он только что приезжал»²⁶. Проводя в походе целый день на коне, объезжая части, Румянцев лично участвовал в рекогносцировках, принимал доклады, входил в мелочи управления. Во время остановок армии до глубокой ночи работал над доставляемыми ему донесениями, картами, планами движений отдельных корпусов и операций армии в целом.

На жизненном пути Румянцева, так же как и Суворова, почти одинаковую роль сыграл всесильный в свое время князь Таврический. Человек больших способностей, выдающийся военный администратор, Потемкин не обладал, однако, талантами полководца и болезненно воспринимал блестящие победы Суворова и Румянцева.

Преследуя Суворова после ссоры с покорителем Измаила, Потемкин все же не видел в нем соперника. Конкурентия фельдмаршала Румянцева казалась ему гораздо более опасной. Подобно тому, как «светлейший» устранил Суворова, в награду за измаильскую победу отпра-

²⁵ Сборник военно-исторических материалов, стр. 347, 351, 352, 359, 361, 379 и сл.; Сборник Русского Исторического Об-ва, т. XIII, стр. 347, 358. Чтения в Об-ве Истории и Древностей Российских, 1865, кн. 2, стр. 274, 275 и др.

²⁶ Воспоминания Энгельгардта. «Русский Архив», 1868 г., стр. 79.

ленного с второстепенным поручением в Финляндию, он оттеснил и Румянцева.

В письмах Румянцева, так же как и в суворовских, находим много намеков и жалоб на придворные интриги.

Екатерина в своих рескриптах и письмах не раз уверяла фельдмаршала «в неизменном благоволении» и, в конце концов, так же, как позднее в отношении Суворова, отстранила его от дел. Победитель при Ларге и Кагуле, давший России Кучук-Кайнарджийский мир, генерал-губернатор Малороссии, навсегда тесно связавший этот край с основными русскими областями, оказался в опале. Екатерина проявляла к нему не только холодность, но враждебность.

Суворов, сознательно державшийся вдали от двора, живший среди солдат, подчеркивавший свой демократизм чудачествами, после смерти Потемкина даже меньше чувствовал на себе тяжесть петербургских интриг, чем Румянцев — типичный представитель своего времени и своего общества. Множеством нитей связанный с двором и правительством, Румянцев постоянно испытывал на себе сменяющиеся влияния бездарных и завистливых временщиков и снова вынужден был под предлогом болезни отойти от дел, удалиться в свои поместья, в одиночестве ожидая смерти или конца «женского правления».

Но, как позднее Павел вынужден был призвать упрямого старика Суворова из глухого Кончанского, так Екатерине пришлось, наконец, обратиться к Румянцеву в великолепную Ташань, поручив ему решить судьбу Польши.

Павел I, вступив на престол, пожелал вызвать в Петербург престарелого «Российского Нестора», как называл Румянцева Суворов. Но было уже поздно. 25 ноября 1796 г. Румянцев почувствовал себя плохо. «4-го числа декабря в 9-ть часов параличный удар отнял у него язык и всю правую сторону тела, а 8-го числа он скончался»²⁷.

Имя фельдмаршала Румянцева в истории русского народа находится в ряду крупнейших полководцев России XVIII и XIX вв. С его именем неразрывно связаны блестящие победы русских войск над прусскими, турецкими и польскими армиями. Под водительством Румянцева и Суворова 170 лет назад русские солдаты освободили от польского владычества исконные русские земли, обеспечили границы на юге, перенесли их до Черного моря, и обеспечили выход к Дунаю.

Проф. Н. КОРОБКОВ.

²⁷ Чтения в Об-ве Истории и Древностей Российских, 1859, кн. 3, стр. 118—120.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Военное прошлое новых советских городов

Таллин

Исторические судьбы Эстонии неразрывно связаны с судьбами русского народа. Еще одиннадцать столетий назад предки нынешних эстонцев — племя чудь — были в экономическом и политическом отношениях тесно связаны с русскими славянами. С IX до начала XIII вв. большая часть эстонских земель входила в состав древнерусского государства.

В первые годы XIII в. начинается немецкая экспансия в страны восточной Прибалтики. Земли ливов и латышей были без большого труда захвачены немецкими крестоносцами, основавшими на этой территории своеобразное феодальное государство — Ливонский рыцарский орден. Во втором десятилетии XIII в. орден начал наступление на Эстонию, где встретил решительное сопротивление.

Не рассчитывая на свои силы в борьбе с рыцарями, эсты обратились за помощью к великому русскому народу. Могущественное Новгородское государство выступило на защиту своих владений в Эстонии. К русским войскам присоединились эстонские отряды, пришедшие со всех концов страны, в том числе и из областей, никогда ранее не признававших власти русских князей. Началась «великая война русских и эстов против ливонцев»¹. Союз эстонского народа с новгородцами стал угрожать существованию Ливонского ордена. Тогда глава ливонской церкви, рижский епископ Альберт, отправился (в 1218 г.) к датскому королю Вальдемару просить помощи. Король Вальдемар, один из сильнейших монархов Европы², охотно согласился оказать поддержку, ибо вмешательство в ливонские дела сулило ему большие выгоды.

Весной 1219 г. датский флот из 1500 судов двинулся в Эстонию и пристал к берегу Ревельской области. Датские рыцари во главе с королем и дружина датского вассала, славянского князя Венцеслава (с острова Рюген), высадились на берег и захватили Линданисе. Датчане разрушили старый «замок» (точнее городище) и начали строить другой, новый³ на том же месте — на Вышгородской горе. Замок стали называть «Ревель» по имени области, в центре которой он был построен.

Все население Ревельской и соседней, Гарионской, областей поднялось на борьбу против завоевателей. Чтобы обеспечить себе победу, эстонцы пошли на хитрость. Их старейшины отправились к датскому королю с мирными речами и согласились креститься. Усыпив бдительность датчан и изучив расположение их лагеря, старейшины вернулись обратно. Три дня спустя, под вечер, когда датские рыцари безмятежно отдыхали, на их лагерь со всех сторон обрушились эсты. Рыцари

¹ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Л., 1938 г., стр. 189.

² Почти все князья северной Германии были его вассалами.

³ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 196.

застигнутые врасплох, понесли огромный урон. Теодерих, епископ еще не созданной эстонской церкви, был зарублен в своей палатке. Если бы не помощь князя Венцеслава, датское войско было бы уничтожено. Но князь Венцеслав, стоявший лагерем отдельно «в долине при спуске с горы к морю»⁴, во-время заметил, что происходило на горе, собрал дружину и ударил в тыл эстам. Эстонские отряды вынуждены были отступить. Король собрал своих рыцарей и вместе с Венцеславом атаковал эстов. Закованные в железо рыцари после упорной борьбы разбили слабо вооруженные эстонские отряды и обратили их в бегство.

По окончании постройке замка король отплыл в Данию, оставив в Ревеле сильный гарнизон. Весь следующий год ревельский гарнизон сражался с эстами и, вероятно, не раз выдерживал осаду. Лишь к концу года, когда датчанам удалось оружием и уговорами принудить ревельских эстов к крещению, в области установился мир.

Датчане закрепились в Ревеле и, опираясь на ревельский замок, сумели за два года подчинить себе всю северную Эстонию. Русские не могли им помешать. В Новгороде еще в 1218 г. начались внутри-политические распри, и новгородские правители должны были временно отказаться от борьбы за свои владения в Эстонии. Ливонский орден воспользовался ослаблением русских и подчинил себе южную Эстонию.

Эстонцы очень скоро почувствовали на себе всю тяжесть датско-немецкого владычества, и среди них начались волнения. В 1222 г. произошло Великое эстонское восстание. Первыми поднялись вольные эзельские рыбаки, пославшие гонцов на материк. Посланцы восставшего Эзеля ездили по стране, призывая народ подняться на борьбу против рыцарей. Кроме того, Эстония обратилась за помощью к Новгороду.

Небольшие новгородские отряды сразу же вошли в Эстонию и заняли важнейшие стратегические пункты страны. Через год князь Ярослав Всеволодович с двадцатитысячным войском вступил в Эстонию и двинулся на юг, во владения ордена. Посланцы эзельских эстов, игравших руководящую роль в восстании, догнали его по дороге и уговорили сначала пойти на ревельских датчан, взять Ревель и таким путем обезопасить свой тыл для будущей борьбы с орденом. Русское войско, усиленное эстонскими отрядами, повернуло к Ревелю и осадило замок⁵.

Четыре недели Ярослав стоял под стенами Ревеля, но не добился успеха. Генрих Латвийский объясняет неудачу осады тем, что у русских было слишком мало осадных машин, а датчане наносили осаждающим тяжелый урон из многочисленных балист⁶. Увидев, что с наличными силами взять Ревель невозможно, Ярослав снял осаду и вскоре вернулся на Русь. Ввиду осложнения политической обстановки Новгород не смог больше посылать в Эстонию крупные силы. В следующем году эстонское восстание было подавлено.

Датские рыцари установили в Эстонии такой феодальный гнет, что превзошли в этом отношении даже своих собратьев — рыцарей Ливонского ордена. В 1343 г. чаша терпения эстонского народа переполни-

⁴ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии, стр. 196.

⁵ Поход к Ревелю был крупной стратегической ошибкой, приведшей через год к поражению восстания. Новгород не имел постоянной армии. Его войско-ополчение набиралось из крестьян, которые могли лишь на несколько месяцев бросать свои хозяйства. Поэтому Ярослав должен был использовать ограниченное время кампаний 1223 г. для борьбы с главным врагом — орденом. Кроме того, датчане были сильны лишь за ревельскими укреплениями и не представляли в действительности серьезной угрозы тылу русско-эстонской армии.

⁶ Хроника Ливонии, стр. 232. Баллисты — средневековые военные машины, построенные по принципу лука; могли метать камни, дротики, стрелы, окованные железом бревна и т. п.

лась. В ночь с 22 на 23 апреля на высоком холме в Гари⁷ запылал костер. Это был сигнал к восстанию. В ту же ночь по всей стране народ стал подниматься на борьбу против датчан. Восставшие сконцентрировали свои силы в Ревельской области и осадили Ревель, оплот датского владычества в Эстонии. В осаде Ревеля принимало участие 10 000 эстов. И снова, как 120 лет назад, восставшие эсты обратились за помощью к русскому народу. Псковский князь Александр Всеволодович вторгся в Эстонию, но не смог дойти до основных районов восстания. В это время все силы Ливонского ордена были брошены на помощь датчанам, освободили Ревель и потопили восстание в море крови⁸.

Датское правительство, напуганное восстанием, чувствовало себя не в силах дальше управлять Эстонией. В 1347 г. Эстония была продана Ливонскому ордену.

В XV—XVI вв. Ревель благодаря своей удобной гавани стал крупнейшим торговым городом Ливонии. По сухому пути через него шла торговля с Новгородом и Псковом, по морю — с городами Ганзейского союза и всеми странами северной Европы.

В 1558 г. Русское государство начало войну с Ливонским орденом за выход к Балтийскому морю. Под ударами русских войск Ливония развалилась на составные части. Тогда ревельские купцы и дворяне пригласили к себе шведов. В 1561 г. Ревель присягнул шведскому королю. Швеция, а за ней и Польша вмешались в борьбу за Ливонию. В конце 60-х годов в военных действиях установилось временное равновесие сил, при котором ни та, ни другая сторона не имели средств перейти в наступление и закончить войну победой.

В 1570 г. Иван Грозный решил перейти в наступление. Чтобы привлечь на свою сторону господствующие классы Прибалтики и обеспечить нейтралитет Дании, он решил создать из Ливонии вассальное, подчиненное Москве королевство. Королем Ливонии был провозглашен датский принц Магнус. Перед новым «королем» и русскими войсками в Ливонии⁹ была поставлена задача захватить Ревель. С захватом Ревеля русские получали в свои руки крупнейший торговый порт Ливонии, расположенный у ворот Финского залива и связанный удобными дорогами с Новгородом и Псковом. Захват Ревеля, стратегического центра северо-западной Эстонии, позволял русским занять последнюю не подвластную еще им часть эстонской территории — побережье Балтийского моря. Кроме того, с захватом Ревеля русскими шведы утрачивали свой главный оплот в Ливонии, и им пришлось бы отказаться от дальнейшего участия в борьбе. Таким образом, завоевание Ревеля должно было дать русским тот решающий перевес сил, который был необходим для победного окончания войны. Задача осложнялась тем, что город был прекрасно укреплен и имел сильный гарнизон; замок Вышгород был занят шведскими войсками, город охранялся отрядами ливонских кнехтов (наемных солдат).

Магнус прежде всего попытался мирным путем уговорить ревельский магистрат передать город в руки «короля» Ливонии. Но переговоры не увенчались успехом. Тогда десяти тысячное русское войско во главе с Магнусом 21 августа 1570 г. подошло к Ревелю и начало осаду города. Осада длилась 30 недель. Из Нарвы привезли осадные орудия, намечалась бомбардировка. Жители города сожгли предместья и производили постоянные вылазки, мешая осадным работам. С целью принудить их к сдаче на суше город был обложен со всех сторон. Но Ре-

⁷ Область в центре Эстонии.

⁸ См. статью Я. Зутис «Русско-эстонские отношения в IX—XIV веках». «Историк-марксист» № 3 за 1940 г., стр. 53—54.

⁹ Своих войск у «короля» не было, и королем он был только по имени. В действительности Магнус был орудием в руках Ивана Грозного и покорно выполнял волю русского царя.

вель продолжал все время получать продовольствие и боеприпасы морским путем. Чтобы прекратить снабжение осажденных по морю и установить полную блокаду города, нужен был флот; флота же у русских не было. Скоро стало ясно, что этим путем добиться сдачи города невозможно. Мощные стены Ревеля, несмотря на несколько бомбардировок, не имели серьезных повреждений. Сказывалась техническая отсталость Московской Руси. Русская артиллерия не могла справиться с ревельскими стенами.

Магнус во все время осады не прекращал попыток уговорить ревельский магистрат и бюргерство признать власть ливонского «короля» и сложить оружие. Своими частыми посланиями Магнус скорее мешал, чем помогал захвату города. Осажденные чувствовали и по количеству писем и по их тону, что Магнус не слишком надеется на взятие города военным путем, и еще решительнее продолжали оборону.

К середине марта Магнус убедился, что наличными средствами взять Ревель ему не удастся. Город, непрерывно получавший помощь морским путем, мог сопротивляться годами. В ночь на 16 марта русские сожгли лагерь и отступили к Нарве.

Несмотря на неудачу осады, Иван Грозный не отказался от мысли захватить Ревель, ибо обладание этим городом обеспечивало победоносное окончание войны. После ряда новых побед в Эстонии 23 января 1577 г. пятидесяти тысячная русская армия снова осадила Ревель. Вокруг города выросли осадные шанцы и блокгаузы, и уже через четыре дня после начала осады город был подвергнут обстрелу. Бомбардировка Ревеля длилась шесть недель и по своим масштабам превзошла даже бомбардировку Нарвы в 1558 г. На этот раз были подготовлены большие запасы пороха и ядер, позволявшие вести энергичный обстрел города. Бомбардировка велась из 44 орудий¹⁰. Широко использовались зажигательные снаряды, доставлявшие больше всего беспокойства осажденным. Комендант крепости Генрих Горн вынужден был отрядить 400 человек специально для того, чтобы тушить пожары. Тушили их главным образом при помощи мокрых бычачьих шкур, которые должен был иметь каждый домовладелец. Зажигательные снаряды засыпали замерзшим навозом. Полы на чердаках и в домах приказано было засыпать толстым слоем песку и мелких камней¹¹.

Несмотря на бомбардировку, русским не удалось и на этот раз пробить бреши в ревельских стенах. Ревельская артиллерия была сильнее русской. Тогда начали рыть подкоп и подводить мину под стену, но осажденные помешали этому контрминами. Главной причиной неудачи второй осады была, как и в 1570 г., невозможность осуществить блокаду города с моря. У русских попрежнему не было флота, и Ревель мог беспрепятственно получать по морю все необходимое для обороны. В начале марта русское командование убедилось в невозможности принудить город к сдаче и сняло осаду.

Неудачная осада Ревеля в 1577 г. была поворотным моментом в истории Ливонской войны. Ивану Грозному не удалось и на этот раз изменить соотношение сил в свою пользу. Обладая Ревелем и Ригой, господствуя на море, враждебные государства смогли теперь перейти в наступление против России, ослабленной двадцатью годами войны. Русские

¹⁰ С. М. Соловьев приводит любопытные данные о русской артиллерии, участвовавшей в осаде в 1577 г. 15 орудий стреляли ядрами от 5 до 12 фунтов; 6 орудий стреляли ядрами от 20 до 30 фунтов, 3 — от 52 до 55 фунтов. 4 стенобитных орудия бросали каменные ядра в 225 фунтов. При каждом орудии был запас в 700 ядер («История России с древнейших времен», изд. «Обществ. польза», СПб, 1894 г., кн. II, стр. 261).

¹¹ Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб, 1893, т. I, стр. 664—665.

войска начали терпеть поражения. Через несколько лет Польша и Швеция принудили Ивана Грозного к отказу от всех его завоеваний в Ливонии.

Спустя почти полтора столетия, в 1700 г., Русское государство снова начало борьбу за выход к берегам Балтики. В 1704 г. были заняты Нарва и Дерпт. После разгрома шведской армии под Полтавой (1709 г.) Петр I двинул армию к Балтийскому морю. В июне 1710 г. сдался Выборг, в июле — Рига, в августе — Пернов. В сентябре русские войска осадили последний оплот шведов в Прибалтике — Ревель. В осажденном городе скоро начался голод и эпидемии. Когда русские перекопали канал, снабжавший Ревель водой из Еркельского озера, город лишился воды, и его положение стало критическим. 29 сентября Ревель капитулировал.

Петр I создал в Ревеле военный порт и перевел сюда часть судов из Кронштадта. С тех пор Ревель стал наряду с Кронштадтом важнейшей базой русского Балтийского флота.

В 1790 г., во время русско-шведской войны, шведский флот атаковал с превосходными силами стоявшую на ревельском рейде эскадру адмирала Чичагова. Завязавшийся бой уже через два часа кончился победой русского флота. Шведы, потеряв 2 корабля и 150 человек убитыми, ушли к Гогланду.

Начиная с 90-х годов XX в. ревельский пролетариат шел в первых рядах борцов с буржуазией и царизмом. В начале 900-х годов в Ревеле оформляется большевистская организация. Крупная роль в создании ревельской большевистской организации принадлежит М. И. Калинину, который дважды (в 1901 и 1903 гг.) высылался полицией в Ревель и около трех лет работал на ревельских заводах.

В октябрьские дни 1917 г. в Ревеле была провозглашена советская власть. Но первые эстонские советы просуществовали лишь три месяца. 18 февраля 1918 г. началась германская интервенция. 25 февраля германские войска заняли Ревель. Советы в Эстонии были разгромлены. После эвакуации германских войск (в конце 1918 г.) в Эстонии была образована буржуазная республика. Ее столицей стал Ревель, переименованный в Таллин.

В 1924 г. таллинский пролетариат под руководством коммунистической партии Эстонии поднял вооруженное восстание против буржуазного эстонского правительства. Но восстание было плохо подготовлено, руководители восстания допустили ряд ошибок, чем и воспользовалась буржуазия. После четырех часов героического сопротивления восстание было подавлено.

В июле 1940 г. эстонский народ сбросил правительство плутократов, лакеев западноевропейского империализма и установил в стране советскую власть. Город Таллин стал столицей Эстонской Социалистической Республики.

И. ШАСКОЛЬСКИЙ.

Нарва

Город Нарва лежит на левом берегу р. Наровы, неподалеку от ее впадения в Финский залив. Географическое местоположение этого города делало его в течение многих столетий важным стратегическим пунктом и крупнейшим центром транзитной торговли между Россией и странами Запада.

Роль р. Наровы в народном хозяйстве допетровской Руси была огромна. Для Новгорода, Приладожья, Верхнего Поволжья ближайшим выходом к морю была Нева. Для Пскова и псковской земли, прилегающей к Чудскому и Псковскому озерам, путь к морю шел через р. Нарову. Поэтому для Пскова в годы его самостоятельности и для всей России после создания русского национального государства обладание Наровой (или хотя бы одним ее берегом) было очень важно¹. Этим объясняется тот факт, что берега Наровы на протяжении многих столетий были ареной борьбы между русскими и их западными соседями.

Крепость, выстроенная каким-либо из западных государств на берегу Наровы, брала под свой контроль всю морскую торговлю Пскова. Закрепление шведов или датчан на Нарове, на ближайших подступах к Неве, ставило важнейший для русской земли выход к морю под постоянную угрозу неприятельского нападения. Поэтому новгородское правительство в течение многих лет энергично боролось со всеми попытками врагов закрепиться на берегах Наровы. И лишь на рубеже XIV столетия, в годы ослабления Новгорода, на Нарове прочно укрепились датчане.

Дату основания города Нарвы с точностью определить невозможно. Поздние ливонские хроники Рюссова, Нюэнштедта и Хьерна сообщают, что Нарва была построена королем датским Вальдемаром вскоре после постройки Ревеля². Уже в начале прошлого века А. Х. Лерберг установил, что это указание является вымыслом поздних хронистов³. Лерберг впервые обратил внимание исследователей на текст русских летописей под 1256 г., где говорится о попытке шведов и датчан построить крепость на Нарове. Из текста летописей явствует, что шведы и датчане пытались построить крепость на пустом месте и что до этого на Нарове никакой крепости не было⁴.

В 1255 г. два крупных датских феодала в Эстонии Дитрих фон Кивель и Отто фон Лüneбург возбудили перед римским папой вопрос о необходимости поставить отдельного епископа для Вотландии (Водской земли), Ингрии (Ижорской земли) и Карелии. Папа Александр IV буллой от 3 августа 1255 г. поручил рижскому архиепископу назначить специального епископа для этих стран. Но Водская, Ижорская и Карельская земли были исконными владениями Великого Новгорода и в церковном отношении не подчинялись папе. Назначение католического епископа в исконные русские области означало фактически призыв к отторжению этих областей от Русского государства.

Призыв папы Александра IV нашел отклик в Швеции. Большое шведское войско высадилось в устье Наровы. Вместе со шведами, по словам летописей, пришел к Нарове и «Дидман со своей волостью». «Дидманом» русские летописи называют уже известного нам Дитриха

¹ Надо учесть также, что Нарова издавна была пограничной рекой. С 20-х годов XIII в., когда Эстония перешла в руки датчан и Ливонского ордена, по р. Нарове проходила западная граница Новгородского (а затем Русского) государства.

² Постройку Ревеля Рюссов и Нюэнштедт относят к 1223 г., Хьерн — к 1221 г.

³ А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к разъяснению древней русской истории. СПб, 1819, статья «О жилищах Емь», стр. 136—137.

⁴ В русских летописях под 1256 г. (в переводе на современный язык) говорится: «пришли шведы и Сумь и Емь, и Дитман, и начали строить крепость на Нарове».

фон Кивель, главного организатора похода⁵. Он привел с собой отряд вооруженных вассалов⁶. Высадившись, шведы начали строить крепость на берегу Наровы.

Новгородское правительство встретило попытку шведов закрепиться на русских рубежах как враждебный акт и стало немедленно собирать войска. Военные приготовления русских приняли такие широкие размеры, что шведы испугались и решили не дожидаться столкновения. Шведы хорошо помнили урок, полученный ими на Неве 16 лет назад. Кроме того, отряды покоренных племен — финнов и эстов, — составлявшие более половины войска, были неблагонадежны⁷. Шведы и Дидман, узнав о приближении новгородцев, бросили постройку города и бежали за море, не дожидаясь прихода русских. Александр Невский не застал уже врагов на Нарове и с частью войска совершил набег на шведские владения в Финляндии.

В 1293 г. шведы захватили Карельский перешеек — ближайший подступ к Неве. Для укрепления за собой захваченной территории они выстроили Выборгский замок. Спустя год союзники шведов — датчане — попытались сделать то же самое на южном берегу Финского залива. Сын Дидмана⁸ пришел с большим отрядом своих вассалов к Нарове и выстроил крепость на правом берегу реки.

Совпадение постройки Выборга и Нарвы неслучайно. Обе крепости должны были играть на разных берегах Финского залива одну и ту же политическую и стратегическую роль: передового форпоста на границах Руси, у важнейшего для русской земли выхода к морю.

Выборг и крепость на Нарове брали в клещи Невское устье. Новгородцы не смогли уничтожить Выборг, но с Нарвской крепостью расправились быстро. Крепость Титмановича была сразу же взята русскими и сожжена. Вторая попытка постройки Нарвы кончилась неудачей.

Спустя некоторое время датчанам все же удалось построить Нарву. В 1323 г. имя города Нарвы впервые упоминается в источниках⁹, из чего следует, что город был основан между 1294 и 1323 гг. Изучение надгробных надписей под полом городского собора позволило еще более уточнить эту дату. Древнейшая надгробная надпись датирована 1314 г.¹⁰. Значит, Нарва была основана между 1294 и 1314 гг. В эти годы новгородцы, втянутые в междоусобные войны русских князей, не могли помешать постройке вражеской крепости.

В 1347 г. датский король продал Эстонию Ливонскому ордену. Магистр Ливонского ордена Генрих Дуземер немедленно принялся за усиление нарвских укреплений. Оборонительные сооружения города были реконструированы, Нарва была впервые окружена каменной стеной с башнями¹¹. Псковичи увидели в этих действиях угрозу безопасности своей торговли. Они двинулись к Нарве и выжгли предместья города¹². Вооруженные столкновения в районе Нарвы происходили неоднократно и в XV в.

К концу XV в., при царе Иване III, складывается русское нацио-

⁵ Тождество Дитриха фон Кивель с «Дидманом» русских летописей доказано Р. Goetze в его сочинении «Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Ebstland und Livland». St. Petersburg, 1854, s. 147—157.

⁶ Эстонских крестьян, живших на захваченных им землях.

⁷ В том же году при вступлении русских войск в Финляндию в стране началась восстания против шведов.

⁸ Летопись называет его «Титманович», т. е. сын Титмана (Дидмана).

⁹ В латинском тексте Ореховецкого договора; см. «Antiquités Russes», II. Copenhagen, 1850, стр. 491.

¹⁰ А. В. Петров. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности (1223—1900). СПб., 1901, стр. 39.

¹¹ В результате строительных работ в 1347 г. был создан нынешний Ливонский замок или Нарвский Вышгород; он много раз перестраивался и подвергался реставрации.

¹² Полное собрание русских летописей, V, Псковская II летопись, стр. 14.

нальное государство, включающее в себя новгородские и псковские земли. С этого времени и начинается упорная борьба за выход к морю, за Прибалтику. Не располагая достаточными силами для возвращения Нарвы, Иван III решил укрепиться на правом берегу р. Наровы, где в 1492 г. напротив Ливонского замка¹³ — цитадели города Нарвы — выстроил каменную крепость Ивангород¹⁴. Крепость занимала более удачную позицию, чем Ливонский замок: Ивангород был выстроен на высоком мысу, с трех сторон окруженном водами Наровы, и мог держаться под огнем своих пушек реку на большем протяжении, чем нарвская цитадель. Ивангород в своей южной части контролировал реку за пределами нарвских укреплений. Это позволяло его орудиям препятствовать проходу вражеских судов в Чудское озеро и к Пскову. Саженные стены крепости с огромными зубчатыми башнями и сейчас еще производят грандиозное впечатление на зрителя.

Постройкой Ивангорода Русское государство не только укрепляло свои западные границы, но и ставило город Нарву и порт под контроль русских пушек.

Все силы, заинтересованные в сохранении status quo на Балтике, зашевелились. Постройка Ивангорода больше всего затрагивала интересы владевшего Эстонией Ливонского ордена. Но орден в тот момент был слишком слаб для борьбы с Москвой. На борьбу с Русским государством за Прибалтику выступает Швеция, которая господствовала в восточной части Балтийского моря. Через четыре года после закладки Ивангорода 70 шведских судов вошли в воды Наровы и осадили Ивангород. Ивангородский воевода Юрий Бабич не сумел отстоять вверенную ему крепость, и Ивангород был взят шведами.

Захватив крепость, шведы предложили ее Ливонскому ордену, но правители ордена боялись нарушить заключенное недавно перемирие с Москвой и отказались взять крепость. Не рассчитывая своими силами удержать Ивангород, отделенный сотнями верст морского пути от шведских владений, шведы сожгли укрепления и вернулись на родину. Вслед за этим пришли русские и восстановили Ивангород.

В середине XVI в. Русское государство настолько усилилось, что царь Иван Грозный счел возможным начать борьбу за балтийские берега и порты. Главной целью был захват морских портов. У русских был свой кусочек морского берега (от устья р. Сестры до устья Наровы). Борьба за Нарву была первой крупной операцией Ливонской войны (1558—1583 гг.).

В марте 1558 г., когда в Москве шли переговоры и еще пытались уладить конфликт мирным путем, нарвская артиллерия неожиданно открыла огонь по Ивангороду и этим спровоцировала начало военных действий. Ивангородские воеводы, имевшие приказ не открывать огня без личного приказания царя, послали в Москву гонца с запросом, что им делать. Как только от царя было получено разрешение, Ивангородская крепость начала (1 апреля 1558 г.) ответный артиллерийский обстрел Нарвы¹⁵.

Одна из бомбардировок продолжалась 10 суток без перерыва. Судя по рассказам современников, орудийный огонь из Ивангородской крепости достиг на этот раз такой силы, какой еще не достигала русская артиллерия за всю ее двухвековую историю. Каждый день расходовалось до 300 медных и каменных ядер.

Осажденный город не получал никакой поддержки от Ливонского государства.

¹³ Река Нарова в этом месте настолько узка, что расстояние между обеими крепостями равняется всего 200 м.

¹⁴ Ивангород был остроумно назван немцами «Trotz Narva».

¹⁵ Курбский. История Иоанна Грозного; «Сказания князя Курбского», изд. Н. Устрялова. СПб, 1842, стр. 55—56.

Нарва, предоставленная собственным силам, не могла долго продержаться. 11 мая от бомбардировки возник пожар, скоро охвативший весь город. Среди жителей и гарнизона началось смятение, которым воспользовались осаждающие. Русские войска с двух сторон ворвались в город. Гарнизон укрылся в Ливонском замке, бросив на городских стенах все пушки. Эти пушки были сразу же захвачены и повернуты в сторону замка. Замок стали обстреливать со всех сторон: с городских стен, из Ивангорода, с осадных шанцев. К вечеру гарнизон сложил оружие. Нарва, одна из сильнейших крепостей Ливонии, была взята быстро и с ничтожными потерями с русской стороны.

С захватом Нарвы Русское государство получило в свои руки важный морской порт с пристанями, складами, торговыми помещениями, с хорошо налаженными торговыми связями с крупнейшими городами Запада. В первую русскую гавань на Балтике сразу же потекли корабли со всех концов Европы. Завязалась оживленная торговля с городами северной Германии, объединенными в Ганзейский союз, с Англией, Голландией, Шотландией, испанскими Нидерландами (Бельгией), Францией, Данией. Десятки торговых кораблей¹⁶ привозили в Нарву продукты европейского мануфактурного и ремесленного производства, везли из Нарвы меха, воск¹⁷, лен, пеньку, корабельный лес и т. п. Европейских товаров в Нарве скапливалось так много, что они там стоили дешевле, чем в Европе. Особо важное значение имел ввоз оружия.

Стратегическое и экономическое значение прекрасно учитывали противники Русского государства. Они не хотели примириться с тем, что Нарва находится не в их руках. И в конце 70-х годов шведы и поляки перешли снова в наступление. В 1581 г. шведские войска под командованием Делагарди после упорной осады взяли приступом Нарву. Победители устроили в городе кровавую резню, перебив до 7 000 человек. Вслед за Нарвой шведы взяли и Ивангород, Яму и Копорье. Обессиленная двадцатилетней войной, Россия не могла противостоять сильной коалиции. Ивану Грозному пришлось заключить перемирие со шведами. По этому перемирию к шведам перешли захваченные ими русские города. И только через 7 лет, в результате упорной борьбы, русские войска возвратили Ивангород, Яму и Копорье.

В начале XVII в., когда русский народ вел тяжелую борьбу против польской интервенции, шведы снова вторглись и захватили исконные русские земли. По Столбовому миру 1617 г. они закрепили за собой берега Невы и тем самым отрезали Россию от Балтийского моря.

И только Петром I была устранена эта историческая несправедливость, задерживавшая развитие русского национального государства.

В 1700 г. Петр I начал войну за возвращение России балтийских берегов. Как и в Ливонскую войну, ближайшей целью Петр ставил задачу овладения Нарвой. В сентябре 1700 г. русские войска осадили город.

Но битва под Нарвой в силу неподготовленности русской армии и измены командования кончилась поражением русской армии. Вся артиллерия досталась шведам. Карл XII решил, что покончил этим ударом с Россией, и двинул войска на Польшу.

Но шведский король ошибся в своих расчетах. Петр реорганизовал и обновил армию, восстановил артиллерию и уже через два года перешел в наступление. В 1702—1703 гг. от шведов была отвоевана Нева и в ее устье заложен Петербург. Русский народ пробил себе ворота в Европу.

¹⁶ Из одного только города Любека, крупнейшего порта северной Германии, прибыло в Нарву в 1567 г. 33 корабля, в 1570 г. — 40 кораблей (Петров, стр. 96).

¹⁷ По словам Флетчера, через Нарву вывозилось ежегодно до 50 000 пудов воска.

В 1704 г. русская армия снова осадила Нарву. На этот раз шведский гарнизон не мог ниоткуда получить помощи: король Карл XII со своей армией в это время был в Польше. 30 июля началась бомбардировка, длившаяся десять дней. В северо-восточной части городской стены русскими бомбами были пробиты две бреши. 9 августа пять выстрелов из мортир возвестили начало штурма. С северной стороны города тысячи русских солдат бросились на стены и в пролом. Шведы защищались храбро, стреляли из орудий, сбрасывали лестницы, по которым русские лезли на стены, но не могли остановить русского натиска. Русские войска с нескольких сторон ворвались в город. Видя, что его дело проиграно, шведский комендант Горн приказал бить «шамад» (сигнал сдачи).

Последняя осада Нарвы кончилась полной победой русской армии. Весь штурм продолжался не более часа, с двух до трех часов пополудни¹⁸. В 1704 г. Нарва вошла в состав России на долгое время (214 лет). В народном хозяйстве России XVIII—XIX вв. Нарва играла гораздо более скромную роль, чем во времена Ивана Грозного. Она утратила и военное значение. Лишь в годы социалистической революции в России город и его окрестности снова стали театром военных действий. Вскоре после начала германской интервенции Нарва была захвачена германскими войсками. Согласно условиям Брестского договора у р. Наровы германское наступление остановилось.

После эвакуации германских войск 28 ноября 1918 г. Нарва была взята частями Красной Армии. Через два дня в Нарве была провозглашена Эстонская Советская Республика (Эстонская Трудовая Коммуна). Красные эстонские отряды в декабре заняли значительную часть Эстонии. 6—7 января 1919 г. белоэстонцы, усиленные финскими добровольческими отрядами, перешли в контрнаступление и оттеснили части Красной Армии за Нарову.

Весной 1919 г. в районе Нарвы русская контрреволюция сконцентрировала крупные силы, которые были брошены в наступление на Петроград (первое наступление ген. Юденича). Под руководством товарища Сталина это наступление было отражено, белая армия отброшена к Ямбургу. Осенью Юденич снова начал поход на Петроград. В жестоких боях под Пулковым, Гатчиной, Красным Селом армия Юденича была разгромлена. Остатки его войск были прижаты советскими бойцами к эстонской границе — к р. Нарове. В декабре армия Юденича, полностью потерявшая боеспособность, перешла эстонскую границу, в окрестностях Нарвы была расформирована и интернирована. 2 февраля 1920 г. в Тарту был подписан мирный договор между СССР и Эстонской Республикой. По этому договору граница нашей страны вновь легла по р. Нарове. Нарва отошла к Эстонии.

Два-три года назад плутократические правители Эстонии попытались восстановить первоначальную роль Нарвы. Они хотели снова превратить этот город в передовой вражеский форпост на границах социалистического государства. Нарва, по идее их европейских хозяев, должна была сыграть роль Выборга на южном берегу Финского залива. С этой целью вдоль р. Наровы была построена линия укреплений. Но эстонский народ не дал буржуазным правителям втянуть себя в войну с Советским Союзом. В июле 1940 г. пограничные столбы, отделявшие Эстонию от страны Советов, были навсегда сброшены в р. Нарову. Эстония, а с ней и город Нарва стали советскими.

И. Ш.

¹⁸ Петров, стр. 294.

Тáрту

(ЮРЬЕВ)

Ни один из городов северной Прибалтики, за исключением Нарвы, в своем отдаленном историческом прошлом не связан так тесно с историей русского народа, как Тáрту (Юрьев). Благодаря своему географическому положению и близости к русскому водному торговому пути, ведущему через Финский залив в Западную Европу, Юрьев играл значительную роль как в средневековой, так и в новейшей истории русского северо-запада.

История создания города неразрывно связана с историей борьбы русского и эстонского народов против колонизаторов. Угроза вражеского захвата Прибалтики затрагивала интересы ближайших русских городов — Новгорода и Пскова.

В целях защиты Прибалтики и сохранения свободного выхода в Балтийское море князь Ярослав Мудрый с новгородцами и псковитянами предпринял, по словам летописца, поход «в Чудскую землю» и «поставил там град и нарече его во свое крещеное имя... Юриев»¹. По летописным источникам датой основания города является 1030 г.

В ливонской исторической литературе распространено мнение, будто бы князь Ярослав Мудрый не основал, а только лишь укрепил и переименовал уже ранее существовавший городок по имени Тарто-лан, от которого и произошло современное название города Юрьева—Тáрту. В действительности самое название опровергает эту версию. Тарто-лан в переводе означает татарский город, и такое имя эсты дали Юрьеву как городу, основанному именно русскими, которых они тогда считали одного происхождения с татарами. Если принять во внимание, что татары появились на Руси в первой половине XIII в. (т. е. через двести лет после основания Юрьева), то версия, оспаривающая основание города Ярославом Мудрым в 1030 г., сама по себе отпадает. Очевидно, что современное название города Тáрту, так же как и старое ливонское Дорпат или Дерпт, имеют более позднее происхождение.

Местом для основания Юрьева Ярослав неслучайно избрал живописный берег реки Эмбах. Расположенная в центре северо-восточной части Прибалтики и впадающая в Чудское озеро, где проходил главнейший водный торговый путь города Пскова, р. Эмбах служила естественным продолжением этого пути в западном направлении. Кроме того, по р. Эмбах как эсты, так и ближайшие их соседи — псковитяне — постоянно поддерживали между собой связь и вели оживленную торговлю. Поэтому самое появление города на р. Эмбах отвечало интересам обоих народов. Но не только в этом заключалось значение Юрьева. Юрьев предназначался и для защиты псково-новгородских торговых путей, прикрывая их со стороны северной Прибалтики.

За первые два века своего существования Юрьев оставил мало следов в своей истории. Известно, что через тридцать лет после своего основания, в 1060 г., Юрьев подвергся нашествию ссолов². По краткому летописному упоминанию, ссолы — народ не местный, а пришлый, появлявшийся не только в Юрьеве, но и во всей окружающей город местности. Последняя подверглась с их стороны страшному опустошению, а Юрьев был razорен, сожжен и жители его все перебиты. Следующие упоминания летописи о Юрьеве относятся уже к XII в. В них говорится, что город дважды был взят русскими: в 1133 г. новгородцами и в 1191 г. новгородцами и псковичами³.

¹ Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 266.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 176; т. V, стр. 140.

³ ПСРЛ, т. III, стр. 6; т. IV, стр. 4.

В конце XII в. в Прибалтике появились рыцари-меченосцы, начавшие свои завоевательские войны. Первое время война развертывалась на земле ливов⁴, в средней части Прибалтики — нынешней Латвийской ССР; но к началу XIII в. она распространилась дальше к северу, в землю, населенную эстами.

В те времена главными центрами Эстонии были два города: Ревель (нынешний Таллин) на западе у Балтийского моря и Юрьев на востоке. Эсты поддерживали с русскими постоянную связь, а иногда получали от них и военную помощь. Чтобы помешать этому общению эстов с русскими и легче разделаться с ними, ливонские рыцари предприняли целый ряд походов в восточную часть Эстонии с целью захватить Юрьев и близлежащие к нему районы. Только в течение одного 1211 г. Юрьев несколько раз подвергался нападениям со стороны ливонских рыцарей и был разграблен, а прилегающие к городу местности — Вайга, Нумергунде, Саккала и Унгавия — совершенно опустошены.

Как только в Новгород пришла весть о бедственном положении эстов, князь Мстислав Удалой с новгородцами и псковитянами сейчас же выступил на защиту. Он прошел почти через всю Эстонию, освобождая эстов от новых пришельцев, навязывавших им силой оружия свое владычество. Ливонские рыцари отступили и примирели. Но с уходом новгородского войска из пределов Эстонии они возобновили свои набеги, и вокруг города Юрьева снова разгорелась ожесточенная борьба⁵. Рыцари никогда бы не могли добиться успеха в своих действиях, если бы, как замечает Маркс, племена, населявшие прибалтийские страны, «были единодушны»⁶.

В 1222 г., когда ливонским рыцарям удалось захватить в свои руки едва ли не большую часть Эстонии, против них поднялось восстание эстов, которое широко охватило всю страну и, в частности, город Юрьев. В последнем незадолго перед тем утвердились ливонцы. По свидетельству ливонской хроники, старейшины эстов из соседнего замка Вилиендэ (нынешнего Вальянди) послали в Юрьев «...окровавленные мечи, которыми убили тевтонов, их одежду и коней. Те все (т. е. жители Юрьева.— В. Ш.) с радостью приняли эту весть, бросились на братьев-рыцарей и связали их, а Иоанна, бывшего у них судьей, и всех их слуг перебили. И из купцов истребили острием меча весьма многих; прочие сначала было спаслись, спрятавшись, но потом и их заключили в оковы. Все добро братьев-рыцарей, других тевтонов и купцов они захватили и разделили между собой, а тела убитых бросили непогребенными на поле...» По всей Эстонии и Эзелю, говорит далее ливонская хроника, прошел тогда призыв к бою с датчанами и тевтонами. Эсты призвали себе на помощь русских из Новгорода и из Пскова, закрепили мир с ними и разместили некоторых в Дорпате (т. е. в Юрьеве.— В. Ш.), иных — в Вилиендэ и других замках, чтобы сражаться против тевтонов⁷.

Через некоторое время после того, как восстание эстов затихло, ливонские рыцари, не желая утрачивать своих завоеваний в Эстонии, вновь вторглись в пределы страны, захватили несколько замков и стали угрожать Юрьеву. Жители Юрьева обратились в Новгород за поддержкой, и новгородцы прислали им князя Вячку, прославившегося своей необычайной храбростью и ненавистью к ливонцам. В следующем, 1222 г. рыцари осадили город «и бились там пять дней, но не могли, по своей малочисленности, взять замок и, разграбив окружающую местность, с добычей вернулись в Ливонию»⁸.

⁴ От этого и произошло название страны Ливонии, впоследствии распространенного орденом меченосцев на всю Прибалтику.

⁵ Хроника Ливонии. Изд. Академии Наук СССР, М.-Л., 1938, стр. 148—150.

⁶ К. Маркс. Хронологические выписки. Журнал «Большевик» № 24 за 1936 г. стр. 52.

⁷ Хроника Ливонии, стр. 225—227.

⁸ Там же, стр. 235.

Неудача под Юрьевом не остановила ливонцев. Стремясь во что бы то ни стало вернуть себе город, они принялись усиленно вооружаться и собирать войска для нового похода. Перед самым выступлением в поход глава Ливонского ордена — рижский епископ Альберт — предложил князю Вячко через своих послов «отступиться от тех мятежников, что были в замке, так как они оскорбили таинство крещения»⁹. Но князь Вячко отклонил предложение ордена, взяв под свою защиту город.

Юрьевский замок, по свидетельству ливонской хроники, был тогда наиболее крупным и сильно защищенным замком в Эстонии. Глубокие рвы и высокие стены казались неприступными и на них вполне можно было бы положиться, имея нужное для обороны количество орудий и войска. Но на самом деле ни того, ни другого в Юрьеве у князя Вячко не было. Находившиеся в замке орудия — балисты и патерэллы — были малочисленны. Княжеских воинов было всего-навсего около двухсот человек. Правда, в замке, кроме русских, находились еще эсты, но их присутствие немногим улучшало положение. Вячко не мог противостоять против многочисленного и притом хорошо вооруженного ливонского войска. Но, не располагая достаточными военными силами, он рассчитывал, очевидно, на помощь со стороны новгородцев и псковитян. Поэтому он отклонил предложение Ливонского ордена о капитуляции.

15 августа 1224 г. войска ливонцев подошли к Юрьеву и окружили город со всех сторон. Началась осада. Не рассчитывая на успех лобовой атаки и опасаясь русских лучников, метко обстреливавших самые подступы к стенам крепости, ливонцы начали «...строить малые осадные машины и патерэллы, наготовили множество военных орудий, подняли крепкую осадную башню из бревен, которую восемь дней искусно строили из крупных и высоких деревьев в уровень с замком, затем направили поперек рва, а внизу тотчас начали вести подкоп. Для рытья земли днем и ночью отрядили половину войска, так чтобы одни рыли, а другие выносили осыпающуюся землю. Поэтому с наступлением утра значительная часть подкопанного обрушилась с вала и вскоре можно было продвинуть осадную башню ближе к замку»¹⁰. Пока длилась подготовка к осаде, ливонцы еще раз вступили в переговоры с Вячко. Но новгородский князь и на этот раз отклонил их предложение.

По окончании осадных работ ливонцы привели в действие метательные орудия и начали бомбардировку замка, забрасывая его камнями, бревнами, железом с огнем, огненными горшками и целым дождем стрел из арбалетов. Осажденные упорно держались. С обеих сторон гибло множество народа.

Торопясь покончить с осадой Юрьева, прежде чем успеет подойти к нему помощь, ливонцы на военном совете решили не медлить и взять замок приступом. Выбрав для прорыва менее защищенное место, они стали подносить к стенам замка бревна и лестницы, с помощью которых рассчитывали добраться до замковой стены. Но в самый разгар подготовительной работы «эсты в замке зажгли большие огни, открыли широкое отверстие в валу и стали через него скатывать вниз колеса, полные огня, направляя их на башню и подбрасывая сверху кучи дров»¹¹. Разломав колеса и предотвратив пожар в башне, ливонцы подожгли мост и начали приступ. Перед крепостной стеной около башни и возле отверстия, через которое скатывались огненные колеса, завязалась ожесточенная борьба.

Эсты сражались мужественно и храбро, но, безоружные, они не могли долго сдерживать натиск рыцарей, одетых в броню и вооруженных с ног до головы.

⁹ Хроника Ливонии, стр. 236.

¹⁰ Там же, стр. 237—238.

¹¹ Там же, стр. 239.

Шедшее на помощь князю Вячко новгородское войско опоздало. Оно успело добраться только до Пскова, где и было остановлено гонцом, принесшим из Юрьева печальную весть.

Только в 1234 г. Ярослав Всеволодович, княживший в то время в Новгороде, явился под Юрьев, разбил войско Ливонского ордена и заставил своего противника подписать мир¹². Во второй половине 30-х годов XIII в. Ливонский орден, пользуясь тем, что русские были заняты борьбой с татарами, предпринял наступление на Псков. Захватив в результате измены боярской верхушки город, он обратился затем против Новгорода. К этому же времени относится и появление шведов на Неве во главе с полководцем Биргером Фолькунгом. Близкая опасность сплотила новгородцев. В июне 1240 г. они выступили под предводительством Александра Невского и разбили шведов, а через год после невской победы начали борьбу с Ливонским орденом и нанесли рыцарям поражение на Чудском озере.

В начале 60-х годов XIII в. взаимоотношения новгородцев и псковитян с орденом снова обострились, и в Ливонии стали вновь готовиться к походу на русскую землю. Александр Невский, решив заранее разстроить планы противника, собрал большое войско, поставил во главе его своего сына Дмитрия и отправил его к Юрьеву. Поход был осуществлен с большим успехом. Овладев Юрьевом, Дмитрий Александрович продиктовал ливонцам условия мира и вернулся в землю свою «со множеством полона и честью великою»¹³.

Поход князя Дмитрия Александровича в 1262 г. так же, как и поход его деда Ярослава в 1234 г., было бы неправильно рассматривать как неудавшуюся попытку овладеть Юрьевом. И Ярослав (дед), и Александр (сын), и Дмитрий (внук) имели полную возможность закрепить за собой город. Но они не ставили этого своей задачей, так как предпринимали свои походы к Юрьеву с карательной целью. Когда они диктовали условия мира как победители по «своей доброй воле», они стремились лишь к восстановлению мира и дружбы с Ливонским орденом и никаких других требований ему не предъявляли. Вступая в борьбу с орденом, русские должны были по возможности ограничивать свои военные действия в Прибалтике, ибо целиком были поглощены своими внутренними делами и усиленной борьбой с татарами.

После похода Дмитрия Александровича для Юрьева наступила более спокойная пора существования. И она продолжалась в течение XIV и XV вв. Правда, в начале XV в. (1406 г.) и в конце его (1480—1481 гг.) город дважды подвергался нападениям со стороны русских, воевавших с Ливонским орденом, но в обоих случаях Юрьев избежал опасности. Имевшее место в начале XVI в. столкновение в Юрьеве сторонников ордена с отрядами московских войск также не затронуло города.

Ослабление борьбы за Юрьев между русскими и Ливонским орденом объяснялось отчасти и тем положением, которое занял этот город с конца XIII в. С этого времени до середины XIV в. Юрьев вел оживленную торговлю с ганзейскими городами и превратился в крупный торговый город; его население увеличилось до 50 000 человек. Благодаря близости к Пскову и Новгороду Юрьев стал чем-то вроде посредника в русско-ганзейской торговле. Это ставило его в некоторую зависимость от русских городов, с чем, между прочим, охотно мирились в Юрьеве. Эта с годами все более укреплявшаяся связь в конце концов привела к тому, что интересы города Юрьева (несмотря на то, что влиятельную часть среди его жителей составляли ливонцы) стали расходиться с ин-

¹² ПСРЛ, т. I, стр. 220—221; т. III, стр. 49.

¹³ ПСРЛ, т. IV, стр. 180; т. V, стр. 190—191.

тересами Ливонского ордена. Расхождение интересов особенно сильно дало о себе знать к началу Ливонской войны.

С середины XVI в., при царе Иване Грозном, вопрос о возвращении России Юрьева и Нарвы встал с особенной остротой. Без возвращения этих двух городов в пределы русского государства немислимо было и думать не только о расширении, но даже и о поддержке торговых связей с Западной Европой. А это являлось жизненной необходимостью для Русского государства XVI в.

Утвердившись в Юрьеве и Нарве, Ливонский орден всячески препятствовал русской торговле в этих городах. Он преследовал русское купечество и старался облагать его товары самой высокой пошлиной. Иван Грозный стал энергично добиваться признания орденом свободной торговли русских в северной Прибалтике и, в частности, в Юрьеве и Нарве.

Во время спора Ливонского ордена с Иваном Грозным, когда развязка войны казалась неизбежной, Юрьев открыто выступил против войны с Москвой. На съезде Ливонского ордена в Вольмаре перед началом войны, где обсуждался вопрос об отношениях к России, представители города Юрьева настаивали на мирном разрешении всех возникших с московским правительством разногласий. Даже наиболее зажиточная часть жителей Юрьева, являвшаяся в общей сложности совсем незначительной среди городского населения, готова была пойти на уступки русским и принять их предложения. Что же касается основной и коренной массы населения города — эстонцев, то они, по откровенному признанию самих ливонцев, с нетерпением ожидали прихода русских¹⁴.

В январе 1558 г. русское войско под предводительством Петра Шуйского вступило в Ливонию. 12 марта пала Нарва, 15 июля русские захватили крепость Нейгаузен (Новый городок), которая считалась в ливонской дерптской епископии главной защитой и прикрывала Юрьев с южной стороны. После взятия Нейгаузена Шуйский начал осаду Юрьева.

Для укрепления осадных позиций, занятых перед самой крепостью, русские возвели шанцы и установили пушки. Ливонцы произвели несколько атак и три раза выбивали русских из занимаемых ими укреплений. Но каждый раз они затрачивали так много сил, что не смогли удержаться на занятых позициях и принуждены были отступить с большими потерями. Шуйский все ближе и ближе подступал к стенам крепости. 14 июля русские батареи усилили бомбардировку, а в ночь на 15-е был произведен подкоп и взорвана часть замкового укрепления. Интенсивная бомбардировка производила большие разрушения в крепости. В городе поднялся ропот против епископа, которого ненавидели, и против ливонцев, которые один за другим втихомолку стали покидать город. Одним из первых бежал сам канцлер города, примеру его последовали высшие чины, дворяне. 18 июня город сдался.

Победа русских не усмирила Ливонский орден. Осенью того же 1558 г., как только русские войска покинули Юрьев, оставив в нем небольшой гарнизон, магистр ордена Кетлер с большим войском подступил к городу. Но он не имел успеха. В последующие годы Кетлер также неоднократно пытался овладеть Юрьевом, но каждый раз безрезультатно. Русский гарнизон крепости, действовавший в согласии с местным населением, удачно отражал вражеские нападения.

Пока велась эта упорная борьба за Юрьев, международная обстановка сильно изменилась. Против России, воевавшей с Ливонским орденом, выступила Польша, а затем Швеция. Это вмешательство заставило

¹⁴ Г. В. Форстен. Балтийский вопрос, т. I, стр. 64, 99—101.

¹⁵ Там же, стр. 99—101.

московское правительство временно отказаться от своих планов в северной Прибалтике. По окончании войны с Польшей, согласно мирному договору, заключенному в Запольском Яме в 1582 г., Юрьев перешел к Польше, но не надолго.

В начале XVII в. Юрьев стал предметом спора между Польшей и Швецией и несколько раз переходил из рук в руки. В 1625 г. поляки уступили Юрьев шведам, за которыми город продолжал оставаться до середины XVII в.

Попытка, предпринятая московским правительством в середине XVII в., вернуть город Юрьев не привела к желательным результатам. Захватив Юрьев в 1656 г., во время ливонского похода, русские удерживали его за собой только в течение пяти лет и после мирных переговоров в Кардисе (1661 г.) должны были снова уступить его Швеции. Под владычеством последний город оставался до начала XVIII в.

Петр I, предпринимая борьбу за выход к Балтийскому морю, в самом начале военных действий обратил свое внимание на побережье Финского залива и северную Прибалтику. Северная Прибалтика с восточной, русской, стороны прикрывалась двумя крепостями — Юрьевской и Нарвской. Когда военные действия против Нарвы после поражения 1700 г. прервались, Петр I, возобновляя их в 1704 г., одновременно повел наступление и на Юрьев. Шереметеву было приказано «со всем войском около Пскова обретающемся немедленно идти к Дерпту и то место добывать»¹⁶.

Перед началом осады Юрьева «при самом взломании льда» в Чудское озеро на лодках был отправлен генерал-майор Верден с отрядом пехоты, чтобы помешать выходу из р. Эмбах в озеро шведской военной флотилии. Последняя оберегала водную коммуникацию Юрьевской крепости и зимовала на Эмбахе около Юрьева. Генерал Верден блестяще выполнил свою операцию. Прибыв к устью р. Эмбах, он узнал от местных рыбаков, что шведская эскадра «в курсе от Дерпта обретається и по тем ведомостям пошел неприятелю навстречу и встретя их против городка Кастерска, вступил с ним в бой, на котором... оных неприятелей так побили, что ни едино судно не ушло; но все с людьми, пушками и аммуницією в руки нашим достались»¹⁷. В качестве трофеев были получены двенадцать военных судов и свыше 90 пушек.

В то время как операция против шведской военной флотилии на Эмбахе закончилась с успехом и в короткий срок, подготовка к осаде Юрьева сильно затянулась. В первых числах июня (1704 г.) Шереметев начал первые атаки оборонительных шведских укреплений, но в продолжение целого месяца не добился решительных успехов. А между тем необходимо было торопиться, чтобы шведы не успели получить помощи.

В начале июля Петр I лично прибыл под Юрьев. С его приездом дело стало быстро налаживаться. Царь заметил, что Шереметев действовал против наиболее укрепленной шведской позиции, и перенес главный удар на менее защищенный участок крепости. К 5 июля были поставлены «...пушки на батарею и мартыры на кетели. В 6 день начали бомбардировку укрепленных башен и стен»¹⁸. Во время усиленной бомбардировки апроши были доведены до самой реки и на берегу Эмбаха поставлена новая батарея.

По наведенному через р. Эмбах мосту была отправлена команда пехоты в 300 человек для захвата полисада. Увидев приближение русских, шведы «тотчас многочислом вышли и крепкий отпор давать учили». У полисада завязался бой, во время которого как со стороны русских, так и со стороны шведов подходили все новые и новые подкрепления и

¹⁶ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1893, т. III, стр. 64—65.

¹⁷ Журнал Петра Великого. СПб., 1770, ч. I, стр. 76.

¹⁸ Там же, стр. 82.

«такое то росло, дондеже нашим места не было (ради многолюдства)». Обе стороны дрались с одинаковым мужеством и не отступали ни на шаг. Но в самый разгар боя русские, «прорубя полисад, вломились к неприятелю и оного в бег обратили, и равелин, который защищал русские ворота, шпагою взяли, на котором 5 неприятельских пушек обрели, которые поворота через брешь в ворота стрелять почали»¹⁹. Под прикрытием пушечной пальбы удачно использованной шведской батареей русские захватили крепостную башню и через нее с боем ворвались внутрь крепости. В это время шведские трубачи возвестили отбой, «и сие едва в жестоком своем распадении наши слышали и с великим трудом озлобленных солдат уняли»²⁰. Шведский комендант крепости подписал капитуляцию и ушел с уцелевшими остатками своего гарнизона в Ревель.

После окончания Северной войны (по Ништадтскому миру 1721 г.) Юрьев вошел в состав Российской империи, утратив на 200 лет свое бывшее военное значение.

* * *

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, 24 февраля 1918 г., германские войска заняли Юрьев и оставались там до конца года. После ухода немцев город на короткое время был занят советскими войсками. Последние покинули его в результате контрнаступления белоэстонской армии. Юрьев, переименованный в Тарту, вошел в состав эстонской буржуазной республики.

В июле 1940 г. Эстония, провозгласившая у себя советскую власть, вошла в семью великого Советского Союза. Город Тарту с его старинным университетом становится крупнейшим культурным центром молодой Эстонской Советской Социалистической Республики.

В. ШАВЕЛЬ.

¹⁹ Журнал Петра Великого. СПб, 1770, ч. I, стр. 83.

²⁰ Там же, стр. 84.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ПРОШЛОГО

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА П. А. РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКОГО О РЕОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ АРМИИ

Печатаемый ниже документ представляет собой проект Румянцева о реорганизации русской армии. Эта записка была составлена Румянцевым по заданию Екатерины II в 1777 г.

С точки зрения военного историка, «Мысль» Румянцева интересна во многих отношениях. Встречающиеся в ней замечания о дефектах различных частей управления и организации могут служить материалом для характеристики действительного состояния армии в третьей четверти XVIII в. Она показывает направление военной мысли того времени и позволяет лучше понять перемены и усовершенствования, которые были произведены в результате деятельности трех замечательных военных администраторов — самого Румянцева, Потемкина, Суворова и их сотрудников.

Небезынтересно сравнить статьи 8, 9 и 10 «Мысли» с положениями суворовской «Науки побеждать»¹. Последняя представляет собой документ гораздо более разработанный, вполне законченный и к тому же яркий и красочный по форме.

Записка Румянцева включает в себе много индивидуальных черт автора, с его широтой взгляда, умением охватить вопрос как в целом, так и в деталях. Методичность Румянцева сказалась в тщательной разработке последних.

Вместе с тем в «Мысли» отчетливо заметны черты сословного консерватизма Румянцева. Этот замечательный генерал дворянской империи гораздо больше, чем Суворов и даже Потемкин, был связан сословными представлениями, что ярко сказалось в содержании статей 12 и 13.

МЫСЛЬ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКОГО О СОСТОЯНИИ АРМИЙ, ОБ УСТРОЙСТВЕ ВОЙСК, О СОДЕРЖАНИИ ИХ, О ПОСТРОЕНИИ КРЕПОСТЕЙ, АРСЕНАЛОВ, МАГАЗИНОВ, О ЗАВЕДЕНИИ ВОЕННЫХ ШКОЛ, О ДИСЦИПЛИНЕ И ВОЕННОЙ ПОЛИЦИИ, О КОМИССАРИАТЕ И ПРОЧ.²

СТАТЬЯ I

О составлении четырех армий, расположении оных по удобности, с наблюдением внешней безопасности, внутренней тишины и Экономии.

Из сухопутных сил состоит четыре армии, по особому плану, в числе пехотных, полевых и гарнизонных, кавалерии сних, драгунских, гусарских полков легких войск, артиллеристов, минеров и мастеровых, и расположить оные с наблюдением внутренней и внешней безопасности и Экономии. I. Поморскую, в новгородской, финляндской, ингермоландской, естляндской, лифляндской, псковской и полоцкой Губерниях. II. Украинскую: в могилевской, азовской, воронежской, слободской и белгородской Губерниях. III. Низовую: в нижегородской, казанской, оренбургской и астраханской Губерниях. IV. Под титлом Резервной: — как в дешевом и выгодном месте Государства, и откуда пограничные подкреплять и усиливать равно удобно, — на всем пространстве бывшей Московской и Смолен-

ской Губернии. И препоручить всякую армию в точное надзирание, или инспекцию, одному из заслуженных в чине, и исправному в военном ремесле Генералу, не взирая ни на разные одеяния и вооружения, ни на титлы войск, ни разных воинских департаментов, как равно его искусству подлежащих, оставляя флот, сибирскую и Иркутскую Губернии, — первой по отличности службы, а последние по отдаленности, — особо уделному учреждению.

СТАТЬЯ II

О определении по полкам всякому шквадруну и роте сборных мест, или кантонов, для взывания рекрут и лошадей.

¹ Окончательное оформление «Науки побеждать» относят обычно к началу 90-х годов XVIII в.

² ЦВИА, фонд Военно-ученого архива. № 17775, лл. 1—11 об. Вводная часть документа опущена.

I. Определя войскам количество, качество и пребывание, определить и всякому полку, шквздрону и роте зборные места, или кантоны, для набора рекрут известным количеством ежегодно, а в армию лошадей со времени военному за известно определенную и безобидную цену, соразмерно перелазному числу душ, уделенных на содержание воинских сил по особому уставу, без малейшего притеснения наук, торговли и иных надобных в Государстве ремесел и промыслов и особливо земледелия.

Примечание: По разному роду службы, потребны разные в людях и способности; следовательно надлежит определять: В Пономорскую: при морях, озерах, и главных реках живущих людей. В кавалерию и легкую конницу: при способности лутчей к конской езде, к побегам менее склонных,—как например, одно дворцов, козаков, и в некоторых местах татар. В Егерские корпуса: по природе или случайно зделавшихся охотников и стрелков. В извозчики, или фурурейты,—всех извозом промышляющих людей. В корпус мастеровых,—ремесленников по их ремеслу. Пехоте весь остаток, как равно употребительной.

II. Вербование в Государстве свободных и не надлежащих людей к рекрутской поставке, было бы народу сему не малым облегчением, а вне Государства известною частью и весьма полезным пособием. Средство сие оказывается быть возможным, ежели все надобные при том уважения наблюдаены будут.

III. Определение всех и всякого звания беглых годных людей по поимке в военную службу, с лишением права ко всякому в чины производению, с зачетом владельческих в рекруты, послужит к воздержанию от побегов и предохранит лутче порядок гражданских и земских учреждений. Владельцы хотя теряют человека, но не прочнаго им ко употреблению дальнему, а под строгостию военною подобный к службе может быть и весьма способен.

СТАТЬЯ III

О построении крепостей, арсеналов и магазинов в удобных местах, для содержания в оных артиллерии, экипажа, ружейных, аммуничных мундирных вещей и всяких припасов, и уничтожении крепостей вне сего положения находящихся.

I. Внешней ради безопасности и внутреннего спокойствия потребны крепости, а качество их должно быть сообразно соседству и той удобности положения, коим бы часть краю, или сообщение водяное ими прикрывалось, и в том положении находящиеся исправить и вновь построить и всеми силами стараться привести оныя в полную оборону без упущения времени, и в них иметь арсеналы и магазины для содержания осадной артиллерии, сообразно соседственным крепостям, а полевой,—количеству войск, полагаемых на войну того края. Походный Екипаж готовым, или в материалах заготовленным, с упряжью и осьюю частью лошадей, ружейных, мун-

дирных и аммуничных вещей, провианта и фуража и подвижного госпиталя припасов, известно определенным количеством. А все те крепости, кои по перемене обстоятельств и границ положения стали не к месту и не к стати, и ежегодною починкою великим количеством пожирают денги,—уничтожить.

II. Не отягощаться содержанием в крепостях и иных городах многих тысяч вооруженных инвалидов: я разумею настоящие наши гарнизоны и так называемые штатные роты. И обратить первых, сходственно званию их, на готовность и способность к военной, не только гарнизонной, но и полевой службе, а последних, как точно гражданской службе принадлежащих, отличить и оделянием и вооружением.

Примечание: В соседстве малое количество лутче концентрированных сил, возбуждает к себе больше внимания, нежели многочисленныя на обширности; а иногда дикие народы, в качестве своего ополчения не заслуживающие малейшаго уважения, в качестве хищника беспоконт и озабочивать могут непрестанно; следственно и вопреки оным взываемые меры основывать должно сходственно свойству и ополчению одних и других, внимая всегда на то главное правило, что хотищему возвысить свою пользу, надлежит превозмогать и в силах, особливо в новых завоеваниях.

СТАТЬЯ IV

О заведении школ под титулом военных наук, художеств и ремесел

По малоимению³ среднего рода и разнаго звания ученых и мастеровых, войску необходимо потребных людей, и видя в приискании иностранных, не говоря о убытке на содержание их употребляемом, многую трудность, взятая за надежныя средства, заведением на лутчем основании училищ, под титулом школ военных наук, художеств и ремесел, в главных ли или иных городах всякаго края, и в сих офицерских и солдатских детей на достаточном содержании, на ноге военной, под рачительными и искусными надзирателями от лутчих учителей и мастеров, по летам, понятию и способности приготавливать к определению в квартирмейстры, аудиторы, лекари, гобоисты, токарни и проч.

СТАТЬЯ V

О дисциплине и полиции воинской

I. Воинской дисциплины, под именем которой разумею мы порядок владычества в войске, и содержащий в себе всю связь слепаго послушания и уважения от низших к вышним, называемую субординацию, а по сходственному действию душею службы, чувствуемой упадок весьма восстановить, и оной, как святости божественных преданий под тягчайшими казнями воспретить касаться.

³ Недостатку.

Примечание: с достойной к оной поваге, многие Государи узаконили, чтоб к службе их, к предержащим их власть,—я разумею аншеф командующим,—та же честь, уважение и повиновение от подчиненных оказываемы были, каковыми подданные обязываются присягою иметь к высочайшим их особам.

II. Военной полиции принадлежит все то же надзирание в походах и кампанентах, что гражданской во градах, и относительно сей части, в воинском уставе, пройдя артикулы для всякаго особо и все вообще, к должности сухопутной воинской службы относящиеся, надлежит затем следующие расположить согласно с уставами: церковным в разсуждении часов молитвенных, бракосочетания и иных христианских треб и общих церемоний случайно бываемых, крестных хождений, водосвятий и погребений; в разсуждении портовой их службы совместно с крепостной и присоединения морских к сухопутным и сухопутных к морским, на случай военный и церемониальный; с гражданским, в разсуждении преимуществ воинским и взаимно гражданским чинам принадлежащих, и особо в определении квартир единожды на всегда постановить количество оных всякому штабу, шквадру и роте сразмерно с количеством обывательских домов, а каждому чину, не исключительно и генералов, число покоев, сообразно потребному хозяину в доме своем выгодам, и поименовать все, что в квартирах или проходе чрез города, села и деревни войску давать определено, так как и им самим, женам и детям их дозволенные торги, ремесла и промыслы, чтобы тем отдалить всякия донныне часто оказывающиеся недоразумения и чувствуемая досады и огорчения.

СТАТЬЯ VI

О Комисариате, возложении на него платы жалованья, мундирования, питания, вооружения, всяких строений и покупок для войск кроме лошадей; об отпуске по ассигнациям его от Государственного казначея и казенных палат по способности и близости на счет воинских окладных сумм, и о имени оному надзирания, относительно всех воинских расходов.

§ I

1. Изчисля всю сумму генерально на все издержки окладные войску определенные, и назнача оным статьи, из которых они вступать определятся, дать Главному воинскому комисариату ведомость, по которой он, избегая убытки, происходящая часто от транспортов денежных понапрасну, свои требования к Государственному казначею, или в казенные палаты в Губерниях; возносил, и от оных по близости и способности суммы по ассигнациям получать имел.

II. Всякое строение ружейных, мундирных и аммуниционных вещей, екипажа и покупку, кроме лошадей, генерально возложить на попечение воинскаго комисариата и его подчиненных, что бы войски, в разсуждении их дальнего разстояния одних границ с

другими, никаким подобным строением не озабочивать, и обозом не отягощать, и они бы скоро из квартир выступать и поспешно маршировать могли.

III. Воинскому комисариату предписать иметь прилежное надзирание над ведущими приход и расход деньгам, вещам и припасам, и делать строгия истязания над небрежущими, колыми паче на похищение держащими.

IV. Ограничить управление воинских сумм особливыми уставами, которых от злоупотребления власти под видами разными, а и без всякаго титула, утрачено великим числом.

§ 2

О окладном денежном и хлебном жалованьи

I. Окладное жалованье определить можно для полевых и гарнизонных войск сразмерно с тягостию, которые больше других нести должны, и ценами мест их пребывания, с тем всегда наблюдением, чтоб от оскудения в потребном войско не терпело, а неравенственому платоно не было уражаемо. Одно и другое нередко производят трудности по удержании дисциплины.

Примечание: Везде гусар меньше рейтара получает, а рейтар нечто больше пехотного; у нас же по ныне гусар едва не вдвое противу обоих, с причины, что оные прежде были прямые сербы, а ныне, за сербов, свои подданные то же берут⁴.

II. Провиант и фураж производить сходственно в тех местах с употребляемым и по ценам торговым всякого месяца, вместе с жалованьем, по ассигнациям из доходов тех губерний, где оныя находиться будут, деньгами или в натуре.

§ 3

О вооружении

I. В артиллерии полевой, при хорошей оной отделке, услуге и упряже наблюдать, что бы было меньше разных калибров, и 12-ти и 6-ти фунтовые пушки и полуфунтовые единогоги лучшими перед другими почтены быть могут. 3-х фунтовые пушки и 12-ти фунтовые единогоги на легкие дела имеют то же некоторую удобность.

II. По различию войск определить: пехотному солдату к общему делу фузю, к собенному штык, и для почести полковому маленькую с немецким платьем шпагу, а с венгерским саблю; конному — к общему в немецком платье — палаш, а в венгерском сабля; к собенному, немецким — карабин настоящий, венгерским — самой короткой препорции, и некоторым лика, с бандеродем, или значком по цвету полковому. Драгунам фузю с штыком сносной тягости, палаш и всем конным по одной паре пистолет из лучших материалов и лучаго мастерства.

III. Аммуницию на людей в сумках, ладушках, перевезях и португеях, а на лошадей седла, чапراки, оголовье, удила и стре-

⁴ Гусарские полки к этому времени стали пополняться русскими, а не иноземцами (в частности сербами), как раньше.

мена определить по свойству их одеяния и экипирования, к немецкому немецкую, к венгерскому венгерскую.

IV. Полатки делать выгоднее настоящих, в которых бы люди и от мокроты и от жару защищаться и свободно стоять могли, а котлы, фляги водоносные и шанцовой инструмент сразмерно количеству людей к оным присвоить; а потому и полевой екипаж учредить с тем наблюдением, чтоб он сколько можно крепко и прочно делан, и на ходу легок и не валок был; в кавалерии же часть большая сих потребных вещей и на строевых лошадей навьючена быть может: а так называемых артельных лошадей, которых нижние чины, для возки вещей на них налагаемых, а иногда и провианта, с употреблением последней копейки и куска хлеба содержать принуждены, вовсе уничтожить, или же число подъемных лошадей на подобное употребление прибавить. Турецкие полатки и водовозы мне весьма понравились: и я бы желал для облегчения и выгоды людям и пользы службы, чтоб оныя и у нас введены были.

Примечание: I. Ружейным и аммуничным вещам единого ради генерального изчисления определить сроки; но быть оным безсрочным, и переменять по усмотрению надобности инспектора. II. Кирасы могли до употребления огненного оружия нечто для пехоты быть уважительного, но ныне они за мгновенное спасения целой век тяготят, могут в облегчение людей весьма отставлены быть. Я всегда то делал, не узнав службе ни малейшего предосуждения.

§ 4

О мундировании

Мундир верхней и нижней полевым и гарнизонным полкам определить на известной срок, по сходству употребляемого в тех местах. Приморской и резервной армией, немецкой; украинской и низовой нечто из немецкого и венгерского, и кой дешевле. Вообще же при определении оного наблюдать, чтоб он из живых, или светлых цветов строено шит, в ношении выгоден и прочен был.

Примечание: Торнистрам, или ранцам в пехоте надлежит уютно шитым и на ремне мягком и широком быть, и вещи в оныя помещать только необходимо надобные, что бы человека оружием без того отягощенного, больше не обременять, а особливо обуви, кроме что на ногах, не носить. Сходственно сему определить и в кавалерии вещи для व्यюков; для хлеба же иметь особые полотняные мешки, что б оной всегда свеж был и не присоединялся к нему дурной запах, особливо от кожаных вещей, что его делает в сырое время в пищу отвратительным.

СТАТЬЯ VII

О расположении разных пород лошадей к службе способных, и о покупке оных не от полков, но от аншеф командующих, или инспектора.

I. По различию службы разные и способности в лошадях почитаются, например: для держания строю, алинирования и вообще делаемых евалюций,—немецкие: для принужденных маршей, погони и шармицелей—венгерские и польские. В качестве последних мы изобилием нашими украинскими, донскими и низовыми, а в качестве первых приложить надлежит нам старание к расположению немецких, но таких пород, которые бы наш климат терпели.

Примечание: род лошадей, употребляемых ныне в нашей кавалерии, а особо карабинерных полках, всю способность к перваго рода службе имеет, в разсуждении тягостей и огня весьма умеренных.

II. Покупку лошадей кавалерийских возложить на попечение аншеф командующего, или инспектора, который выбраковав ежегодно на осеннем смотре в полках лошадей, больше удобства имеет оных купить, употребя для генеральной купли надежных и знающих в доброту лошадей офицеров с командами на все ярмарки, потому, что нередко случается одному офицеру, от полку посланному для купли малого количества лошадей, находить на ярмарке великое число их, а другому требующему большого, быть на ярмарке, где оных будет малое количество.

Примечание: Ковка лошадей не всегда потребна, а отпускается на то ежегодно равномерная сумма, и составляет на все число большую, может быть весьма умеренна, и часть великая оной збережена.

СТАТЬЯ VIII

О непрестанном занятии войск потребным учением

Войскам довлеет всегда в исправности и готовности быть на службу, и по сему и многим иным важным резонам на физическое и моральное оным исправление непрестанно занятыми быть разными учениями, и именно: в гарнизонной службе — держанием стражи в крепостях, во внутренних и наружных укреплениях, на площадях и проездах, повсеместно, однообразно и одновременно. В полевой — в выборе кампанентов и постов и их укреплении, в оспоривании подобных неприятелю, и в изгнании из занятых, разным образом маршей колонами и линиями, фуражирования, переправ чрез реки, атак, как стоящего в поле, так защищающего крепости неприятеля при осадах и оборонах крепостей, в употребляемых поисках и работах и во всем, что только к должности их относится. А в приморских местах и по рекам расположенной пехоте и части морской службы, по совместному их иногда употреблению, и особливо что лежит до гребли, уборки парусов и управления мелких судов, всегда под глазами главного командира, с тем вниманием, чтобы всякое с войсками предприятие им искусным образом вразумляемо и объясняемо было, и чтобы иногда от их простаго понятия, или недостаточного доказательства, надобное и полезное не показалось им в напрасную тягость, вовсе несобойточным и

неупотребительным, и наконец не обратилось бы им в досаду и не навело отвращения.

Примечание: Ремесла сего люди весьма знают плод и пользу из подобных и ежедневных занятий войск под глазами командующих, и следствия досадная от небрежения сего, или и от одной отвычки происходящая.

СТАТЬЯ IX

О чистоте

Чистота военному человеку по себе есть первым пособием к обережению от разных припадков и недугов, а относительно ружья и аммуниции есть вещественнейшая часть его благосостояния, следовательно твердо настоять в оном надлежит, что бы в войске она в высшей степени в рассуждении особь ружья и аммуниции наблюдаема была; но не позволять отнюдь на некоторые излишества, под сим видом больше удручающая людей и вредящая вещам.

СТАТЬЯ X

О лутчем презрении и врачевании больных

Военная служба по одной своей тяготе, не говоря о частых переменах климата и пищи, производит болезни чрезвычайные; следовательно врачевание и содержание сих больных требует особых образов. Служащие в армиях медики должны признаться сами во многих недостатках сей части, и приложить труд к изобретению сходственнейших с положением военных людей учреждений, как в рассуждении врачевания, так пищи и иных выгод, больным потребных.

СТАТЬЯ XI

О содержании в мирное время людей полным числом, лошадей кавалерийских, исключая некоторых, две трети и подъемных осьмую часть, и о увольнении третьей части чинов в дома

Польза службы требует готовности и исправности, а польза Государственная вообще взыскивает, чтобы во время спокойное всякое пособие Государственному и приватному хозяйствам, облегчение народу и збережение казны делалось было; а по сему весьма важному примечанию, и сходственно обоим предположениям, в мирное время содержать полки в полном числе людей, лошадей кавалерийских две трети, а артиллерийских и подъемных осьмую часть, и исключая апрель, май и июнь месяцы, во все другие по особому плану людей третью часть, кроме унтер штаба, урядников, или фельдфебелей, вахмистров, фельдшеров и мастеровых, ежегодно увольнять в дома, для исправления домашних надобностей с сим наблюдением, что бы рядовые на все девять месяцев, а штаб и обер офицеры только на три попеременно, и не в одно время полковник и подполковник, оба майора, капитан и поручик увольняемы были.

СТАТЬЯ XII

О награждениях

I. Честь всех деяний человеческих должна быть первым подвигом и живым образом всех достоинств, заслуг и добродетелей в почтенных высшими степенями людей; и по сему весьма основательному примечанию принадлежат знатные посты пограничных наместничеств командующим в тех краях, — губернаторство и обер комендантство подчиненным их; но всегда не в одном списке служащим, но действительно полезную службу на ряду с другими отправляющим генералам. Внутренняя комендантства, городничества и исправничества заслуженным штаб офицерам, и преимущественно природным достоинствам, по претерпению ран и болезней, против желания отставляемым от службы.

Примечание: Присвоение отличные способности имеющей особе многих званий и должностей со всеми к тем определенными доходами, служить может несомненно и к большому поощрению, а инако отяготительно и самому тщеславию, а иногда же и службе вредно.

II. Некоторым штаб, обер и унтер офицерам, и известной части рядовым, из уважения к их долговременной службе, понесенным в войне тяжким трудам, а особливо бывшим в жестоких употреблении, на поощрение другим, правосудно принадлежит некоторая прибавка в окладах, или при увольнении из службы в раз известную сумму.

III. По мере заслуг и достоинств и все учинившиеся от тех же причин к службе не способными, Государского призерения признаются достойными.

СТАТЬЯ XIII

О произвождении

I. К произвождению в чины долговременная служба и старшинство были бы лутчими заслугами, ежели бы всегда находились тут же и все другие качества и отличные достоинства, которые потребны в людях на вышние степени приготавлиаемых; а посему и предоставлять старшинству право свое к произвождению не летами службы, но заслугами и достоинством доказывают.

Примечание: следуя общему заключению, те, которые только свою должность на ряду отправляют, обыкновенную плату, а не похвалу заслуживают.

II. Коль презрительно поступается с офицерским званием, делая оной по заслуге некоторых только лет простолудимам, а одного года при отставке всем вообще, и из иностранной службы приходящим, с понижением одной степени, столь не правосудно бы было лишать при заслугах и достоинствах доказанных того права, кое тем искони приобреталось; следовательно благополучие первых предоставлять надлежит их усердному и ревностному онаго сиянию не наряду с дворянами; другому кому чин следовал по старшинству и достоинству, по месту тому, где он продол-

жал службу; третьих принимать по отличным способностям и свидетельствам от наших министров, действительно в воинской службе и в войнах бывших, и давать те же чины, в коих они служили.

Примечание: Иностранцы намереваясь вступить в нашу службу, набирают чины у князей, а особливо в Польше, что бы торгуясь, и несколько степеням уступя одержать желаемую. Нередко случается, что из провинций наших немецких одни вступя по гласу благопристойности и должности в службу отчества своего, по порядку не доходят до офицерского звания, когда из школы вышедший молодой человек, наждав полны карманы патентов, пытается быть принят штаб офицером, а наконец соглашается и суболтерном, всегда однако с чувствительною обидою служащих.

III. Произвождение в штаб офицеры по армиям, а обер офицерам по полкам, всегда признается быть лучшим для службы. Тут всякой, проча себя в одной армии и в полку, весьма внимать должен на благопризнание командиров своих, и ко всему тому прилежать, что только может ему оное приобрести. В мирном времени в произвождении редко одна армия или полк пред другими терпят, а в войне и правосудие велит давать тем чины, коих места они в бою заступя должности уже отпавляемой достойными учинились.

Примечание: Но сие разумеется о совершивших дело со славою, а которые от сражения утулились или в бегство обратились, те подпадают лишению и всех прежних чинов.

IV. Произвождение в чины удаляющихся под разными видами во время войны от службы, наряду с служившими, давание одного чина и при помещении в статскую службу и при отставке за выслугу одного года, может сочтено быть главным вредом, а определение с высшим степенем на линию с нижней должностью и к малой команде, или вовсе лишение к произвождению, в каком положении наши гарнизоны,—крайним упослеждением служб: одни, переходя из службы в службу и из команды в команду, перебирают по несколько чинов и получая на ряду и чрез год при отставке, слагают всю тягость службы непосредственно нести в обиду к упослеждению остающимся на оной; другие, страдая от честолюбия, впадают в некоторой род уныния, а от того в оплошности; следовательно не имея сами к чинам и к должности своей привязания, не могут уже ожидать от иных надобного к оным уважения. И совместнее бы, сего ради было, определяя людей, по неспособности больше быть в воинской службе, давать тем только чины воинские, кои им следовали по службе и кои действительно в войнах находились а по желаним и в войнах не бывшим, определяемым в статскую службу давать и чины статские, к должностям же помещать сходственно с степенями чинов, и больше всегда на службу и на достоинство нежели на искание внимать, что бы ни кто не был ни с чином ни с мундиром военным, кроме действи-

тельно служащих или действительно в войне служивших, и всякой бы чин служил почестию а не упослеждением, и должность отпавляема была с усердием, а не с унынием.

СТАТЬЯ XIV

О увольнении из службы

Увольнение из службы всем дворянам справедливо принадлежит и принадлежать должно, по многим важным резонам, но в разсуждении чина и мундира на предписанных кондициях; а исключаются из сего все те, которые состоят под властью родителей и под опекою, и которые не только вовсе, но ниже временно без соизволения их увольняемы быть не могут. Равно и все получившие чины обер и унтер офицерские из рекрут. Сии подлежат общему об отставке простолудимов определению, то есть по неспособности к службе, за ранами и болезнями; рядовые же, кроме сих обстоятельств, за выслугу пятнадесяти лет добродорядочно, могут получать свои абшты.

Примечание: Из офицеров изнемогшие и не хотящие тяготят весьма службу, и как трудно узнать из двух точную причину, то отставка по исканию, особливо последним, коих исправление безнадежно, чем ранее последует, тем для службы полезнее.

СТАТЬЯ XV

О мундирах, кому оные употреб- лять

Мундир должен служить в почесть для действительно служащих и знаком благопризнания государственного к долговременной и доброй в войнах службе отставных. Следовательно тем, кои в лучшей молодости своих лет отреклись природою налагаемых на них обязательств, и прихотям своим следуя, оставили службу и находят в том только свои виды тщеславия к разным в обществе беспокойствам, а иногда злу и насилую случая,—вовсе ношение мундира не приличествует и не надлежит.

Примечание: Мундир одинаковой и таков, каков в деле употребляется, военным людям приличествует лутче переменяемых по различию дней; но некоторым отличным корпусам, составляющим императорской дом, приличествует весьма великолепное украшение.

СТАТЬЯ XVI

О главном воинских дел правительстве

I. Титло верховнаго воинскаго совета, или начальства приличествует сходственное и лутче всех иных именований.

II. Председательство и избрание директоров предоставляется Государю; а генерал фельдцейхмейстер, генерал инженер и генерал комисар, сходственно морской коллегии настоящему учреждению, суть неременные оного члены.

Примечание: Годовым членам, по важности сего правительства, а и не бывшим в войнах чинам, по многим неоспоримым резонам быть неприлично.

III. Всякой из вышеписанных особ с первых общих дел иметь должны свои особливые экспедиции, и именно: Директор — движение, расположение войск, производство, ревизию судов Государскому решению подлежащих, и все дела вообще, относящиеся до полевой и гарнизонной службы. К нему принадлежат генерал-квартирмейстер, генерал-аудитор, генерал-контролер, обер-секретарь и три секретаря. Генерал-фельдцейхмейстер все, что до артиллерии и ее снарядов и магазинов. Генерал-инженер, что до крепостей и полевой того корпуса команды. Генерал-комисар все, что до снабжения военных и съестных припасов относится, и всякой должен иметь своего контролера и секретаря, нижних канцелярий чинов и служителей сразмерно количеству дел во всяком департаменте.

IV. Все дела в оном правительстве, на что нет точно непременных, или временных узаконений, принадлежат Государскому решению, а доклад директору. А во всех

поточных делах сему правительству поступать и определять должно по регламенту в силу непременных и временных узаконений.

V. Для частных правлений, при всякой армии, сходственно полагаемым в верховном военном начальстве чинам быть: от артиллерии по одному генералу-майору для полевой и арсенальной команды. От инженерной вообще по одному генералу-майору и по двум обер-инженерам, — одному для крепостей, а другому для полевой службы. От комисариата вообще по одному обер-штер-комисару, двум обер-кригс-комисарам, одному для снабдения войска всем потребным, другому для надзирания над магазинами и деловыми дворами: и одному генералу-квартирмейстеру лейтенанту.

Примечание: Должность обер-кригс-комисара может возложена быть и на казенную палату в пограничных Губерниях и член особой под титулом воинского советника, или комисара в оной определен быть.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ¹

Военные действия в 1915 г. привели к окончательной стабилизации фронта и к позиционным формам войны на всех главных фронтах первой империалистической войны. В этом году усилия центральных держав были перенесены на восточный театр военных действий, где они рассчитывали добиться решающего успеха и вывести Россию из войны. На западном театре Германия ограничилась обороной с целью удержаться на занимаемых позициях и сковать силы противника.

Союзники России, Англия и Франция, намечали в своих планах мелкие операции, имевшие исключительно местное значение. Все свое внимание они направляли на то, чтобы дать отдых войскам, накопить резервы и, перестроив на военный лад промышленность, обеспечить армию достаточным количеством вооружения и только после этого перейти к решительным действиям.

Весь 1915 год прошел под знаком затихия военных действий на западе и максимальной активизации их на востоке. При этом экономически и политически отставая царская Россия была в военно-техническом отношении, по существу, брошена на произвол судьбы своими союзниками и вынуждена была одна, своими силами и средствами, вести неравную борьбу с армиями центральных держав.

Но, несмотря на явное превосходство в силах, центральные державы не добились решающего успеха. Все достижения германо-австрийского командования свелись к выигрышу территории, но вывести Россию из войны не удалось. Русская армия сумела выйти из-под охватывающих ударов противника, сохранила живую силу и смогла продолжать войну. Германо-австрийские армии, исчерпав свои силы, были остановлены, и обе стороны закопались в землю. Позиционная война началась и на русском фронте.

Хотя России и удалось избежать поражения, но ее единоборство с центральными державами закончилось для нее тяжелыми последствиями. Слабая промышленность не удовлетворяла потребностей войны. Голод в огнеприпасах достиг больших размеров. В армии не хватало оружия и нечем было вооружать пополнения, которые бросали на фронт совершенно неподготовленными. Транспорт оказался расшатанным и не удо-

влетворял запросов страны и населения. Тяжелое положение было и в сельском хозяйстве. Экономика России явно не отвечала возросшим потребностям войны, когда нужно было снабжать миллионные армии. Промышленные центры начали страдать от недостатка продовольствия и сырья. Между тем помощь со стороны союзников была ограниченной и не могла покрыть недостатков в снабжении армии.

В стране нарастало недовольство народных масс. Брожение проникало и в армию, где отдельные войсковые части отказывались выполнять требования офицеров. Антивоенные настроения охватывали все более и более широкие массы трудящихся.

В таких условиях царская Россия вступила в 1916 год. Для разработки общего плана действий в декабре 1916 г. в Шантийи собрались военные представители союзных стран. На этой конференции хотя и не было принято конкретного оперативного плана, но все же ее участники договорились, что исхода войны надо искать на ее главных театрах и что наступление должно вестись согласованно. Начало же его было поставлено в зависимость от климатических условий, а также положения противника и политических обстоятельств. В дальнейшем при уточнении сроков начала наступления было отнесено на 1 июля. В наступлении должна была принимать участие и Россия, от которой союзники требовали новых жертв. Таким образом, Россия вынуждена была готовиться к новым наступательным действиям в большом масштабе.

Германское командование после 1915 года, который не разрешил задач войны на востоке, на следующий, 1916 год переносит свои усилия снова на западный фронт, избрав главным пунктом своего наступления Верден.

Русская ставка, разрабатывая план операции, предусматривала наступление на всем восточном фронте с нанесением главного удара силами западного фронта в направлении Ошмян, Вильно. Северо-западный и юго-западный фронты должны были наносить вспомогательные удары. При этом наступление юго-западного фронта должно было начаться только с развитием успеха севернее Полесья. Но обстановка заставила внести существенные изменения в эти планы. В связи с поражениями французов под Верденом и неудачами на итальянском фронте в русскую ставку стали поступать

¹ Полковник Л. В. Ветошников. Брусиловский прорыв. Воениздат, 1940 г.

упорные требования союзников о наступлении. При этом французы настаивали на наступлении против германцев, а итальянцы — на наступлении против Австро-Венгрии. Наиболее настойчивыми оказались итальянцы, которые, кроме русской ставки, обращались с просьбами подействовать на русских к французам и англичанам.

Под давлением союзников русская ставка начала наступление юго-западного фронта в то время, когда подготовка к нему была еще далеко не закончена. Надо заметить, что юго-западный фронт не был обеспечен резервами для развития возможного успеха и имел сравнительно небольшой перевес над силами противника.

Из приведенных в книге тов. Ветошников материала видно, что наступление юго-западного фронта, получившее название Брусиловского прорыва, было начато русским командованием преждевременно под нажимом союзников, что русская ставка, учитывая неподготовленность к операции, пыталась сопротивляться этому нажиму, но в конечном счете была вынуждена уступить. Автору следовало бы в этой связи подчеркнуть роль восточного театра в мировой войне, где действовала царская Россия, хотя сравнительно и слабая, вследствие своей отсталости, но все же представлявшая при ее больших людских ресурсах и обширной территории огромную силу, с которой должны были считаться центральные державы.

Говоря о совещании в русской ставке, на котором вырабатывался план операций, автор указывает, что командующий юго-западным фронтом ген. Брусилов в противовес командующим другими фронтами — Эверту и Куропаткину — заявлял о готовности своего фронта к наступлению. Юго-западный фронт, по мнению Брусилова, будто бы имел шансы на оперативный успех. И поэтому он требовал широких наступательных действий (стр. 24). Однако, это утверждение несколько расходится с тем, что пишет по этому поводу сам Брусилов в своих воспоминаниях. Выступление Брусилова было вызвано тем, что по плану ставки юго-западному фронту отводилось второстепенное место. Он должен был начать наступление только тогда, когда два других фронта одержат успехи. Брусилов считал, что при таком положении противник сможет перебросить резервы с юга на север и этим помешает развитию общего наступления. Исходя из этих соображений, он настаивал на том, чтобы юго-западный фронт наступал одновременно с другими фронтами.

При существовавшем соотношении сил Брусилов имел основания рассчитывать на успех, но при этом он не предопределял, что этот успех будет оперативным. Брусилов говорил, что если он не добьется решающего успеха, то все же принесет своим наступлением пользу, сковав резервы противника. Однако из выступления Брусилова никак нельзя делать заключения, что он требовал каких-то широких наступательных действий. Наоборот, все это позволяет сделать вывод, что Брусилов хорошо понимал вспомогательную роль, которая отводилась

его фронту в предстоящей операции и при наличных силах и средствах не мог требовать для себя широких наступательных действий, ставя лишь частную задачу сковывания противника. Брусилов, реально учитывая наличные силы, шел на наступление, преследуя единственную цель — обеспечить максимальный успех на направлении главного удара.

Разрабатывая план прорыва, ген. Брусилов принимал во внимание опыт подобных операций на западном и восточном театрах. Этот опыт показывал, что при большом сосредоточении сил и средств на узком фронте, как правило, удавалось прорвать тактическую оборону противника, но при развитии этого успеха наступающий встречался с вновь организованным сопротивлением и по израсходовании своих резервов был принужден делать остановку. Поэтому прорыв, проведенный большими силами на узком фронте, приводил к выигрышу сравнительно небольшой территории, но не давал того решающего результата, на который рассчитывали. Это объяснялось тем, что прорыв при сосредоточении большого количества сил на узком фронте обеспечивал подавляющее превосходство сил на направлении главного удара и позволял в то же время противнику, из-за пассивности на остальном фронте наступающего, стягивать свои резервы к угрожаемому направлению. Это вело к уравниванию сил на этом направлении и в конечном счете останавливало наступление, не давая ему развиваться в успех стратегического масштаба. Помимо всего, сосредоточение большого количества сил и средств наступающего на направлении главного удара требовало много времени и не оставалось не замеченным обороняющимися. Последний получал, таким образом, возможность своевременно обнаружить направление главного удара и еще до начала наступления принять меры к сосредоточению резервов в угрожающем направлении.

Все эти недочеты были совершенно правильно учтены ген. Брусиловым, и он организовал свое наступление по-новому. Главный удар наносила 8-я армия в общем направлении на Луцк, Ковель. Но одновременно три другие армии также переходили в наступление, нанося главные удары в избранных командующими армиями направлениях. Командующий юго-западным фронтом ставил общей целью своего наступления только уничтожение живой силы противника. Ограниченность цели исходила, повидимому, из предвзятой мысли о том, что фронт выполняет задачу сковывающего характера и не может рассчитывать на большой успех. Мысль эта довлела над Брусиловым и командующими армиями. Результатом ее явилось то, что как командующий фронтом, так и командующие армиями все внимание сосредоточили на тактическом прорыве и не приняли мер к развитию прорыва при возможном его успехе. И когда на всем фронте был достигнут крупный успех, командование оказалось без резервов, которые можно было бы бросить для развития успеха.

Конечно, следует учитывать, что силы фронта были ограничены. Но в его составе имелось достаточное количество конницы, которая при соответствующей ее организации могла быть очень хорошим оружием в руках командующего фронтом и сыграла бы решающую роль. Но она была использована неправильно, а потому не дала должного эффекта. Основной причиной всех этих неудач можно считать излишнее увлечение тактической стороной прорыва, вследствие чего упущенными оказались большие стратегические цели. Кроме того, основываясь на материалах и личных воспоминаниях Брусилова, можно заключить, что он сам не рассчитывал на такой большой успех, который был фактически достигнут и явился для него неожиданным.

Автор книги берет под сомнение заявление ген. Брусилова о готовности фронта к наступлению и утверждает обратное. Он говорит о моральной слабости армии, вызванной недовольством солдат империалистической войной. Этот вывод, конечно, имеет основания, но все же командующий еще имел полную возможность заставить подчиненные ему войска идти в бой. При этом нельзя забывать и о силе государственного аппарата, которая жестоко расправлялась с теми, кто осмеливался выступать против войны или против существующего режима. Таким образом, войска юго-западного фронта были еще боеспособны и могли наступать. Это доказало и само наступление.

Автор почти половину книги посвящает вопросам подготовки операции, артиллерии же уделено немного больше полстраницы и под загадочным заголовком «Техническая подготовка артиллерии». Вопросы, которые он затрагивает, меньше всего говорят о технической подготовке артиллерии. Разве можно вопросы связи артиллерии с пехотой, вопросы управления, расположения и организации артиллерии относить к чистой технике артиллерийского дела. Как известно, артиллерия, и особенно в таком деле, как прорыв тактической глубины оборонительной полосы противника, имеет решающее значение. Из отдельных намеков автора видно, что командные инстанции всех степеней уделяли артиллерии много внимания, но в книге это не нашло отражения. Недооценка автором подготовки артиллерии к прорыву приводит к тому, что роль артиллерии совершенно смазывается.

Прорыв тактической обороны изложен в отдельной очень небольшой по объему главе. В сжатом очерке дается описание сражения четырех армий юго-западного фронта. Глава написана схематично, и автор ограничивается простой констатацией фактов. Операция по прорыву укрепленной полосы противника при тех средствах, которыми располагал юго-западный фронт, была чрезвычайно трудной и требовала очень большого напряжения от войск. Позиции противника, говорит тов. Ветошников, имели от двух до четырех укрепленных полос, удаленных друг от друга на 5—6 км. Но как эти полосы были прорваны русскими войсками, в книге ничего не сказано.

Вопрос о позиции противника также освещен недостаточно четко. Так, например, на стр. 30 говорится: «каждая полоса имела глубину до 1 км и состояла из 2—3 линий окопов и узлов сопротивления, сильно развитых в глубину и находившихся в артиллерийской связи между собой». Из этого можно сделать определенный вывод, а именно, что все полосы были достаточно сильными и были примерно одинаково оборудованы. На следующей же странице автор указывает не на 3, а на 4 линии окопов и говорит, что тыловая полоса находилась на удалении в 5—10 км и была подготовлена только внешне; более глубоко расположенные полосы существовали лишь на картах в штабах, но не на местности. Вследствие такого противоречивого изложения вопрос о позициях противника остается неясным. Ко всему этому при описании прорыва автор не показал действия войск по преодолению этих полос.

Не нашли должного освещения в книге и действия родов войск в процессе прорыва, а также не сделано обобщающих выводов по операции, без чего ценность всей главы снижается.

Второй этап фронтовой операции изложен автором также сжато и далеко не вскрывает всех трудностей, которые пришлось преодолевать русским войскам. При разборе прорыва тактической глубины тов. Ветошников ограничивается констатацией фактов, но не дает развернутой картины действий войск. Учитывая, что операция развития прорыва в условиях позиционной борьбы является очень сложной и требует большого напряжения, было бы желательно показать всю обстановку, в которой пришлось действовать юго-западному фронту.

Более подробно автор изложил решения ставки и командования фронта, из которых ясно видно, как часть высшего командования ставила в чрезвычайно невыгодные условия свою армию. К недостаткам главы необходимо отнести также бледное освещение действий войск. О таком чрезвычайно важном вопросе, как перегруппировка сил, только упоминается. А между тем об этом следовало бы сказать подробнее и с конкретными расчетами, столь важными в оперативно-стратегическом очерке.

Брусилевский прорыв, несмотря на все его недостатки, является одной из важнейших операций мировой войны 1914—1918 гг. Если русское командование не добилося решительного результата, то своим наступлением оно оказало большую помощь союзникам и нанесло огромные потери противнику. Об этом красноречиво говорят цифры: австро-германцы потеряли в общей сложности до 1,5 млн. человек, из них около 0,5 млн. пленными; австро-германцы сняли с западного и итальянского фронтов 17 дивизий, которые были переброшены на восточный фронт против России. Потери России составили до 0,5 млн. человек. Таким образом, по нанесенному противнику ущербу и помощи, оказанной союзникам, Брусилевское наступление имело огромное значение. Вместе с тем оно полностью опрокинуло точку зрения германского командования, считавшего,

что после операции 1915 г. русская армия стала небоеспособной. Если в результате этой операции и не произошла полная катастрофа австро-венгерского фронта, то виноваты в этом были не русские войска, а русское верховное командование, которое оказалось не на высоте своего положения.

Брусиловский прорыв имеет весьма важное значение и с точки зрения развития военного искусства. Впервые Брусилов отказался от принятого метода прорыва большими силами на узком фронте и разработал новый метод, при котором удар наносился сразу в нескольких местах. Это вело к одновременному взлому оборонительной полосы и затрудняло противнику маневрирование резервами. Благодаря этому методу наступление русских оказалось неожиданным для противника и создало панику и растерянность не только в войсках, но и в высшем командовании. Между прочим, тов. Ветошников усматривает недостаток в том, что Брусилов наносил удар не в одной точке и что это якобы приводило к разброске сил наступающего. Но это не так. Сам принцип прорыва фронта противника сразу в нескольких местах является не отрицательным, а положительным. То, что Брусилов не сосредоточил свои усилия на

одном направлении, а наносил удар в нескольких местах, конечно, было известной разброской сил, но под воздействием его ударов противник, не зная, где наносится удар, оказывался в гораздо худшем положении. Поэтому и нет оснований расценивать это как недостаток. Наконец следует учитывать, что опыт Брусилова с успехом был использован в дальнейшем ходе войны на западном театре и нашел применение и в войне между Германией и Францией. Это служит ярким доказательством того, что метод прорыва, примененный Брусиловым, правилен. В этой операции отрицательным было то, что русская ставка из-за своей неповоротливости и неумения правильно оценить обстановку, не сумела первоначальный блестящий успех превратить в катастрофу для противника.

Но, несмотря на отдельные недочеты, книга тов. Ветошникова в целом полезна и дает большой материал по Восточно-прусской операции. В заслугу автора надо поставить, что он впервые обобщил материал по Брусиловскому прорыву и дал краткий очерк всей операции с основными выводами. Книгу следует рекомендовать нашему командиру.

Г. ЗАХАРОВ.

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1914 ГОДА

Книга полковника Ф. Храмова¹ посвящена начальной операции первой мировой войны на русском фронте в 1914 г., развернувшейся между 1-й и 2-й русскими и 8-й германской армиями в Восточной Пруссии.

Этой операции в русской и иностранной литературе уделено большое внимание, по ее описанию имеется немало трудов и статей.

Книга Ф. Храмова — новый небольшой труд, кратко освещающий все основные действия 1-й и 2-й русских армий. В пяти разделах книги излагаются планы сторон и соотношение сил перед началом операции, встречное сражение под Гумбиненом между 1-й русской и 8-й германской армиями, наступательные действия 2-й русской армии, поражение двух ее корпусов (13-го и 15-го) и оборонительные действия 1-й русской армии. В выводах автор вскрывает причины поражения двух русских корпусов и неуспешных действий обеих русских армий.

Фактическая сторона Восточно-прусской операции 1914 г. изложена правильно. Автором использованы для этой цели различные литературные источники и архивные документы.

Идея операции русских, как совершенно правильно указывается в книге, заключалась в двойном охвате и обходе сильной

германской позиции, расположенной вдоль Мазурских озер. 1-я армия должна была совершить охват с севера (севернее озер) а 2-я армия — с запада (западнее озер). В случае активных действий со стороны Германии 1-я армия должна была притянуть на себя возможно больше сил противника, а 2-я армия — разбить германские корпусы, развернувшиеся между р. Вислой и Мазурскими озерами. Имея перед собой такую задачу, русские армии 13 августа и начали наступление в пределы Восточной Пруссии. Германия развернула в Восточной Пруссии 8-ю армию. Соотношение сил в пехоте и коннице было в пользу русских, в тяжелой артиллерии — на стороне германской армии (русские имели около 300 батальонов, 200 эскадронов, 1134 орудия, из них 150 тяжелых; немцы — около 200 батальонов, 100 эскадронов, 938 орудий, из них 171 тяжелое).

Огромное преимущество германской армии, как совершенно правильно отмечает автор, заключалось в хорошей подготовленности театра действий, в полной материальной обеспеченности войск. У русских же было только численное превосходство, зато обе армии не закончили еще полностью сосредоточения своих сил и тылов, материально были недостаточно обеспечены, район развертывания и действий был подготовлен плохо. Но, несмотря на неподготовленность, русская армия по требованию союзников должна была приступить к решительным действиям и 17 августа 1914 г. она вторглась в Восточную Пруссию.

¹ Ф. Храмов. Восточно-прусская операция 1914 года. Воениздат, 1940 г., 112 стр., цена в переплете 3 р. 25 к.

В период 19—21 августа происходит сражение в районе Гумбинена, в результате которого после поражения 1-го и 17-го германских корпусов вся 8-я германская армия (под командованием генерала Притвица) начинает поспешный общий отход к р. Висле. Уже по одному этому решению об отходе за Вислу можно судить, насколько тяжело было тогда положение германских войск и насколько тревожно было настроено германское командование.

Тем временем 2-я русская армия спешила отрезать пути отхода к Висле 8-й германской армии. На западе, как известно, в это время германские главные силы устремились через Бельгию на Париж с целью быстрого разгрома Франции. На русском юго-западном фронте началось грандиозное Галицийское сражение. Казалось бы, дальнейшему наступлению двух русских армий в Восточную Пруссию ничто не препятствует.

Даже переброска сюда германским командованием двух с половиной корпусов с Парижского направления западного фронта не меняла тяжелого положения для немцев в Восточной Пруссии. Не могла изменить положение дел и смена германского командования фронта (генерал Притвиц и начальник штаба Вальдерзее были заменены генералами Гинденбургом и Людендорфом), если бы русское командование: фронтовое — в лице генерала Жилинского и армейское — в лице генералов Ренненкампа и Самсонова, действовало умело и решительно. Одной из главнейших причин поражения русской армии в Восточной Пруссии была бездарность генералитета.

Когда после поражения под Гумбином началось отступление 8-й германской армии к р. Висле, командующий 1-й русской армией генерал Ренненкампф отказался от преследования, а затем, потеряв соприкосновение с противником, не ведя разведки, вовсе прекратил всякие активные действия. Своими донесениями он вводил в заблуждение командование фронта и совершенно не стремился к взаимодействию со 2-й армией. Все это позволило Гинденбургу прекратить отход 8-й армии и, прикрывшись против бездействовавшего Ренненкампа незначительными силами, быстро произвести перегруппировку своих сил и неожиданно обрушиться против 2-й русской армии.

Командующий 2-й русской армией генерал Самсонов, задавшись целью отрезать пути отхода германской армии на запад, к Висле, наступал со своей армией на широком фронте из района Остроленки на север. Он имел на правом фланге 6-й корпус, на левом — 1-й корпус и в центре — 13-й и 15-й корпуса. Но из-за плохой разведки начало встречи с главными силами 8-й германской армии было представлено как встреча с небольшими частями прикрытия. По донесению Ренненкампа, главная группировка немцев отходила к Кенигсбергу.

Неверная оценка планов противника на основании ложных донесений Ренненкампа

и неудовлетворительное оперативное управление привели в дальнейшем к тому, что оторванные от главных сил фланговые корпуса 2-й армии под давлением превосходных сил немцев отошли, а центральные (13-й и 15-й) выдвинулись вперед. Это позволило германскому командованию окружить эти корпуса и нанести им тяжелое поражение. А между тем русское командование располагало всеми объективными условиями, чтобы избежать этой катастрофы. Более того, можно утверждать, что оно имело все возможности нанести удар и разгромить находившуюся в тяжелом положении 8-ю германскую армию.

Отсутствие оперативной разведки, преступный разбой в действиях 1-й и 2-й армий, отсутствие твердого руководства со стороны командования фронта, преступное уклонение Ренненкампа от оказания помощи Самсонову послужили основными причинами провала операции.

Поведение генерала Ренненкампа нельзя квалифицировать иначе, как предательским. Можно смело назвать главным виновником общего неуспеха русских войск в Восточной Пруссии и, в частности, поражения 13-го и 15-го корпусов именно генерала Ренненкампа.

Мог ли генерал Самсонов, оставшись без помощи со стороны Ренненкампа, своими силами выйти из окружения? Автор правильно отвечает на этот вопрос: если бы фланговые корпуса 2-й армии (1-й и 6-й) действовали энергичнее, то 13-й и 15-й корпуса вполне могли выйти из окружения. Однако командиры этих корпусов не оказались на должной высоте и не проявили стремления к взаимной выручке.

Слабость оперативной подготовки русских генералов и их штабов по управлению войсками ярко сказалась и в таком факте, как открытая передача по радио и телефону боевых секретных приказов. В результате немало из них перехватывалось противником. В частности, сейчас хорошо известно, что об операции русских войск германское командование было прекрасно осведомлено заблаговременно именно путем перехвата донесений русского командования. При таких условиях, пишет тов. Храмов, «победа была достигнута не столько мужеством и отвагой германских войск, сколько в результате ошибок, допущенных в этой операции русским командованием» (стр. 101). И это совершенно правильно.

Что же касается боевой подготовки русских войск, их мужества и упорства, то автор иллюстрирует это рядом ярких примеров (Гумбиненское и другие сражения).

Книга Ф. Храмова о Восточно-прусской операции 1914 г., являясь в общем полезной популярной работой для командиров Красной Армии, имеет ряд недостатков. Так, давая общий оперативно-стратегический очерк операции, она не содержит тактического ее разбора. В книге читатель найдет описание действий 1-й и 2-й армий в целом, также действий отдельных корпу-

сов и совсем не найдет описания действий полков. Нельзя не отметить и того, что, дав правильный анализ самой операции, тов. Храмов не сделал из нее каких-либо выводов, поучительных для современности. А между тем из разбора Восточно-прусской операции 1914 г. невольно напрашиваются, например, такие уроки, как:

1. Двумя армиями, действующими для достижения единой цели, должно обязательно твердо руководить фронтовое командование, но это не было сделано русским командованием северо-западного фронта в 1914 г.

«Армия не может действовать,— говорит товарищ Сталин,— как самодовлеющая, вполне автономная единица... самая боеспособная армия при прочих равных условиях может потерпеть крах при неправильности директив центра и отсутствии действительного контакта со смежными армиями»².

² К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия, Воениздат, 1937 г., стр. 87—88.

2. Независимо от самого неослабного руководства обеими армиями со стороны фронта командование обеих армий обязательно осуществлять самое тесное оперативное взаимодействие. Это не было сделано командующими 1-й и 2-й русскими армиями 1914 г.

3. Наступая в условиях пересеченной местности на широком фронте, армия обязана особое внимание уделить взаимодействию между корпусами. Во время Восточно-прусской операции во 2-й армии четыре корпуса действовали вразнобой.

4. При превосходстве сил армиям и корпусам допустимо действовать и самостоятельно, но при одном условии — общей целеустремленности, максимальной активности, инициативы, смелости и взаимной информации о положении друг друга. Этого не было ни в 1-й, ни во 2-й русских армиях в 1914 г.

Несомненно, при наличии выводов, сделанных в отношении операции 1914 г. в свете современности, книга тов. Храмова представляла бы еще больший интерес для военного читателя.

Полковник Д. РЫБИН.

РАЗГРОМ ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ ПОД КАПОРЕТТО В 1917 г.¹

Битва под Капоретто в 1917 г. является одним из крупных сражений первой империалистической войны. В ней огромная по численности итальянская армия в 1 400 000 человек понесла колоссальные потери — 650 000 человек и более 3 000 орудий, или почти половину всей бывшей на фронте артиллерии. Только помощь союзников — Франции и Англии, которые срочно перебросили на итальянский фронт целую армию в составе 12 пехотных дивизий, спасла итальянскую армию от полного разгрома.

Книга полковника Конкэ «Сражение под Капоретто» содержит большой фактический материал и дает довольно полную картину хода этой битвы от начала до конца, вплоть до действий корпусов, а частично и дивизий. Книга содержит пять частей. Во вступительной части автор рассматривает политическую и военную обстановку в Италии и Австро-Венгрии в период 1915—1917 гг. В последующих трех частях излагается подготовка сторон к сражению и ход самого сражения. В пятой (заключительной) части сделаны развернутые выводы.

Такое расположение материала дает возможность читателю последовательно проследить картину военных событий. Характеризуя внутривойсковое положение Италии и Австро-Венгрии накануне сражения под Капоретто, автор отмечает, что обе

стороны были одинаково морально неустойчивы и слабы. В первую очередь это выразилось в Италии, например, в том, что правительство относилось чрезмерно мягко к «манифестациям, печати, скептицизму и либерализму» и т. п. Моральную слабость тыла автор объясняет «попустительством» к оппозиционным партиям. Что касается Австро-Венгрии, то раздравшие ее национальные противоречия ослабляли эту лоскутную империю.

Несмотря на ценность фактического материала, книга полковника Конкэ требует сугубо критического подхода. Автору в силу своей буржуазной ограниченности не удалось вскрыть истинные причины поражения Италии. В книге дается неправильная оценка деятельности итальянского главного командования. Итальянское главное командование в решающий момент оказалось неспособным к руководству вооруженными силами страны и привело армию к позорному поражению. Об этом умалчивает автор книги, возлагая всю вину за понесенное поражение на итальянскую нацию.

Известно, что Италия по сравнению с другими капиталистическими странами Запада была бедна железом и другими ископаемыми, а также не имела мощной военно-промышленной базы. Все это сказалось на техническом оснащении ее армии и обороноспособности страны. Но слабость технического вооружения не являлась основной причиной поражения. Эти причины следует искать также в слабости оперативного руководства итальянскими войсками, в их

¹ Конкэ. Сражение под Капоретто (1917 г.). Воениздат, 1940 г., перевод с французского, 180 стр. цена 5 р.

невысокой боеспособности. Кроме того, на состоянии итальянских войск сказалось и влияние революции в России. Автор, конечно, умалчивает об этих причинах.

В основу разгрома под Капоретто автор кладет тактическую и стратегическую внезапность. Эта внезапность, по его мнению, вытекала из недостаточности оборонительных мероприятий, проводимых итальянским главным командованием после наступательного сражения на Байнзице. С другой стороны, она объяснялась отличной организацией операции противником. «Эффект внезапности был усилен горным характером театра военных действий» (стр. 30).

Рассматривая соотношение сил (стр. 73) в направлении главного удара (на фронте Тольмино, Плеццо), полковник Конкэ приводит следующие данные: Италия располагала 142 батальонами и 1 150 орудиями, австро-германцы — 152 батальонами и 1 600 орудиями. Из этих цифр видно, что у австро-германцев было на 10 батальонов и 450 орудий больше, чем у противника. А если взять весь итальянский фронт (от Горы Ромбон до моря), включая 2-ю и 3-ю итальянские армии с их резервами, и противопоставить их германской 14-й и австрийской 1-й и 2-й армиям, расположенным на р. Изонцо, то надо будет констатировать значительное численное превосходство на стороне Италии. Правда, по мнению Конкэ, условия оперативной внезапности сделали это превосходство для итальянцев «недействительным» (стр. 73). Но они имели другие преимущества. Достаточно сказать, что задолго до наступления австро-германцев итальянское командование через перебежчиков-офицеров имело исчерпывающие данные о силах, планах и сроках наступления противника. На фронте прорыва итальянцы имели несколько укрепленных полос (окопы, проволока, много пулеметов, минометов, артиллерии). Горный театр также способствовал итальянцам. Таким образом, 10 лишних батальонов, имевшихся на стороне австрийцев, решающей роли не играли. Что же касается германской помощи Австро-Венгрии, она выражалась лишь в 7 дивизиях. Поэтому никаких объективных данных, говорящих за превосходство австро-германцев, не было. Почему же тогда произошел столь неожиданный разгром итальянского фронта?

Высшее командование итальянской армии, итальянский генералитет оказались бездарными, неспособными, не подготовленными к руководству сложной операцией, какую представляло собой сражение под Капоретто. Нельзя, в частности, согласиться с характеристикой, данной автором итальянскому главнокомандующему генералу Кадорна. «Это была, — пишет Конкэ, — сильная личность, обладавшая могучей волей и непреклонным характером, не способным на компромиссы» (стр. 25). Между тем весь ход сражения под Капоретто говорит об обратном.

Как бы автор ни старался смягчить и сгладить потрясающее поражение, понесенное итальянской армией в первые же три дня, и ее паническое бегство впоследствии,

он вынужден считаться с «упрямыми фактами». Действительность же была такова: в 2 часа ночи 24 октября 1917 г., в дождливую погоду, австро-германские армии начали артиллерийскую подготовку. Погода ухудшалась с каждой минутой. Дождь переходил в ливень, а ветер усиливался. На гребнях гор кружилась снежная метель. Тем не менее артиллерия австро-германцев точно выполнила свой план.

В 8 часов 24 октября австро-германская пехота перешла в атаку. Главный удар был направлен по 2-й итальянской армии. В первый же день боя части 4-го и 27-го итальянских корпусов начали без сопротивления отходить и сдаваться в плен. И уже к исходу дня немцами был занят узловый пункт — Капоретто. На следующий день (25-го) начался отход всей 2-й, а вслед за ней и 3-й итальянских армий.

Командование 2-й итальянской армии (генерал Капелло) и главное командование (генерал Кадорна) только к вечеру 24 октября смогли ориентироваться в создавшейся обстановке. Растерянные и потрясенные неожиданным прорывом, итальянские генералы пытались остановить противника, вводя резервы, и пытались перейти к обороне на новом рубеже впереди р. Тальяменто. Но уже 25—27 октября итальянское командование осознало полную невозможность дальнейшего сопротивления и отдало приказ об общем отходе итальянских армий за р. Тальяменто.

В течение двух дней итальянцами была потеряна вся глубина укреплений на фронте от Горицы до М. Ромбон. 2-я итальянская армия была разгромлена, остальные (3-я и 4-я) армии оставили свои позиции. Началось общее безудержное отступление всего восточного итальянского фронта — сначала к р. Тальяменто, а затем вглубь к р. Пьяве. Генерал Кадорна доносил итальянскому председателю совета министров: «2-я армия потеряла 180 000 пленными, 400 000 человек рассеялись, людская масса утратила моральную устойчивость» (стр. 139).

По свидетельству самих итальянцев, отход представлял следующую картину: «Огромные массы людей, лошадей и обозов всех родов устремились через равнину Фриула в направлении Тальяменто. Многие части превратились в толпы распущенного сброда, потеряли всякое подобие дисциплины и всякое чувство воинского долга, требовали заключения мира, всячески ругали воображаемых предателей»².

По свидетельству очевидца этих событий Ллойд Джорджа, «...итальянская армия была оглушена и в беспорядке ринулась назад. За 16 дней она отступила на 70 миль... Высшее командование было совершенно оглушено катастрофой. Штаб его окончательно потерял голову от этого удара. Он стал издавать дикие приказы частям, пребывание которых ему было совершенно неизвестно и в самом существовании которых он сомневался... Целые дивизи-

² Виллари. Война на итальянском фронте, стр. 135.

знии рассыпались на блуждающие атомы, горные бури по долинам Ломбардии...

Только к 20 ноября окончательное отступление итальянских войск было закончено; начались бои на р. Пьяве уже при поддержке англо-французских дивизий.

Такое катастрофическое поражение итальян-

янская армия понесла по вине своего бесталанного командования, своих беспечных руководителей. Еще и еще раз неправ автор, напрасно пытающийся снять с них эту ответственность.

Д. Р.

***

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ МОЛНИЕНОСНОЙ ВОЙНЫ

Под таким заголовком ряд американских журналов («Infantry Journal», «Cavalry Journal» за 1940 г.) поместили статью английского генерал-майора в отставке Г. Роун-Робинсона. Автор подробно разбирает военные действия между Германией и Польшей в сентябре 1939 г. и, анализируя их, делает ряд интересных оперативно-тактических выводов.

Роун-Робинсон отмечает прежде всего, что германская армия была заблаговременно развернута на польской границе и, перейдя ее, продвигалась с боем в среднем 25—28 км в сутки. Такой темп, указывает автор, возможен лишь при условии длительной подготовки германских войск к этому наступлению. Германо-польская кампания—беспримечательное событие в военной истории, но успех одержан германскими войсками над слабым и не подготовленным к войне противником. Начавшись без официального объявления войны, кампания фактически закончилась в девятнадцать дней. Соотношение сил в данном случае было таковым, что одна из сторон имела решающее превосходство с самого начала.

Далее автор переходит к оценке стратегического положения сторон. Он подчеркивает прежде всего, что Польша могла вести лишь оборонительную войну. Если бы она и захотела наступать в каком-либо одном направлении, то фланги, коммуникации и базы наступающей армии были бы под угрозой нападения. Союзников Польша фактически не имела. Страна представляла собой открытую равнину; исключая границы на Карпатах, других естественных преград не было. Если бы операции начались позднее, тогда Польша могла надеяться на помощь природы. «Именно на территории Польши,—пишет автор,—Наполеон вынужден был признать наличие пятого элемента—«непреодолимая грязь», который оказался наиболее трудно преодолимым». Поэтому немцы должны были торопиться с началом войны. Далее автор характеризует отсталость польской экономики по сравнению с германской. «Она имела,—говорит он,—много солдат и лошадей, но одна живая сила, не защищенная броней, оборонительными сооружениями, естественными преградами, не могла долго

выдержать натиск бронированных боевых машин, наступающих сплошной массой». Подчеркивая неоднородность национального состава населения Польши, автор считает, что это послужило одной из важнейших причин поражения.

Рассматривая состояние армии, автор отмечает, что в мирное время Польша имела под ружьем до 280 000 человек, обученные резервы составляли около 2,5 млн., а при условии ограничения производства могло быть мобилизовано еще 3 млн. человек. Однако эти резервы нереальны, так как из них не более 60% могли быть вооружены и, кроме того, подготовка старших возрастов была очень слабой. Польское правительство, как утверждает автор, всегда отдавало предпочтение кавалерии; в результате страна почти не имела механизированных войск, а из 1 100 самолетов было лишь несколько машин современных образцов. Польское командование не создавало необходимых укреплений на западных и северо-западных границах, а, стремясь экономить средства, рассчитывало вести маневренную войну, надеясь, что в этом случае их кавалерия поможет одержать победу.

Автор видит одну из причин поражения Польши также и в географических особенностях страны. Выгнутое положение северо-западной и западной границ создавало возможность для окружения польских войск, находившихся на этой территории. Кроме того, имелись еще три выступа: по направлению к Данцигу, к Познани и западнее Кракова. Попытка удержать за собой эти выступы была связана с большим риском: обороняющиеся войска наверняка были бы отрезаны. Поэтому польское командование придерживалось идеи постепенного отхода к центру страны. Но такая стратегия не могла дать нужного эффекта в силу невыгодного расположения границы, превосходства противника в авиации, огневой мощи и подвижности. Кроме того, польская армия при отходе не могла укрепляться на необходимых в таких случаях естественных рубежах, так как таковых не было. Ввиду этого было необходимо выдвинуть вперед несколько групп войск. Между этими группами, однако, оставались незащищенные

интервалы, а следовательно, фланги их были обнажены. Именно так и поступило польское командование, рассчитывая, что передовые группы будут отходить, затем с определенного рубежа наносить контрудары и вновь отходить на новый рубеж. Но такая тактика требует наличия подвижных войск; в противном случае передовые группы будут уничтожены раньше, чем они сумеют отойти на рубежи, где предполагено дать решающее сражение. Большую помощь при такой тактике могли оказать массовые разрушения переправ, путевых магистралей и т. д. Это сдерживало бы темп наступления противника. Автор отмечает, что по некоторым данным все мосты, ведущие в Польшу, были заранее минированы, но фактически они не были уничтожены. Предлагался также план разрушений для защиты центра страны — Варшавы — с радиусом до 160 км. Это могло бы дать большой эффект, но план не был осуществлен.

Далее автор подробно останавливается на расположении польских армий, затем переходит к оценке положения германской армии и указывает, что германское командование полностью использовало все слабости польской обороны и стратегическое положение страны.

Одно из главных преимуществ германской армии заключалось в том, что инициатива действий с самого начала кампании была всецело в руках наступающего.

Останавливаясь на стратегическом плане германского командования, автор считает, что немцы применили метод «клещей», который использовался не только группами армий, но и армиями. Стратегические «клещи» осуществляли две армейские группы: южная, состоявшая из трех армий, и северная — из двух армий. После этого автор разбирает ход операций, в котором он, по существу, никаких новых данных не дает. Он подробно останавливается на действиях германской авиации. При этом, по его словам, через пять дней польская авиация практически вышла из строя. «Около 30 польских самолетов, — пишет автор, — пролетели над Берлином; в двух случаях польские летчики нанесли серьезные потери механизированным колоннам немцев. Но на пятый день немцы полностью господствовали в воздухе... Они разрушали железнодорожные узлы и станции, поезда, мосты, радиостанции, виадуки, электростанции, депо, сборные пункты резервистов. Самолеты немцев преследовали руководство, которое должно было отдавать приказы; бомбы уничтожали линии связи, по которым эти приказы должны были передаваться... Командиры частей и соединения на фронте оказались без связи с главным командованием, не получали ни подкреплений, ни боеприпасов... В диверсионных целях немцы сбрасывали несколько групп парашютистов. Большинство из них, однако, были уничтожены во время спуска или пленены при посадке. Довольно странно, что некоторые из парашютистов сбрасывались над городами в дневное время, где они никак не могли скрытно приземлиться».

Описывая заключительный этап войны, автор отмечает, что «19 сентября германские армии достигли линии, простиравшейся от Румынского фронта, через Львов на запад, затем к северу до Буга, вдоль этой реки к Брест-Литовску и далее к Белостоку и Сувалкем. Несмотря на это, несколько польских дивизий оставалось еще в полной боевой готовности, и если бы не русские войска, перешедшие польскую границу, то они могли бы соединиться и оказать длительное сопротивление в районе Пинских болот, заставив, таким образом, немцев держать в Польше крупные силы».

Переходя затем к оперативным выводам, автор, отмечая превосходство германской стратегии, указывает, что германская армия, однако, не встретила на своем пути таких преград, которые нужно было бы преодолевать. Германские войска могли продвигаться даже быстрее, чем предполагалось. Этому способствовали хорошая погода и обмеление рек (единственная преграда, встречаемая наступающими в Польше), которые можно было преодолевать вброд.

Как и следовало ожидать, германское командование применяло метод «клещей» во всех случаях, где этому способствовало начертание границы. Прежде всего были использованы два выступа: Коридор и Тешинская область. 3-я армия направила свои главные силы к Варшаве, намереваясь обогнуть Вислу и одновременно, взаимодействуя с 8-й и 10-й армиями, загнута вторую «клешу» к Варшаве. Через неделю, с точностью рассчитав операцию, германское командование расширило «клещи», направив колонну через Ломжу к Брест-Литовску с тем, чтобы обогнуть Буг, в то время как Лист направил колонну войск через проход Дюкла вдоль р. Сан и затем на север для соединения с войсками, двигавшимися из Восточной Пруссии. Наиболее искусной операцией, однако, явилась та, в результате которой вся познанская польская группа была загнана в «мешок» у Кутно.

Во всех этих операциях важнейшее значение имела высокая подвижность германской армии. Германская пехота, совершая марши с боями, продвигалась в среднем 25—30 км в день в течение всей кампании. Это явилось следствием умелого руководства и работы штабов, хорошей выносливости солдат и отсутствия опасности с воздуха. В результате польские войска после первоначального поражения вынуждены были непрерывно отходить.

Касаясь действий германских механизированных и моторизованных войск, автор отмечает, что германское командование не возлагало на них самостоятельных оперативных задач. Иногда для решения специальных задач, как, например, окружение польских войск в районах Радома и Ченстохова, они выбрасывались на 50—60 км впереди главных сил. Но, выполнив поставленную им частную задачу, мото-мехсилы или присоединялись к главным силам или ожидали их подхода, прежде чем они вновь выдвигались вперед. Таким образом, командующие армиями держали их в своих руках довольно твердо, стремясь к тому,

чтобы они были готовы для выполнения специальных заданий и на случай решительных сражений.

Несмотря на то, что мото-мехвойскам не поручались задачи, выполнение которых требовало бы их значительного удаления, снабжение их тем не менее было связано с огромными трудностями. Так, например, во время боев за Лодзь поляки, как сообщает автор, захватили 100 германских танков, которые не могли действовать за отсутствием горючего. «В последние дни кампании, — пишет далее автор статьи, — три броневых дивизии, выдвинувшиеся к востоку от Варшавы, в результате израсходования горючего вынуждены были приостановить всякое движение. Если бы русские войска не перешли границы, то все эти части могли стать добычей польских отрядов». Успеху мото-мехвойск значительно способствовало назначение в каждую часть и отряд групп инженерных войск. Эти инженерные команды и саперные подразделения пехотных войск получили специальную подготовку в обеспечении путей продвижения танков посредством удаления препятствий и мин и быстрой постройки мостов.

Новым явлением механизированной армии, сообщает автор, были радиопередвижки, которые сопровождали войска и сообщали последние новости об успехах германских войск. «Эти передвижки сообщали полякам о поражениях, которые они несут по всей Польше, и о том, что они преданы своим правительством и союзниками — Англией и Францией».

Применявшийся немцами маневр двойного охвата, по мнению автора, приводил к успешному исходу только потому, что противник был лишен необходимого руководства, подвижности и связи. «Если бы польские войска своевременно получили распоряжение отойти и имели необходимые средства передвижения, то они могли бы закрепиться на нескольких речных преградах, а «клещи» замкнули бы пустое пространство. Было бы неправильным, однако, констатировать исходя из вышеуказанного, что этот оперативный прием немцев непригоден в иных условиях. Германское командование знало, что поляки не обладали подвижностью, а, бомбардируя польские штабы и разрушая систему связи, они действовали наверняка, будучи уверенными, что «клещи» сомкнутся не впустую. Больше того, стратегия охвата, даже если бы она и не привела к успеху в результате первых ударов, то в условиях Польши она так или иначе привела бы к такой концентрации германских войск, которая позволила бы атаковать или прижать польскую армию к Пинским болотам».

Охранение наступающих колонн, как отмечает автор, осуществлялось посредством глубокой разведки авиацией и бронесилами, параллельным движением колонн, выдвижением вперед механизированных сил, сильными разведывательными моторизованными батальонами, которые имелись в составе всех корпусов.

Германская авиация, пишет далее автор, действовала в тесном взаимодействии с су-

хопутными силами. Она сумела в самом начале кампании вывести из строя польскую авиацию и линии связи. Выполнив эту самостоятельную задачу, авиация сосредоточила все усилия на оказании непосредственной помощи войскам.

Далее автор переходит к изложению некоторых тактических выводов. Он отмечает прежде всего, что пехота наносила удары в глубину без ограничения определенными объектами, первым из которых являлась артиллерия противника; она пользовалась поддержкой всех средств прикрытия — самолеты, артиллерия, танки, минометы, тяжелые пулеметы; но каждое подразделение должно было продвигаться в случае необходимости под прикрытием собственного огня, даже если это был лишь огонь легких пулеметов и минометов.

В необходимых случаях сопротивление противника сламывалось просачиванием мелких подразделений. Соприкосновение поддерживалось не столько со своими соседями, сколько с противником. Замедление продвижения не допускалось. Управление войсками было максимально децентрализовано; нижестоящие командиры имели широкую инициативу в действиях. Преследование велось с предельным напряжением сил войск.

В тех случаях, когда позиция противника казалась сильно укрепленной, лобовые атаки не производились до того, как нажим на флангах мото-механизированными силами или соседними частями не ослаблял оборону противника и атака в лоб становилась возможной. Очень часто части изменяли направление наступления, обходя укрепленные пункты, и атаковали на других участках. Этот прием возможен, конечно, только в случаях, когда обороняющийся не способен контратаковать.

Основные силы своих четырех моторизованных и шести бронированных (panzer) дивизий немцы распределили, как сообщает автор, между армиями для использования их в качестве средств прорыва. Именно эти механизированные войска, взаимодействуя со штурмовой авиацией, чаще всего прорывали оборону противника и обеспечивали следовавшей за ними пехоте быстрое продвижение на большие расстояния, даже иногда без боя. Атака танков происходила бросками. При этом каждый бросок ограничивался таким расстоянием, при котором прорвавшиеся танки могли обеспечить произведенный разрыв фронта до подхода пехоты. Этот опыт показывает, что успех прорвавшихся частей может быть сейчас более эффективно развит в глубину, чем в 1918 г.

По словам автора, ген. Гудериан, командующий германскими механизированными войсками, недавно заявил, что «противотанковая оборона сейчас настолько сильна, что главной задачей танков является теперь не подавление пехотных и пулеметных огневых точек, а подавление противотанковых орудий, преодоление противотанковых препятствий и затем уничтожение артиллерии противника и его танков; только после этого танковые войска, используя свои вто-

рые эшелоны, могут приступить к очищению захваченного района».

Бронированные дивизии, располагающие собственными средствами огневой поддержки, способны были не только сломить оборону противника, но и прорваться в глубину его расположения. Этот прием отличается от тактики, принятой в ряде других армий, подчеркивает автор. Он считает, что такой тактический прием имеет серьезные преимущества в случаях успешного выполнения, для противодействия попыткам противника подбросить резервы и заполнить образовавшуюся брешь. Развитие успеха в глубину, конечно, должно сопровождаться и действиями по бокам брешы с целью ее расширения. Но этот метод не свободен от риска. Пехота обороняющегося может «укрыться в землю» и вновь появиться, когда бронечасты продвинутся вперед, и затем вступить в бой с подходящей пехотой атакующего. Больше того, прорвавшиеся бронесилы, продвигаясь в глубину расположения противника, могут попасть под сильный огонь небомаруженных противотанковых и полевых орудий и понести большие потери.

В тех случаях, когда подобные действия казались нецелесообразными или бронеча-

сти отсутствовали, танковые части, не входившие в состав мехсоединений, сопровождали пехоту. Их совместное наступление поддерживалось артиллерией и авиацией; последняя сбрасывала малые бомбы по окопам противника.

Для подавления противотанковых орудий использовались мотоциклисты, продвигавшиеся вперед в рассыпном строю и прикрытые небольшим стальным щитом.

Артиллерия, поддерживавшая пехоту, обычно вела огонь прямой наводкой. Предпочтение отдавалось быстрому открытию огня и скорости стрельбы, иногда в ущерб точности. Проблема преодоления последних 300 м, когда огонь поддерживающих пулеметов должен прекратиться, а артиллерийский огонь переносится вглубь, разрешалась, отмечает автор, использованием взводных минометов и взвода 3-дюймовых минометов, входившего в состав пулеметных рот батальонов.

Все эти выводы, пишет в заключение автор, подтверждают, что, несмотря на развитие фортификационных средств и средств обороны, преимущества все же остаются на стороне наступающего. Это доказывают и военные действия, имевшие место на других театрах в последние годы.

ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ В 1914 г.

Немецкий военный еженедельник «Милитер-Вохенблат» («Militär Wochenblatt») напечатал в 1940 г. серию статей, посвященных организации и роли различных родов войск германской армии в мировой войне 1914—1918 гг. Статьи эти представляют значительный интерес, так как они написаны на основе официальных материалов по истории первой империалистической войны, разработанных историческим отделом германского Генерального штаба.

Ниже мы помещаем сокращенные переводы трех статей из этой серии: «Германские инженерные войска в 1914 г.», написанную генерал-майором Клингбейль; «Привязные аэропланы в маневренной войне 1914—1918 гг.» (опубликованную без подписи) и «Германская авиация в 1914 году», написанную генералом авиации Вильбергом.

* * *

Боевая подготовка инженерных войск в последнее десятилетие перед первой мировой войной, пишет генерал-майор Клингбейль, под руководством таких специалистов, как генерал-фельдмаршал Кольмар фон-дер Гольце, генерал-полковник фон-Безелер и генерал фон-Мудра, достигла столь значительных успехов, что именно этому роду войск пришлось меньше остальных переучиваться в ходе первой мировой войны.

Основной подготовки инженерных войск являлось весьма основательное обучение

пехотному делу. Оно было сознательно выдвинуто на первый план, так как позволяло осуществить боевое взаимодействие инженерных частей с другими родами войск. Помимо этого, оно требовало умения координировать инженерно-технические задачи с общей тактической обстановкой и тем самым подняло инженерные части до уровня действительно боевых технических войск.

Однако, констатирует далее автор, не раз поднимавшийся вопрос о подчинении инженерных батальонов дивизиям все же не был окончательно разрешен до самой войны. Взаимодействие инженерных частей с другими родами войск ограничивалось в основном обычными осенними маневрами и проводимыми за последнее десятилетие перед войной регулярными военными играми офицеров различных родов оружия. К тому же численный состав инженерных войск мирного времени был абсолютно недостаточен в сравнении с объемом и быстротой осуществления сильно возросших задач современного ведения войны.

Так же, как и в 1870 г., каждый армейский корпус мирного времени располагал лишь одним батальоном инженерных войск в составе 4 рот, и соответственно этому вся германская армия имела 26 полевых инженерных батальонов. С 1908 г., помимо этого, она располагала еще 9 крепостными инженерными батальонами.

Такая организация инженерных войск привела к дроблению батальонов мирного времени, к нарушению их организации в

наиболее критический момент мобилизации. Таким образом, во время мобилизации лишь половина всех кадровых и запасных дивизий могла быть оснащена двумя инженерными ротами каждая; другая половина их вынуждена была довольствоваться лишь одной инженерной ротой.

Явный недостаток в инженерных войсках к началу войны вынудил командование покрывать потребность в них путем призыва на военную службу старших возрастов, менее работоспособных и слабее подготовленных. Крепостные инженерные батальоны, реорганизованные по объявлению мобилизации в инженерные полки, были приданы армиям для выполнения боевых заданий по строительству тяжелых вспомогательных мостов и других долговременных сооружений. Кавалерийские дивизии располагали одним конным инженерным дивизионом и кавалерийским мостовым имуществом. Кроме того, были сформированы следующие постоянные части: 14 территориальных инженерных отделений, тяжелые и легкие крепостные прожекторные взводы, 40 ландшафтных инженерных рот, а также 35 запасных батальонов.

После войны 1870—1871 гг. крупные воинские соединения были снабжены новым военно-мостовым (пontonным) имуществом, причем каждой дивизии придавался в военное время один дивизионный понтонный парк, каждому армейскому корпусу—корпусный понтонный парк.

Все эти соединения оснащались одинаковой материальной частью (цельными понтонными). За последние годы перед мировой войной было введено значительно облегченное военно-мостовое (понтонное) имущество (с допустимой нагрузкой от 3 до 4 т при обычной и до 7 т при усиленной конструкции).

Все же новое понтонное имущество не отвечало современным требованиям. Неизбежно было возрастание веса мостовых средств. Это компенсировалось тем, что наряду с тяжелым понтонным имуществом корпусов, оснащенных цельными понтонными (около 130 пог. м длины колонного моста), были введены дивизионные понтонные парки (около 35 пог. м длины колонного моста), оснащенные полупонтонными. Последние передвигались четверкой лошадей. Все же для обеспечения переправы на виду у противника эти облегченные полупонтонны были менее приспособлены, так как сборка их на воде занимала слишком много времени. При этих условиях отсутствие заранее подготовленного, быстро нагружаемого и вводимого в дело понтонного снаряжения являлось чувствительным пробелом.

После русско-японской войны 1904—1905 гг. у немецких крепостных инженерных войск появилось новое оружие—миномет, который играл столь значительную роль в первой мировой войне.

Применение противником защитной противотанковой брони для орудий и пулеметов делало эффективность этого средства расчистки пути пехоте сомнительной, тем более, что разрывное и осколочное действие бризантных гранат при подходе пехо-

ты к атакуемому объекту принуждало к досрочному переносу огня артиллерией на падающего, что представляло обороняющемуся свободу действий в ближнем бою. Этим соображениям обязан своим возникновением тяжелый миномет, принятый в 1910 г. на вооружение инженерных осадных обозов крепостных инженерных батальонов и обслуживаемый командами четвертых рот крепостных инженерных батальонов. В 1913 г. последовало введение среднего миномета, предназначенного для борьбы с подобными минометами противника. Легкий же миномет, столь хорошо оправдавший себя впоследствии, в ходе первой мировой войны, все же не был, несмотря на раннее осознание его необходимости, принят на вооружение до начала войны. В инженерных войсках, в частности в крепостных инженерных батальонах, еще перед войной была введена тактика ударных частей, применяемая впоследствии с большим успехом штурмовыми батальонами германской армии.

Введенные в 1912 г. во всех инженерных батальонах прожекторные взводы в составе 60-см прожектора, перевозимого конной тягой, и 15 переносных прожекторных ламп накаливания были предназначены: первые—главным образом для противовоздушной обороны, а вторые—для освещения предполья в боях за укрепленные полевые позиции. При объявлении мобилизации они поступили в распоряжение корпусных штабов, но на самом деле постоянно придавались дивизиям.

Предвоенная военно-инженерная техника была неразвита, войска применяли старые ручные методы работы. Инженерные войска еще не были оснащены современными механизмами, как-то: деревообделочными машинами для постройки тяжелых вспомогательных мостов, буровыми машинами для ведения подземной минной войны и т. д. Снабжение инженерных войск подрывными средствами и боеприпасами для ближнего боя, шанцевым и рабочим инструментом, строительными материалами, штурмовыми и прочими средствами было ограничено узкими рамками удовлетворения насущнейших потребностей быстро протекающей маневренной войны. Таково было состояние германских инженерных войск в 1914 г.

* * *

В начале мировой войны в Германии были мобилизованы 9 полевых воздухоплавательных дивизионов (ПВД) и 16 крепостных воздухоплавательных отрядов (КВО). Из этого числа 8 ПВД и 11 КВО находились на Западном фронте, 1 ПВД и 5 КВО—на Восточном фронте.

В августе и сентябре 1914 г. полевые воздухоплавательные дивизионы продвигались вперед вместе со своими армейскими соединениями. Они были подчинены штабам армий. В тактическом отношении они придавались корпусным штабам. Последние передавали аэростаты во временное пользование дивизиям или артиллерийским частям.

В ходе кампании германских армий в Бельгии и Франции привязные аэростаты

наблюдения принимали широкое участие в пограничных боях и особенно на водных рубежах у рек Маас, Эн, Марна и Шельда, южнее Антверпена.

В этой маневренной войне аэростаты служили в первую очередь целям тактической разведки. Помимо этого, аэростаты использовались для разведки целей и для управления артиллерийским огнем, особенно, когда нельзя было применять других средств разведки и наблюдения. Их деятельность неоднократно способствовала подавлению неприятельской артиллерии. Воздухоплавательные дивизионы и отряды иногда использовались при штурме крепостей.

Опасения, что аэростаты окажутся сильно уязвимыми для артиллерийского огня и воздушных атак противника, не оправдались. Все же Франция совершенно отказалась от применения привязных аэростатов. Действительно, с первых же дней войны привязные аэростаты на Западном фронте были подвержены постоянному артиллерийскому обстрелу и воздушным атакам противника; однако в большинстве случаев им удавалось избежать уничтожения. С весны 1916 г. для наблюдателей привязных аэростатов были введены парашюты.

На Восточном фронте аэростаты подвергались преимущественно артиллерийскому обстрелу, поскольку в 1914 г. русской авиации фактически не существовало. На этом фронте ПВД 8-й армии сумел дать армейскому командованию в боях при Гумбинене и Танненберге важнейшие тактические и артиллерийские донесения. В ходе боев за Лодзь в декабре 1914 г. аэростаты наблюдения систематически доносили об отходящих колоннах и новых тыловых позициях русских, а также о перебросках артиллерии. Одновременно аэростаты оказали большую помощь германской артиллерии в подавлении батарей противника. В большинстве случаев аэростаты, наполненные газом, следовали вместе с наступающими войсками, преследовавшими отходящего противника, не прерывая выполнения своих наблюдательных функций.

Задачи аэростатов наблюдения в наступлении на русском фронте в 1915 г. носили тактический и артиллерийский характер. Весьма важными и для того периода характерными являлись «вечерние донесения» наблюдателей о числе и расположении горящих сел. В соответствии с этими донесениями командование определяло в процессе наступления дальность ночных отходов русских и принимало необходимые меры.

Помимо тактических донесений об отходе противника, в задачи аэростатов входило также выявление новых русских артиллерийских позиций, после того как противник останавливался для сопротивления, и оказание помощи в подавлении тех неприятельских батарей, которые особенно сильно тревожили нашу наступавшую пехоту.

В 1915 г. аэростаты приняли участие и в Сербской кампании: при форсировании Дуная у Рама, Семедри и Орсавы.

В октябре 1915 г. все крепостные воздухоплавательные отряды были превращены

в полевые воздухоплавательные дивизионы.

В начале 1917 г. полевые воздухоплавательные войска были реорганизованы. В состав каждой армии был включен «командир воздухоплавательных сил», которому были подчинены штабы полевых воздухоплавательных дивизионов при корпусных штабах. Каждый полевой воздухоплавательный дивизион имел в своем составе несколько аэростатных взводов, в зависимости от обстановки. Взвод аэростатов наблюдения, как правило, придавался дивизии и организовывал пункт подъема аэростата.

При верховном командовании 14-й германской армии командир воздухоплавательных сил являлся советником во всем, что относилось к деятельности полевых воздухоплавательных войск. Ему были подчинены дивизионные штабы 33 и 45 с аэростатными взводами 113, 103, 102, 84 и 87.

В октябре 1917 г. привязные аэростаты приняли активное участие в маневренной войне против Италии.

Новый театр военных действий с огромными массивами австрийских и итальянских Альп представлял собой новую обстановку для наблюдателей привязных аэростатов. Уже сама подготовка к наступлению и связанные с нею действия, как-то: выбор точек подъема, организация снабжения газом и т. п., были сопряжены с большими трудностями. Пункты подъема аэростатов отстояли всего лишь на 4 км от передовых позиций, так как предполагалось, что под действием ураганного огня противник не будет иметь времени для обстрела аэростатов. Против воздушных атак обеспечивало собственное превосходство в воздухе, а также прекрасно организованная зенитная оборона. 24 октября началась артиллерийская подготовка на разрушение, после чего бросившиеся в атаку ударные отряды провалили итальянские оборонительные линии. Однако в этот момент густой туман и тяжелые дождевые тучи, гонимые ветром со скоростью 20 м в секунду, закрыли горы и долины и сделали невозможным наземное наблюдение, которое велось с высот до 1500 м над уровнем моря. Лишь наблюдатели привязных аэростатов, выбирая наиболее благоприятную высоту наблюдения, могли по телефону осведомлять командование о ходе наступления, следя за световыми сигналами (ракетами), все дальше и дальше уходящими вперед. 25 октября была захвачена главная позиция итальянцев с многочисленными укрепленными гребнями и высотами. Донесения от наблюдателей привязных аэростатов обеспечивали своевременный перенос артиллерийского огня после захвата отдельных опорных пунктов. Подъем аэростатов производился из пунктов, расположенных на высоте в 800 м над уровнем моря, тогда как сами аэростаты зачастую поднимались на высоту до 2000 м. При наличии видимости наблюдение было превосходным, и наблюдатели легко могли направлять дальний артиллерийский огонь по густым походным колоннам отступавшего противника. Слабые воздушные атаки итальянцев

янец против аэростатов наблюдения отражались метко стрелявшей зенитной артиллерией в течение всего хода наступления. Итальянская артиллерия почти не вела огня по аэростатам. Аэростатным взводам пришлось преодолеть большие затруднения при переправе через реки Изонцо и Тальяменто, так как все дороги и мосты были забиты войсками и обозами.

2 ноября при ясной видимости аэростаты наблюдения поднимались у р. Тальяменто; они направляли артиллерийский огонь по наиболее угрожающим неприятельским батареям и обнаружили, что арьергарды отходящего противника еще цеплялись за восточный берег реки. Аэростаты следили также за железнодорожным и шоссевым движением на территории противника. Итальянцы безуспешно пытались удержаться у широкого водного рубежа реки. Многочисленные вновь появляющиеся итальянские батареи тотчас обнаруживались аэростатами и подавлялись в соответствии с их донесениями, тогда как те же наблюдатели с аэростатов направляли огонь тяжелых мортир по мощным земляным укреплениям противника.

4 ноября 45-й ПВД донес о форсировании переправы при Пинцано. Затем последовали дополнительные донесения 33-го ПВД о форсировании прочих, южнее расположенных, переправ. Далее, наблюдатели привязных аэростатов донесли о том, что противник подожг свои склады и населенные пункты значительно западнее линии Торрента, Медуна, а также сообщили весьма важные сведения о действенности огня своих войск.

Аэростаты последовали за противником вплоть до Пиавы. На этом рубеже итальянская армия закрепились для оказания последнего сопротивления. От гор до моря противник выставил 15 аэростатов наблюдения и значительно усилил свою артиллерию. В течение 24 часов германское командование получило на основании донесений с аэростатов полную картину неприятельских артиллерийских позиций, причем эта картина непрерывно уточнялась и дополнялась.

В наше время многое изменилось по сравнению с периодом мировой войны 1914—1918 гг., но не подлежит сомнению, что привязные аэростаты все же не утратили своего значения. И в наши дни армия, особенно если она обладает превосходством в воздухе, может использовать аэростаты с такими же перспективами на успех, как и во время первой мировой войны. Она может применить привязной аэростат наблюдения как тактическое средство разведки командования, а также для обслуживания артиллерии. При этом следует подчеркнуть особую роль аэростата в маневренной войне. Когда отступающий противник пытается более или менее длительно задерживаться на естественных рубежах, аэростаты, как никакое другое разведывательное средство, могут обнаруживать новые артиллерийские позиции противника и способствовать их разрушению. В этом отношении опыт воздухоплавательных войск

наблюдения в войне 1914—1918 гг. для нас чрезвычайно ценен и подлежит всестороннему изучению.

* * *

Организация германской военной авиации, пишет генерал авиации Вильберг, началась довольно поздно и развитие ее шло медленно. Этому препятствовали в основном два момента: успешный рост дирижаблестроения, а также организационные и технические разногласия между отделами верховного военного командования.

Еще в 1914 г.—накануне самой войны—германский Генеральный штаб рассматривал дирижабль как лучшее средство стратегической разведки в интересах верховного командования. Значительная уязвимость большого по объему дирижабля по сравнению с самолетом не была еще осознана в достаточной степени. В ходе войны этот взгляд быстро изменился.

После двухлетней испытательной работы 1 октября 1912 г. была, наконец, создана первая авиационная воинская часть с четырьмя базами: в Дебернице, Меце, Страсбурге и Дармштадте. Вместе с воздухоплавательными и автомобильными войсками авиационная часть была передана в ведение инспекции воздушных и автомобильных сил и в качестве технического оружия была включена в состав транспортных войск. Она была подчинена вновь образованной Генеральной инспекции военных сообщений. Однако эта организация ни по своим формам, ни по масштабу не соответствовала планам Генерального штаба.

Мобилизационные требования германского Генерального штаба предусматривали создание к 1 октября 1912 г. 10 полковых воздушных эскадрилий по 8 самолетов в каждой и 6 крепостных воздушных эскадрилий по 4 самолета, всего 104 самолета. В то же время военное министерство смогло организовать всего лишь 6 воздушных эскадрилий по 6 самолетов. Генеральный штаб постоянно требовал усиления темпов роста авиации, придавая ей большое значение. Он настаивал на организационном разделении летных и воздухоплавательных войск, на децентрализации авиационных частей по штабам корпусов и на придании каждому корпусу не менее одной воздушной базы. Он указывал на необходимость теснейшего взаимодействия авиации с наземными частями и создания независимого центра командования всеми воздушными силами.

К 1 октября 1913 г. германские воздушные силы (совместно с воздухоплавательными войсками), значительно выросшие количественно, получили, наконец, свое окончательное организационное оформление. Воздухоплавательные части были усилены 2 батальонами и составили всего 5 батальонов. Воздушные части состояли из 5 авиационных батальонов, каждый из которых делился на 3 авиационные роты, имевшие в своем составе всего 49 офицеров и 1636 солдат, расположенных на 14 авиационных базах.

Стремление Генерального штаба к созданию отдельного и самостоятельного руководства воздухоплавательными и авиационными частями осуществлялось лишь постольку, поскольку были образованы отдельные инспекции для авиационных и воздухоплавательных войск. Однако поскольку эти инспекции в свою очередь подчинялись инспекции автомобильных и воздушных сил, а также Генеральной инспекции военных сообщений, то их влияние на общую организацию и развитие воздушных сил было весьма ограничено. Органическая связь со штабами корпусов и действующими войсками не была установлена. Авиация оставалась попрежнему транспортным родом войск.

Создание специальной авиации для обслуживания артиллерии, на чем убедительно настаивали генеральные инспекции как тяжелой, так и полевой артиллерии, было ограничено, по предложению Генерального штаба, одной полевой воздушной эскадрилей для каждого штаба армии.

Ежемесячная продукция германской самолетостроительной промышленности составляла всего 20—25% фактической потребности фронта в военное время. В отношении личного состава воздушных частей, количество которого являлось совершенно недостаточным, инспектор добился его увеличения на 40% к 1 апреля 1914 г. В то время как число наличных и подготовляемых пилотов было вполне достаточным, ощущался острый недостаток в летчиках-наблюдателях. Мобилизационная потребность в летнабах составляла 279 человек, в то время как к концу 1913 г. мобилизационные списки насчитывали всего лишь 96 подготовленных и 27 обучавшихся летнабов. Наблюдателей же, подготовленных в области тактики, не было совсем. Потребовались срочные и чрезвычайные мероприятия для подготовки потребного дополнительного числа летнабов, что и было осуществлено к 1 августа 1914 г. путем организации курсов ускоренного выпуска.

Далее автор статьи приводит цифровые данные о числе самолетов в германской, французской и английской армиях к моменту начала военных действий. Германия, по его данным, располагала 33 полевыми воздушными эскадрильями по 6 самолетов в каждой, всего 198 самолетов (по 1 эскадрилья при каждом штабе из числа 8 армий и 25 действующих корпусов), 6½ крепостных воздушных эскадрилий по 4 самолета в каждой, всего 26 самолетов, итого — 224 самолета.

Франция располагала 21 армейской эскадрилей по 6 самолетов в каждой, 3 кавалерийскими воздушными эскадрильями по 6 самолетов в каждой и одной артиллерийской эскадрилей из 6 самолетов, а всего 150 самолетов.

Англия располагала 6 эскадрильями по 12 самолетов в каждой, всего 72 самолета. Итого союзники имели вместе 222 самолета.

Германия ввела в действие на Западном фронте 29 полевых авиационных эскадрилий и 4 крепостных эскадрилий. Эти 190 самолетов в количественном отношении значительно уступали силам противника. Методы их применения также были различны. У англичан самолеты вводились в действие только по приказу главнокомандующего экспедиционным корпусом, у французов — частично приказом верховного командования, но в основном распоряжениями штабов армий. В Германии же подавляющее большинство самолетов было придано армейским корпусам; лишь 8 эскадрилий находились в составе армейских соединений. Верховное командование не имело в своем распоряжении ни одного самолета. Стратегическая разведка верховного командования производилась лишь с помощью дирижаблей.

Описывая материальную часть и вооружение германской авиации в 1914 г., генерал Вильберг указывает, что германские авиационные эскадрильи состояли из бипланов («Альбатрос», «ЛВГ», «Авиатик») и монопланов («Румплер», «Гота», «Яннин»). Самолеты были снабжены моторами мощностью в 100 л. с. Они развивали скорость порядка 100 км в час и при четырехчасовой продолжительности полета могли брать полезную нагрузку до 200 кг. Вооружение самолетов состояло из винтовок и автоматических пулеметов. Авиационный пулемет еще находился в стадии испытаний. Для воздушных бомбардировок имелись бомбы весом в 3,5, 5 и 10 кг, а также пачки по 50 штук железных стрел. 25-см фотоаппараты для аэрофотоъемки и сигнальные ракетные пистолеты (вместо радио) дополняли вооружение самолетов. В распоряжении верховного командования находилось 12 воздухоплавательных команд с 11 готовыми к полетам дирижаблями, являвшимися самостоятельным «боевым и разведывательным воздушным флотом». Кроме того, штабам 8 армий были приданы 8 полевых воздухоплавательных эскадрилий. Помимо этого, имелось еще 15 крепостных воздухоплавательных отрядов.

Военно-морской флот Германии заинтересовался авиацией лишь с 1911 г. В 1912 г. была образована первая самостоятельная морская воздушная эскадрилья, которая в противоположность организации сухопутной авиации была подчинена в отношении всех военных и технических вопросов непосредственно государственному секретарю управления военно-морского флота. Однако штаб адмирала, как и Генеральный штаб, требовал от военно-морской авиации тесного взаимодействия с морскими боевыми силами и добился в 1914 г. организации двух военно-морских авиационных баз в Северном и Балтийском морях. Все же многочисленные трудности технического порядка, стоявшие на пути развития военно-морской авиации, привели к тому, что на 1 августа 1914 г. она насчитывала в своих рядах всего лишь 12 гидросамолетов.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
По ленинскому пути (к семнадцатилетию со дня смерти В. И. Ленина)	5
И. РАТНЕР — Брунетская операция (1937 г.)	11
Ф. ХРАМОВ — Борьба за Ханькоу (июль—октябрь 1938 г.)	32
Г. КАРАЕВ — Транспортные средства в войне 1914—1918 гг.	48
В. КУЛЬБАКИН — Англо-бурская война (1899—1902 гг.)	75
В. МИНАЕВ — Разведка в Семилетнюю войну (1756—1763 гг.)	94

Военные деятели прошлого

Фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский. — Проф. Н. Коробков	105
---	-----

Исторические заметки

Военное прошлое новых советских городов

Таллин — И. Шаскольский	121
Нарва — И. Ш.	126
Тарту (Юрьев) — И. Шавель	131

Из документов прошлого

Записка генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского о реорганизации русской армии	138
---	-----

Критика и библиография

Брусиловский прорыв. — Г. Захаров	145
Восточно-прусская операция 1914 года — Д. Рыбин	148
Разгром итальянской армии под Капоретто в 1917 г. — Д. Р.	150
Из зарубежной печати	152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Н. А. Таленский (отв. редактор), В. А. Меликов, Е. А. Болтин, И. И. Зубков, Е. А. Разин, В. В. Воронин, С. К. Бушуев, А. С. Ерусалимский.

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 19, 1-й дом НКО СССР. Тел. К 3-38-81.

Подписано к печати 7/II—41 г.

Печ. лист. 10; авт. лист. 15.

Г 190.

Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

Изд. № 26.

Зак. № 4446.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.